

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Болдырев (Курск)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

12/2019

Содержание

ПРОЗА

Анастасия РАЗУМОВА. Кто стерег коней ночью... Повесть.	3
Андрей КОРОЛЕВ. Белый воробей. <i>Автогеография.</i> Роман. Окончание.	40
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА. Живая вода. Рассказ.	86
Денис СОБОЛЕВ. Испытание тайгой. Рассказы.	96
Александр ЖДАНОВ. От лета к осени. Рассказ.	113
Борис ПРОТАЛИН. Сибирские бывальщины. Рассказы.	130

ПОЭЗИЯ

Константин КОМАРОВ. Проверенная смерть. Стихи.	36
Ольга ПОЛЯНИНА. Летописное лето. Стихи.	83
Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ. «Отпусти меня, ма...» Стихи.	93
Анатолий АВРУТИН. «Там, где пустошь...» Стихи.	109

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Лариса ПОДИСТОВА. Сибиряк — это человек-вызов. <i>К 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора. Очерк четвертый.</i>	136
Сергей ВЛАДИМИРОВ. Служа России и закону. <i>Из истории новосибирского ОМОНа.</i>	143

Гражданская война в Сибири

Михаил ЗАНКЕВИЧ. Последние дни Колчака.	168
---	-----

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Влада БАРОНЕЦ. Как сделать куклу из тряпочки и получить «Нацбест».	177
--	-----

<i>Коротко о книгах</i>	181
------------------------------	-----

Картинная галерея «Сибирских огней»

Владимир ЧИРКОВ. Геннадий Райшев: автохтонное происхождение художника как источник универсальности его искусства. <i>Искусствоведческие письма.</i>	184
---	-----

<i>Содержание журнала за 2019 год</i>	187
--	-----

<i>Авторы номера</i>	191
---------------------------	-----

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Анастасия РАЗУМОВА

КТО СТЕРЕГ КОНЕЙ НОЧЬЮ...

П о в е с т ь

До утра выл ветер, в дом намело серого песка. Желоб провис над самым входом и, когда Хава ткнула его снизу палкой в надежде выпрямить, окропил ее ржавой водой. Она махнула рукой. Голову еще туманил сон, во рту было вязко: снилось, что ела темно-красный кизил, нечаянно проглотила три косточки.

На колышке стучала жестянка, в унылом, но музыкальном звуке Хава слышала призыв. Тихонько повела песню о том, как засыпает в реках вода и становится густой-густой, а в колыбели зреет, будто сыр, богатырский младенец. Хава не пела сто лет плюс двенадцать и щедро заменяла забытые слова на другие — из собственной жизни, потому младенец стал черноглазым, смуглым, пах порохом, имел на теле пять шрамов и до дрожи любил халву с орешками. Только что означают три кизиловые косточки? Вот бы вспомнить...

Она замолчала, прислушиваясь к отголоскам. Пропела медленнее. Песня потухла.

Сама себе Хава напоминала худосочный стебель кукурузы, оставшийся в поле необранным. Морщины протянулись по щекам, лбу, сбегали вниз от носа, теряясь где-то на шее, волосы превратились в мягкую метелку — того и гляди зашелестит и осыплется. Пальцы плохо сгибались, поэтому козу она не доила, а мучила щипками, приговаривая:

— Терпи, терпи старуху.

Хава налила молока в плошку для Айзиной дочки. Не было ни дня, чтобы девочка чем-нибудь не хворала. Обычно старуха утешала: вернемся домой, первым делом найдем бычка, зарежем и положим девочку в еще теплое нутро, головой к сильному бычьему сердцу — все болезни сойдут.

— Скорей бы домой, — вздыхала Айза, измученная и детскими болезнями, и тем общим чувством потери, что много лет томило выселенцев.

Хава укутала плошку куском ткани. До полуденной жары вывела козу к речушке. Села в траве под тень невысокой ивы, прищурилась, подняла лицо. Жучки забежали под одеждой по ногам и рукам. Рядом колыхалась грязно-белая пена. Молодая казашка в пестром халате вышла со стиркой. Подобрала полы, заступила в воду до крепких темных коленок. Согнулась, яростным плеском разгоняя вокруг мошек и блики солнца.

Вот силы-то! Хава поморщилась: она никогда не полоскала белье в этой мутной речушке: невелика радость обнаружить на подоле головастика. То ли дело — ее река, что начинается у старого карагача, разбитого молнией, бежит по склонам и балкам, бурлит меж валунов, пока камни не оживают все до единого... Хава вспоминала дом, багровый шар разрасстался в ее голове. Еще чуть-чуть, и всплывет что-нибудь совсем слезоточивое. Кувшинчик с отбитой ручкой, например. Она встала, кости затрещали так, что казашка оглянулась.

Подходя к селу, Хава повстречала несколько человек, но среди них ни одного, с кем она ехала в степь двенадцать окаянных лет назад. По обеим сторонам дороги тянулись низкие плетни. На деревьях атели плоды — до сих пор она не знала, съедобные или нет, в горах такие не росли. На всякий случай запретила Марьям их рвать.

Землячка, мюридова сестра*, окликнула:

— Ну что, Хава, вести от сына есть?

Хава помотала головой.

— А что сама думаешь? — не отставала соседка. Она часто сидела у окна, свернув лист бумаги в подобие подзорной трубы, разглядывала улицу.

— Ничего не думаю. Что мне думать? — ответила Хава и хотела было идти дальше, но соседка поманила:

— До мужа слух дошел...

Хава привязала козу во дворе, шагнула в дом. Над головой зашевелились пучки сухих трав, подвешенные к балкам. Судя по всему, на кухне варились куры. Мюридова сестра прошептала в полутьме, пропахшей курятиной:

— В горах воюют. Вот тебя и не пускают обратно, держат здесь на привязи, как ты козу держишь.

У Хавы зашумело в ушах. Она схватила соседку за тощую руку, проговорила:

— Как же, ведь разрешают уезжать! Закон вышел — Республику вернули. Сколько уж народу уехало, и наш черед придет. Вернемся домой, заживем по-старому...

— Да слышишь ли ты, упрямая? — осерчала соседка. Над воротником затрясся кусок морщинистой кожи, который в лучшие времена был увесистым вторым подбородком и в котором, как посмеивались соплеменники, мюридова сестра вывезла в ссылку пять мешков муки, серебряный пояс и три пузырька хвойного одеколona. — Некуда нам возвращаться. Чужие люди в наших домах. Не положено нам возвращаться! А кто возвращается и за дома воюет, тех ловят. Сын-то твой воюет, как думаешь?

— Чтоб у тебя язык отсох! — воскликнула Хава.

— Ты сама сохнешь, — огрызнулась соседка. — Одни кости брякают. Я как услышу на улице — бряк-бряк, знаю: ты идешь.

Они долго жили в изгнании, успели и стихийно примириться, как бранчливая родня над гробом покойника, и вернуться в сладостную от-

* Мюрид — последователь суфийского направления в исламе.

душину соседских усобиц. Но сейчас Хава замерла. Мюридова сестра сплонула волосок, натянула платок ниже на лоб:

— Молчи, Хава. Ходи и молчи, иначе хуже сделаешь.

Хава отвязала козу и пошла домой, едва передвигая ноги.

Возле дома сидели трое местных мальчишек, на отвесном солнце корчились их узкие тени. Хава прикрикнула. Мальчишки разом подняли черные головы, воззрились на нее щелками азиатских глаз. У одного в руках была палка, которую он наставил на старуху. Хава знала, что слышит у местной ребятни ведьмой. Давно решила — пусть боятся, пакостить будут меньше.

Двое старших ребят дали деру, высоко вскидывая грязные пятки. Тот, что с палкой, тоже было рванулся, но Хава властно прижала его к земле:

— Сиди!

Наклонилась, разглядывая что-то у его ног. Это была забитая палкой птица. Мальчишка под старухиной рукой неловко раскорячился, показав застарелые пятна мочи на штанах. В испуге мешал русские слова с родными, тыкал палкой то в птицу, то в небо, то себе в грудь:

— Она все равно умирала. Мы ей помогли. Она с неба упала, калеченая!

Хава отвернулась, убрала руку:

— Иди.

Мальчишка привскочил. От него пахнуло зверем, и Хава поняла, что он куда старше, чем показалось сначала, — почти юноша, а ростом не вышел, коротыш.

— Птицу забери и закопай, — велела Хава.

Голова была тяжелой. Старуха взялась менять козе подстилку, наклонилась и чуть не упала. Вернулась по стенке в дом. Хватило сил разогнать мух со стола. Подумала: почему от Айзы сегодня никто не прибежал за молоком? Легла на живот, придавливая левую грудь и левое плечо, — так ноющая боль всегда отступала.

Вести с далекой родины доносились в степь, минуя злоязыких, наушников, ненадежных, оттого казалось, что их приносил сам ветер: кто женился, кто помер, кто как устроился на новом месте, у кого родился сын, кого убили, кого арестовали, кто вставил золотой зуб и повязал галстук. Много лет Хава умудрялась жадно ловить каждую новость и одновременно гнать от себя любой похожий на правду слух.

— Воюет, — пробормотала она. — Разве я его учила воевать? Разве отец его учил воевать? Разве через наше жилище два раза война не проходила?

Раздались быстрые шаги, в дом влетела Марьям. Хава встала, с трудом опираясь на скрюченные кисти. Марьям посмотрела с тревогой, ощупала ее голову, будто умела лечить старость. Однако даже сквозь беспокойство проступал на лице девушки загадочный свет. Хава невольно улыбнулась.

Марьям принесла мешочек, раскрыла его, словно фокусник перед ребенком. Раньше всего Хава ощутила запах — чуть затхлый, отдающий

известкой, но сердце ее вздрогнуло. В мешочке была белая мука. Старуха запустила щепоть, аккуратно вынула и облизнула. Марьям расхохоталась, зубы ее были белее муки. Стройная, высокая, большеглазая, с такими густыми волосами, что раз в месяц Хава прореживала их бритвой, иначе невозможно было собрать косы. Когда сжигали волосы, от них поднимался едва уловимый аромат весенней горечавки. Вот такая выросла девушка. И все-то ей к лицу: даже это старое, перешитое из чужого платье, плотностью и невразумительным цветом напоминающее древний пергамент.

Марьям придумала тут же напечь лепешек. Все делала сама: козьим молоком забелила воду, подсыпала из мешочка муки, соли, вытащила из-под постелей чугунную сковороду — отчего-то липкую, хотя давным-давно ничего не пекли. Оттерла дно песком. Во дворе затопила большой очаг. Хава присела рядом, держа наготове щепки. Завороженная, она наблюдала, как вспухают лепешки, с изнанки проявляются родимые пятнышки жара. Рот наполнялся слюной.

Марьям ловко управлялась с лепешками, быстро выросла целая гора.
— Ешьте, нани!

Хава взяла горячую лепешку. Она помнила, как вкусны лепешки на белой муке. Но во рту горчило. Хава думала о сыне. Сын ее никогда не принимал покорно удары судьбы. Какая причуда природы человек, думала Хава, — привыкает ко всему: голоду, бедности, боли, привыкает год за годом стареть, приближаясь к смерти. Но захоти кто-то превратить его в раба, начинает бунтовать. Сын мой, сын! Дикая лошадь, мирная на воле, обращается в буйного зверя, стоит запереть ее в клетке. А ты мирным и на воле не был.

Вдруг права мюридова сестра?

Старуха положила лепешку обратно.

— К Айзе схожу, отнесу молока, — сказала она.

В доме Хава возилась долго, куда дольше, чем требовалось, чтобы взять плошку молока и завернуть лепешки в старую газету. Дом их был невелик: кухня и комната. В кухне — малый очаг, потемневшие от времени полки для посуды, ларь, какой стоял у бабки Хавы, у прабабки и, вполне возможно, у первой женщины на свете, в праисторических глубинах которого все припасы обретали одинаковый привкус, но были надежно защищены от мышей. В комнате вдоль стены поджались узкая кровать и тахта, отделенные занавеской. Под окном — железная печка. Под другим окном — сундук, обитый медными полосами, в круглых следах ожогов, с двумя ручками по бокам и потемневшими следами от вырванного с мясом в памятный день замка. Краска осыпалась хлопьями каждый раз при открывании. В этом сундуке Хава хранила свои секреты. Посреди комнаты стоял невысокий стол, изготовленный таким бранчливым плотником, что Хава вымыла этот стол щелоком и тремя водами перед тем, как внести в дом. Напротив двери висел войлочный ковер с рогатым охотничьим орнаментом, на нем — пришитая одним стежком единственная фотография семьи Марьям, еще без Марьям. В своем уголке девушка завесила табурет плюшем, поставила зеленую вазочку без цветов, наклеила в ногах дешевый картонный пейзаж — так, чтобы, уплывая в сон, видеть море и кораблик.

С каждым годом оставалось все меньше вещей, связанных с прошлой жизнью. Хава приходилось надеяться только на память — нещадно подмываемый островок в море воображения. Она вспоминала песню, расплетающуюся на полсотни языков, лучезарные полдни, дымку священных гор, мудрецов с иссохшими телами и вечно молодыми душами, райское место, где каждый абрикос дарует бессмертие, где благословен детский коржик, который можно есть сколько угодно и он не иссякнет. Вспоминала до тех пор, пока не изумлялась: разве это было мое детство, моя молодость?

Из той малости вещей, в которых Хава черпала надежду и свежую ненависть для борьбы, самые главные приходилось прятать на дне сундука. Оттуда, из глубин, она достала суконную черкеску в черных пятнах, расправила на коленях. Перед глазами тут же встало родное лицо. Темноглазый юноша с высоко поднятым подбородком смотрел дерзко. Его правое плечо и вся правая часть тела выступали немного вперед, точно он держал в руке саблю и бесконечно нападал. Отец его, муж Хавы, был совсем иного характера. Приучал мальчика не сидеть без дела, а когда дел не было, распоряжался: рой яму, да поглубже. Мальчишка рыл, пока на ладонях не вспухали мозоли. Отец кивал, принимая работу: хорошая яма, теперь засыпай и рой в другом месте. Хава лечила сыну мозоли, сын терпел, отец следил, чтобы дурь не завелась ни в одном из них.

Увы, дурь в юнце все-таки проявилась, да еще какая — заваренная два поколения назад. Бесстрашным и не годным ни для чего, кроме войны, был легендарный дед Хавы. Тот самый, что к двадцати годам имел пять детей от трех жен, к двадцати пяти — десять душ поверженных терских казаков, а к тридцати — одну-единственную пулю во лбу.

Хава успела положить черкеску обратно до того, как вернулась Марьям.

— Сегодня доктор обещал зайти, — сказала девушка. — Посмотрит козу.

Доктором в селе называли зоотехника Дугина.

— Хорошо бы, — ответила Хава. — Одна его не принимай. Меня дождись.

В глазах Марьям мелькнуло странное выражение. Хава давно заметила и тревожилась: Марьям с холодом, если не сказать — презрением, относилась к вековым обычаям. Домой, думала Хава, нам нужно домой, пока Марьям не развратили эти гимнастерки.

К Айзе она вошла без стука. По сдавленному женскому плачу поняла: что-то случилось. На шаги Хавы выбежал мальчишка, сказал:

— Сестренка помирает, — и покосился на узелок в руках старухи.

Хава прислонилась лбом к холодной стене. Постояла немного. Мальчишка не уходил, стоны в комнате стали громче. Хава решительно вошла.

Когда-то Айза была первой красавицей, но тот, кто при взгляде на нее еще мог вспомнить былую царицу амазонок, давно состарился. Изможденная женщина плакала у кровати девочки. Кроватьку эту два года назад выменяли у немцев. Была она светлого дерева, на гнутых полозьях, с резным узором, в извивах которого мастер спрятал свой вензель

и корону. Айза лелеяла тщеславную мысль, что на лакированном ложе когда-то спали дети немецких королей. Увы, ее девочка ничем не напоминала принцессу. Она и на ребенка не походила, скорее на старушку. Айза причитала: младшее любимое дитя, единственная дочка... Мужа не было рядом. Он работал шофером и, ко всеобщему довольству — разумеется, тайному, — редко появлялся дома. Жене работать запретил, не разрешал сыновьям ходить в школу, поэтому они целыми днями слонялись по селу, от скуки бились с местными мальчишками и уже угрожали им кровью, стащив однажды отцовский кинжал.

Боевитые ребята перехватили узелок Хавы. Немудрено: запах от лепешек проникал сквозь два слоя газеты.

— Ешьте, — распорядилась Хава.

Тронула Айзу за плечо:

— Иди, покорми сыновей. А я тут побуду.

Айза подняла красные глаза, прошептала:

— На все воля Аллаха.

Хава помогла ей выйти. Оставшись в комнате наедине с больной, опустилась у ее постели. Придвинулась ближе, взяла прохладную тоненькую ручку. Что-то хрипело и булькало в груди девочки, живот ее был раздут от паразитов. Казалось, эту вялую жизнь можно окончить одним касанием пальца. Хава закрыла глаза. Вспомнила маленьких казахов с птицей. Интересно, как они решили, что птица не жалец? Где тот предел, за которым уже невозможна борьба за жизнь?

Хава вздохнула. Вот сын ее — он такого предела вовсе не видел. Он родился иным. Хава рожала его в одиночестве, следуя животной мудрости своего тела, и на верхушке этого природного инстинкта, безотчетно, первым делом обнюхала новорожденного, будто тигрица детеныша. Его запах отличался от ее запаха и от запаха ее мужа.

— На все воля Аллаха, — повторила Хава, держа невесомую ручку Айзиной дочки. — Что же мне — и просить не стоит? А я попрошу! — Она слегка порозовела от собственной дерзости. — На что мне жизнь моя? Я ее прожила. У меня был муж. Он был хороший человек. Мы родили сына, и сын наш радовал нас. Разве не счастливой я была? Счастливой. — Хаве показалось, что пальчики девочки едва заметно дернулись, она подняла ее ручку выше, будто кому-то показывая. — А это дитя родилось в болезни и голоде, на чужой земле. Она не видела счастья, не знает надежды и веры. Так кому из нас жизнь нужнее? Кому?!

Перед внутренним взором Хавы тут же встали неизменные посланцы ее совести — седобородые мудрецы, что на похоронах рассуждали о смертности всех людей на земле и всякого скорбящего утешали: прожившему на этом свете в болезнях и горе сторицей воздастся в ином мире, — и на каждый вопль: «О, зачем люди смертны?!» — отвечали: «Если бы люди не умирали, они не испытывали бы жалости друг к другу». Мудро и легко говорили старцы с белыми как снег и длинными, как их жизнь, бородами.

— Всевышний, тебе нужна душа человека? Я тебе свою отдам, невелика ценность, — сказала Хава, перебирая тонкие, как нити, пальчики. — Или ты от меня чего-то другого хочешь?

Перед глазами ее снова восстал багровый шар. Усилием мысли Хава перекатила его в сторону и увидела вход в черную пещеру. Будто в темную яму из сказки, куда храбрый Джантельг* предложил своим товарищам спуститься на ночь. Опасно, ответили те, мы ведь не знаем, что там. Но не слушал их храбрый Джантельг, шагнул первым. В отличие от храбреца и его товарищей, Хава знала, кто спит на дне в голубом сиянии. Чудовище ешап на девяти ногах, с девятью глазами, девятью клыками, охранитель мира мертвых. Она понимала: войдя, может уже не вернуться назад. Но именно там, в темной и неприветной глубине, таились очищение и смирение. Смирение, столь противное сейчас ее духу.

Хава выдохнула. На одно мгновение ей показалось, что не бледную ручку умирающего ребенка она держит, а что-то неизмеримо большее. И молит не о жизни маленькой девочки, а о чем-то большем. «Не только человек жив надеждой, но и целый народ, — распутывала она давнюю горькую мысль, поглаживая пальчики Айзиной дочки через прутья кровати. — Когда целый народ утрачивает надежду и веру, то исчезает с лица земли неоплаканный. Впрочем, не слушай, маленькая, старухин бред: любит старуха помудрствовать, а в голове кукурузная каша».

За ее спиной скрипнул пол. Тенью скользнула Айза. Девочка лежала, не поднимая веки, и тяжело дышала.

— Ты молилась, Хава? — спросила Айза.

— Молилась, — ответила Хава.

Она с трудом разомкнула сведенные пальцы, выпуская безвольную ручку.

Хава вернулась домой разбитая.

Очаг во дворе догорел. Марьям дремала. Неполные сутки провела она на ногах, в коровнике, где тяжело телились сразу две коровы, и Дугин хмурился: как бы не погубить этих хороших коров.

Хава потянулась задернуть окно, увидела сутулую фигуру Дугина.

— Что ж тебя не вовремя несет! — прошептала и этим шепотом разбудила Марьям.

Девушка вскочила.

— Доктор идет, — сказала Хава.

Под ее внимательным взглядом Марьям повязала платок.

Раздался стук в дверь. Дугин вошел, пригибаясь. Был он высокий, нескладный, большие очки на носу, казалось, принадлежали другому человеку и надеты были исключительно по близорукой ошибке. Однако вся его нескладность пропадала рядом с животными. Тут Дугин становился деловитым и сноровистым.

Они стояли в сарае, у козы. Хава оглянулась на Марьям. Марьям смотрела на Дугина. Заметив строгий взгляд Хавы, потупилась.

— Камешек в копыто попал, — сказал Дугин и подкинул на ладони мелкую гальку. — У реки пасете?

Хава кивнула, удивляясь, как покорна, молчалива коза. Дугин достал из кармана кусок соли, очистил от налипшего мусора и положил козе.

* Джантельг — герой чеченских и ингушских народных сказок.

— Я ей копыта подрежу, — сообщил, уже не отвлекаясь на хозяйку. Хава и Марьям ушли в дом. На стуле лежала тряпичная сумка Дугина, и от этого они обе переживали незримое присутствие чужого мужчины.

— Я-то давным-давно слепая, а ты? Как не углядела камешек? — спросила Хава у Марьям.

Та молчала.

Дугин забрякал рукомошкой во дворе, снова постучался. Войдя в комнату, ссутулился, плечи неловко обвисли. Потянулся к сумке, достал книги, положил на край стола.

— Вот, это по животноводству, — сказал он и покраснел. — Мария Александровна просила.

Хава удивленно посмотрела на Марьям. Та снова потупила взгляд.

— Ты просила? Зачем? — спросила Хава.

— Учиться, — тихо ответила Марьям.

Хава молчала. Дугин переминался с ноги на ногу. Молчание это ему не понравилось, и он постарался выгородить и Марьям, и свои книги:

— Зоотехник — хорошая профессия. Если Мария Александровна выучится, будет моей сменщицей.

Хава фыркнула:

— На что ей это? Мы скоро домой вернемся. Там она при муже будет.

Дугин тоже уставился в пол, но книги не забирал. Тогда Хава сказала громче:

— В этом году вернемся. Все возвращаются. Республика у нас снова, слышал? У нас хороший дом, мой сын будет хорошим мужем Марьям.

— Не сомневаюсь, — ответил Дугин и застегнул сумку. — Но книги оставляю. Мария Александровна, вы сами разберетесь.

Когда он уходил, раздался грохот. Хава и Марьям выбежали во двор. На земле валялась половина желоба, повсюду летала ржавая пыль.

Дугин виновато сказал:

— Это я головой задел. Завтра почию, не волнуйтесь.

— Не надо. Одной чепухой меньше, — ответила Хава.

Они оттащили куски жести в сторону, и Дугин ушел.

В доме Хава отодвинула книги на угол стола:

— Что ты придумала? Зачем тебе это?

Марьям подняла глаза, в них искрились слезы.

— Нани, а вы верите? — спросила она. — Верите, что мы вернемся?

Хава еще дальше отодвинула книги.

— Верите, что ваш сын... — Марьям замолкла на мгновение, подбирая слова, — что он меня ждет? — И у Хавы заныло сердце, она угадала, что на самом деле хотела спросить девчонка: верите ли вы, что ваш сын жив.

Старуха толкнула книги. Те упали, бесстыже раскрыв страницы. Она стукнула кулаком по столу:

— Замолчи!

Ушла к козе, начала перебирать подстилку. Руки ее дрожали. Хава слишком хорошо знала своего сына. Ребенком он как-то спросил: «Наша

страна — большая?» Хава подумала и ответила: «Нет, маленькая». Сын недовольно нахмурился: «Я слышал — большая!» Хава сказала, как учила ее: «Сколько можешь земли распахать — это и есть твое. А на чужое зариться — грех». Ему снова не по вкусу пришлось эти назидательные, отдающие чернилами речи.

С малых лет он кулаками выбивал исключительное право верховодить во всех ребячьих играх: «Я Сеска Солса*! А кому не нравится — стройся в очередь, бить буду». Восемилетним скакал на жеребенке и кричал: «Я буду офицер Уцига Малсаг!» Три из пяти шрамов на теле он получил в детстве.

Детство его длилось как взмах ресниц. Он рано стал мужчиной: муж Хавы умер от опухоли, при которой рождение единственного сына явилось чудом сродни раскалыванию луны пополам. Рано ушел в леса пасти овец, вооружившись старой дульнозарядной винтовкой. Все лето жил один в шалашиках. Когда Хава отыскивала его, чтобы принести соль, спички, крупу, с тревогой отмечала, что от него все горче пахнет порохом. Стоило только пробиться первому темному пушку над его губой, как стал он бредить то подвигами прадеда, то повстанческой удалью полковника Челокаева («Челокаев так чекистам и сказал: пришлю в мешке по сорок голов коммунистов за каждого убитого члена моей семьи!»). Хава заклинала: молчи, сынок, где ты этого наслушался?

Если хоть на полслова права соседка, то сын ее сейчас в самой гуще новой войны. Из степи он сбежал десять лет назад, и его до сих пор не нашли. Хава знала, что сын вернулся в горы. Чувствовала сердцем. Сердце отзывалось радостью, когда с гор долетал шепот: жив, видели там-то, здоров, славным джигитом стал. В этом твердом убеждении через год после побега сына Хава нашла ему невесту — сироту Марьям. И начала ждать. Мать успела состариться, а запуганная девочка с косами до пола — превратиться в красивую, полную сил девушку. Но горы были по-прежнему далеки.

С грустными мыслями Хава сгребала лежалую солому. Руки дрожали. На пол упала тень Марьям.

— Простите, нани, я неблагодарная.

Хава разогнулась.

— Вам все кажется оскорблением, — продолжила Марьям, — а мне уже ничего не кажется — после всех пинков, окриков, когда нас гнали, будто скот, и рылись в наших вещах. — Она встала рядом, начала тоже сгребать солому. — Я плохая дочь своего народа, с этим не поспоришь. Но я и вам плохая дочь. Последнее меня печалит гораздо больше.

Хава шумно сглотнула. В горле стоял комок. «Меня выдали за человека, которого я ни разу не видела, и была я счастлива», — думала она, по-своему толкуя печали Марьям.

Да-да, счастлива тебе назло, коварный расхититель тыков и девичьих сердец, откуда ты появляешься каждый раз, туда и скройся!

* Сеска Солса — герой эпоса у ингушей и чеченцев. Уцига Малсаг Долгиев — ингуш, офицер императорской лейб-гвардии, приближенный императора Александра II, главный персонаж многих народных сказаний.

Счастье Хава состояло в том, что муж ее не был ни добрым, ни злым, ни мягким, ни жестким. Молчал все годы, что они прожили бездетными, и Хава, отчаявшись, просила его взять другую жену, без изъяна. Молчал, когда она наконец понесла. Молча вырезал ножом на двери: «7 июля 1929 года» — дату рождения сына. Хава наивно представляла, что человек рано или поздно обретает качества материала, с которым работает: имеющий дело с огнем и железом — горяч и упрям, со зверем — непредсказуем и осторожен, перебирающий бумаги отличается легковесностью и переменчивостью характера. Муж ее всю жизнь работал с деревом; где-то далеко — там, где все цвета обращаются в серое и серебряное, и сейчас ездят сколоченные им арбы. Супружескую жизнь Хава прожила словно в тени карагача, молчаливого, но надежного. Ни одна живая душа не знала, почему юная невеста сломалась на любимой тетке, когда та что-то прошептала в день свадьбы. Никто не мог разглядеть под плотной вуалью горькие слезы Хава.

Ей было пятнадцать, когда впервые сбывлась ее выдумка. Фантазия эта была самой обычной для девушки тихой и малозаметной, любящей бабкины сказки. Хава грезила о встрече с прекрасным джигитом, который заберет ее с собой в волшебный край вечной радости и цветущих рододендронов. Долгие минуты она просиживала у источника, ожившая иллюстрация к нежному любовному преданию. Зачерпывала кувшинчиком с отбитой ручкой воду и выливала, радуясь, что никто, кроме Всевышнего, не умеет читать мысли. В душе ее зрело ранее не испытанное чувство, что-то одинаково святое и грешное, сладостное и болезненное, не имеющее названия. Хава дорожила минутами, паутинку которых приходилось стряхивать, возвращаясь к шумному, безрадостному быту. Она приносила кувшинчик соленой воды, мать всплескивала руками: ну и под каким кустом ты спала? За Хавой был послан следить младший брат, потом средний и даже старший — все разводили руками: сидит на валуне, кувшинчиком воду переливает. Дурочка, наверное. Мать отстала.

Хава прождала джигита все лето. Она представляла, что скажет ему, как потупит взор, как даст руку. Когда он появился-таки в начале осени, во рту ее застряли слова — те красивые, складные речи, что она повторяла в своих фантазиях. Хава обомлела. Джигит был прекрасен, когда ловко перепрыгнул с камня на камень и бросил свой мешок к ее ногам. В мешке болгалась, несомненно, голова поверженного чудища. Он попросил напиток. Хава смотрела, как он пьет, и мечтала стать водой.

Напившись, джигит спросил:

— Сколько тебе лет?

— Пятнадцать, — ответила она.

Он задержал кувшинчик, прежде чем отдать. Она смотрела на его отражение в воде. Сам источник любовался джигитом, прекратив рябить.

— Через год жди, — сказал герой и подобрал мешок.

Уходя, обернулся. Посмотрел на Хаву, спросил:

— Будешь ждать?

Она, ни жива ни мертва, кивнула. Кувшинчик светился краем, которого коснулись губы джигита.

Через год Хава пришли сватать. Как многие невесты того времени, она в глаза не видела жениха. Но наивное сердечко рвалось из груди: он! Хава похудела и подурнела от ожидания. Бессонные ночи сменялись невыносимыми днями. Солнце замедлило движение по дуге. Ей грезились наяву смеющиеся черные глаза, ловкий стан и даже этот мешок. Любимая тетка сжалась, принесла тайком картонную фотографию. Хава впервые увидела могучий карагач над своей головой, и неназванное, волнительное чувство в ее душе навеки замолчало.

Сколько раз, стараясь воскресить образ мужа в памяти, она вспоминала одно — как жутко, на весь дом, он во сне скрипел зубами...

Наутро Хава надоила молока, самое жирное отлила в плошку для Айзиной дочери. Коза больше не хромала. В доме Хава не обнаружила книг Дугина и вздохнула спокойно. Поела вчерашних лепешек с аппетитом, заглянула в мешочек с мукой — хватит еще на два раза, надо к празднику приберечь. Пошла к Айзе, обмирая каждый раз при встрече со знакомыми: не встанет ли поперек дороги черное известие об Айзиной дочке. В руках Хава несла плошку, прикрытую чистой тряпочкой. Так, должно быть, нес факел упрямый храбрец Джантельг, не веря в поражение. Она сама себя не узнавала.

Постучала в дверь, хотя всегда входила без стука. Открыла Айза, с полотенцем через плечо, глаза круглые и озабоченные, волосы из-под платка выбились, словно в доме ночью появился новорожденный.

— Хава, что за молитву ты вчера прочла? Научи! — сказала Айза и улыбнулась.

На полу и стенах свет играл с тенью, в игре этой было больше жизни, чем в реальных предметах притихшего дома. Девочка спокойно спала, по ее желтенькому одеяльцу прыгали солнечные зайчики.

Хава придумала набрать яблок, выжать сок и поить девочку для пользы крови. Айза только улыбалась, безоговорочно доверяя каждому ее слову.

Одичавший яблоневый сад лежал далеко за селом, за домами выселенцев. Горцы строились особняком — в ход шли жерди, цинковые листы, солома и глина. Крыши их жилищ то и дело разносило бурей, а однажды в чей-то суп свалился вороненок. Только очертаниями эти лачуги напоминали прежние сакли. В столь хрупких домах поэтическая интуиция вы рождается в звериное чутье, головы крепко вжимаются в плечи и даже запах хлеба никого не обманывает. Первые годы местные жители смотрели на новоприбывших с подозрением. Все они плыли в безбрежном море обычного и необычайного, Хава не удивлялась, что даже в огромной степи люди маются от тесноты. Много лет ее земляки отыскивали лазейки, как дымок от костра над ущельем, как отзвук дахчан-пандара, как шелест ручейка, сбегającego с гор к реке, — путь домой. Любая попытка украсить временное жилище или себя самое выглядела греховным побуждением, а то и прямым предательством надежды. Потому Хава глядела сейчас на дома земляков с жалостью, но и с гордостью.

Миновав село, она вышла к саду. Собрала в сумку душистые яблоки с нижних веток. В глубине большого, заросшего сада шевельнулся кто-то

темный. Хава отшагнула в сторону: шел мужчина. Тут же вздохнула с облегчением, узнав Баяна, местного чудака, который всюду таскал обрывок веревки и думал, что водит коня.

Рассказывали, будто еще до войны Баян пас стадо на молодом черном скакуне с длинными, стройными ногами. Ночью стадо угнали воры, украли и прекрасного коня. Баяна стукнули по голове; с тех пор он лишился ума, но обрел два чудесных дара — безошибочно находить места для колодцев и драть зубы почти без крови. Другие говорили, что все это чепуха, что мать родила Баяна стоя и он, выпав на землю, ударился головой. Кто-то уверял, что Баяном его прозвали в шутку: имя это означало «бесконечно счастливый».

Хава узнала его полосатую рубаху и широкие полосатые штаны, в которых он, по чабанской традиции, носил скатанными все свои пожитки. Никто не видел чудака в ином одеянии. Некоторое время она наблюдала за странными действиями Баяна. Тот ходил вокруг одного места со сковородкой в руках. Ветка хрустнула у Хавы под ногами, и Баян обернулся.

— Смотри, как запотела! — Он с гордостью повернул сковородку. По днищу стекали капельки воды. — Хорошее место нашел, — похвалил себя чудака.

Рот у него был перекошен, будто он никак не мог выплюнуть кусочек смолы. Люди избегали разговоров с ним — долгих и бессмысленных, к тому же Баян-чудака говорил давясь слюной.

— Зачем тебе колодец? Вода нынче по трубам бежит, — сказала Хава, не приближаясь.

Баян хитро засмеялся. Вид у него был такой, словно он не человек, а обратившийся в человека джинн.

— Я вырою самый глубокий колодец, который в засуху всех спасет. Никто не знает, что великая засуха будет, а я знаю! Сначала — буря. Тебе придется накрепко закрыть ставни и днем жечь фонарь, вот такая буря! А потом — сушь. Трубы высохнут, только мой колодец всех спасет. — Баян немного подумал и добавил, заметив ее недоверие: — Засуха будет такая, что на славу прожаришь все свои перины. Даже слова во рту высохнут.

Тут он внимательнее посмотрел на Хаву и нахмурился:

— Ты ведь тоже это видишь. Ты ведь из наших. Из тех, кто видит.

Хава вздрогнула. Теперь она соглашалась с утверждавшими третьи — что Баяна не били по голове и не рожали стоя, а все его безумие — от дурманящих трав.

— Из каких это «наших»? Я с джиннами не знаюсь, — сказала она. — И засухи не боюсь. Когда придет засуха, меня здесь не будет.

Баян снова захихикал. Хаве это не понравилось. Она повернулась, чтобы уйти от разговора с безумным, но он вдруг забормотал часто-часто, на ее глазах впадая в необычное упоение. Колени его изогнулись назад, грудь вздыбилась, как у птицы, руки вытянулись до земли.

— Твоя правая рука — ты. Твоя левая рука — ты. Сложи свои руки любым способом — и убедишься: либо ты проглотить себя, либо ты проглотить себя.

— На каком языке ты говоришь? — спросила она, а чужак вдруг взмахнул руками-плетьюми и взлетел над землей — как был, в полосатых штанах, набитых тряпками.

Хава уронила сумку. Яблоки рассыпались с глухим стуком.

— Не пугай коня. Пусть поест вволю, — сказал кто-то над ее ухом.

Хава помотала головой. Баян-чужак — с обычными руками, обычными ногами — стоял перед ней, сжимая вечную свою веревку. Она быстро собрала яблоки и ушла, не оглядываясь, повторяя молитву.

Дома выпила подслащенной воды, проводив взглядом от угла до угла мелкую мышь.

Этим вечером еще одному человеку в многоголосом селенье пришла в голову та же пугающая мысль. «С ума я схожу, что ли?» — тоскливо прошептал Дугин. Он покрутил ручку радиоприемника, даже что-то послушал. Лег в постель и постарался уснуть. Через полчаса встал, задернул занавески: казалось, луна глядит насмешливо. Зажег лампу и начал читать, пока не постучал к нему в двери Фельдман, которому тоже не спалось этой лунной ночью. В подрагивающих руках старик держал бутылку пейзаховки на изюме. Дугин убрал книги, обреченно кивнул.

Доктор второй год квартировал у Фельдмана, старика с еврейскими корнями, но такими чахлыми, что ни в лице, ни в характере не проявлялись. Иногда даже еврейская фамилия его ломалась, как лед на реке. Лдины бились, сталкивались друг с другом, выпирали ребром — «дель», «фе», «ман», и старик, как ни старался, не мог собрать их воедино.

Он разлил сладко пахнувший самогон по цветным рюмочкам. Выпили молча. У Фельдмана сегодня была своя печаль — чересчур ясные воспоминания. Старик отер ярко-красные губы и сказал:

— Море — раз. Дом на Мясоведовской, с высоко-о-окими окнами. Тебя в то окно поставь — весь войдешь. Яйцо кушали в белой подставке. Вот отец собирается на службу, надевает ботинки, мама уже десять лет придает им отменный вид. Костяная сажа, друг мой! — Старик загибал пальцы, становясь все более говорливым. — Светлые комнаты, сирень на столе — два. Вот мама моя, достает из зонтика спицы. Сошью, говорит, тебе сумку для книг, сносу не будет. Три — могильная плита дедушки Фельдмана. Эпитафия из Библии, друг мой. «Плод добрых трудов славен, и корень мудрости неподвижен».

Дугин пил и пил, быстро и тяжело пьянея. Фельдман лепетал что-то, вспоминая прах: книги в благородных переплетах, птичьи клетки, кружева, узкие кресла с жесткой спинкой, печки в изразцах, женский смех, табачную крошку на столе, бородатых людей в позеленевших рамах — жизнь, в которую давно перестали верить. Дугин резко встал, снял с гвоздя куртку, вышел в ночь.

«Что ты знаешь, старик, о потерянном рае?» — думал доктор, бесстрашно и широко шагая дорогой, по обе стороны которой, всхлипывая, вздрагивая, с тяжелыми стонами, спало селенье. Редко лаяли собаки. Луна спряталась за тучи. Дугин начал разговаривать сам с собой.

Порядочность, доброта и слабование делали его безнадежным неудачником в делах амурных и политических. Сутулый, молчаливый, он

никогда не проникал в смятенные девичьи сны, обходились без него и горячие токовища у случайных стремянок. Дугин был полевой интеллигент с той редкой бескожей восприимчивостью к миру, что открывает человеку сокровища всей природы. Умел найти за лесом деревню, разговаривал с растениями, понимал язык птиц и зверей. Тридцать два года он жил спокойно, а теперь не мог ни слушать радио, ни читать книг, ни шептаться с деревьями.

Дугин приходил на скотный двор раньше всех, чтобы быть первым, кто будто случайно встречал Марьям у ворот, но никогда не получал больше однословного приветствия. Он не уходил со двора раньше нее. Когда говорил, что позарез нужна ее помощь, — преувеличивал. Придумывал для нее задания, чтобы удержать рядом. «Что ты за чудо? — размышлял он, тайком поглядывая на Марьям. — Как ты могла вырасти здесь, в этом невеселом месте, у этой полудикой старухи?» Девушка, спокойная, приветливая, но закрытая на семь замков, представлялась Дугину сверкающей елочной звездой, спрятанной в грязно-серой хлопковой вате. Была такая звезда у матери, почил на антресолях. Он поражался красоте Марьям, но еще больше — ее преданности полудикой старухе и мифическому жениху. Как странно было встретить такую девушку в мире, из которого давно ушли гордость, скромность, верность и прочие старинные добродетели!

— Марья, Марья, — бормотал Дугин, оставляя за спиной дома без огней, — я больше не оскорблю тебя взглядом. — И сам себе казался рыцарем в потускневших доспехах.

Повеяло яблоками. Дугин понял, что забрел в сад, и удивился. Он шел, под ноги ему катились маленькие яблочки, ветки сонно шелестели и будто нехотя расступались.

— Марьюшка, Марьям, — повторил Дугин.

Тут нога его, вместо того чтобы сделать шаг, провалилась в пустоту.

Доктор вскрикнул, замахал руками. Ему казалось, что он летит и летит, от ужаса сердце колотилось с утроенной частотой, но виной тому была не беспроглядная глубина пропасти, а крепкая пейзаховка. Дугин самым постыдным образом елозил, будто не умеющий переворачиваться жук, угодив в вырытый на полметра будущий колодез Баяна.

Там и проснулся, одинокий, всклокоченный, грязный, но по привычке вовремя, чтобы успеть первым встретить Марьям у ворот.

Хава тоже не меняла привычного распорядка дня. Утром, до жаркого солнца, повела козу к реке. Долго сидела на берегу. Ленивая река будто никуда не текла. Если коза приближалась к камням, Хава отгоняла ее прутом. Закрывает глаза и на минуту придремала в тени ивы. Очнувшись от топота, фыркания. К реке шел человек в гимнастерке, вел лошадь — горбоносую, низкорослую, с короткими ногами и широкой спиной. Хава прищурилась: неспроста такие гости в селе.

Человек пригнулся, слился с травой выцветшей гимнастеркой, жухлыми волосами. Разогнулся с вице́й в руках и вздрогнул, встретившись глазами с Хавой.

— Ну, тетка, — сказал он, — напугала. Чисто смерть сидишь!

Это был подручный Зорича, он всегда сопровождал коменданта, когда тот приезжал из райцентра. Значит, и Зорич сейчас здесь, вот только надолго ли?

Хава чуть не бежала в контору, едва кивая соседям. Контора — каменная, о пяти больших окнах — стояла на краю села. Над крыльцом подрагивал красный флаг, голуби клевали плесневелые корки с такой яростью, что завернутые с краев, выпуклые корки отскакивали в стороны.

Козу она оставила у крыльца. Вошла в контору, всегда темную, прохладную, отчего у Хавы поджимало желудок. Сбавляя ход, приблизилась к светлому прямоугольнику единственной открытой двери. Заглянула. В кабинете незнакомая девушка с рыжими, коротко стриженными волосами ставила в банку букет. Степные цветы осыпались на глазах, весь стол был в лепестках и желтой пыльце. Девушка хмурилась.

Под Хавой скрипнула половица. Девушка подняла на нее глаза, спросила:

— Вы по какому вопросу?

Хава растерялась. Она никогда ничему не училась. Все ее умения происходили от острой наблюдательности. Говорить по-русски начала за сыном, три года посещавшим русскую школу. Вслед за мужем выучилась определять, какое дерево хорошо подойдет для арбы, и — появившись необходимость — смастерила бы ободья, неотличимые от мужниных. Но, привыкшая считать себя темной и недалекой, боялась разговоров с образованными людьми. Во рту сразу пересыхало, язык заплетался, мысли путались.

— Я к коменданту, — сказала она.

— Это понятно, — строго ответила девушка. — Я вас спрашиваю, по какому вопросу.

Она оставила цветы, смахнула опавшие лепестки, будто устыдившись этого женского занятия.

— Я из выселенцев, — объяснила Хава. — За документами.

Тут увидела коменданта в углу. Переступая порог, она напомнила себе: когда семья теряет мужчин, приходится женщине, как в старой сказке, надевать мужскую одежду, брать меч и искать правду.

Комендант Зорич за столом читал газету, вращая перед собой пепельницу, усыпанную карандашной стружкой и обрезками ногтей. В который раз он бросал курить, поэтому раздражался из-за любой мелочи. Оторвался от газеты, с явным неудовольствием пробурчал:

— Летит ведь! Еще одна забота.

На фотографии, которую он только что рассматривал, посреди типографской черноты сиял огромный воздушный шар с корзиной. Комендант оставил в покое пепельницу, тяжело вздохнул. Он не был старым, но что-то неувловимое в выражении лица делало его несчастным стариком.

Хава оглядела эту комнату, когда-то внушавшую ужас, с удивлением осознала, как одряхла сама контора. На стенах и потолке проступали желтые пятна, которые старательно замазывали золой и известью. Там и сям валялись куски штукатурки. Бумаги, связанные в пачки, были засижены мухами. Но в этих стенах когда-то прозвучало страшное: вы здесь навеч-

но, за побег — двадцать лет каторги. К этому грозному столу ее водили день за днем, когда убежали трое выселенцев во главе с ее сыном.

У входа стоял единственный стул. Зорич жестом указал на него. Хава сделала вид, что не поняла. Спина ее была столь же прямой, как и спинка стула, на который ей велели сесть.

— По старой памяти каждый месяц ходишь? — спросил Зорич. Глаза у него были выпуклые, беспокойные.

— За бумагами я. На родину хочу, — ответила Хава.

— Все вы на родину рветесь, — сказал Зорич и причмокнул, — а усвоили урок-то?

— Кто-то повыше тебя решил: усвоили. Спасибо за науку, — ответила Хава.

Оба знали: десять лет назад такие разговоры невозможно было представить. Но не Хава сейчас говорила, а женщина-богатырь с несущим смерть мечом. Зорич раздул ноздри, кулаки его сжались вокруг узкогорлой чернильницы. «Как рукава-то закатывает высоко, мясницкая привычка», — подумала Хава. Комендант шумно выдохнул и скис. Вместо бури последовала речь — жестяная от слов «должно» и «следует», она усыпляла, как усыпляет затухающий бесплодный гром.

Стриженная молча переводила взгляд с коменданта на Хаву, едва сдерживая недовольство. Зорич выпустил из рук чернильницу, взялся за карандаш — привык зажигать папиросу одну от другой. О, если б не этот черный кашель!

Когда-то комендант был горячий и нетвердый, словно свежий сургуч, и от принципов его веяло такой же превосходной смоляной плавкостью. Как и все смышленные люди вокруг, Зорич выглядывал, куда полетит дым из государственной трубки, мало понимал траекторию этого полета, но следовал ей неукоснительно. Рано или поздно любой сургуч твердеет. То, что раньше совершалось из страха, стало частью природы.

— Думаешь, я не знаю, что ты сыну помогла сбежать? — прищурился он, заводя старую песню.

— Конечно, мать за все в ответе, — сказала Хава. — Как в пословице говорится: «Боялся коня — бил седло».

— А то я не знаю, как вы бандитов своих прячете! — вскипел комендант. — Думаете, не найдется топор на вашу круговую поруку? Как мы Годинского брали, еще в двадцать пятом, а? Всему бандитскому аулу руки повязали — прибежал ваш несокрушимый имам как миленький с повинной!

Хава хмыкнула: сам-то в двадцать пятом еще усов не носил, а туда же: «мы брали».

— И сынок твой прибежит, не сомневайся, — dokonчил Зорич.

— Так ты меня в заложницах держишь? — спросила она. — Потому всех выпустил, а меня — нет?

— Нужна ты мне! — отмахнулся комендант — и не удержался, добавил ядовито: — Ты и сынку-то, смотрю, не нужна!

Девушка усмехнулась. Ее бы воля: дожимала бы и дожимала.

— Тогда выпиши документы, — сказала Хава. — Далеко не уйду, схватят без документов. Опять сюда вернут. У меня же на лбу написано — ингушка.

— Разберемся. Жди и пороги не обивай, — ответил Зорич с важностью человека, распоряжающегося чужими надеждами. «Полупадишах», — вспомнила Хава его давнее прозвище. Он откинулся на стуле, снова вздохнул. Пар был выпущен, теперь можно было по-стариковски помудрствовать. — Ох и темный ты народ! Куда рвешься? Вот тебе на стене нарисовано: «Добро пожаловать!» — а ты прочесть не можешь. — Зорич, не оборачиваясь, ткнул изгрызенным карандашом в плакат на стене. — Иди, не отвлекай от дел. Забота у нас новая — через неделю шар прилетает воздушный, в честь годовщины Революции.

Хава посмотрела с недоумением. Комендант отбросил карандаш (о, если бы не черный кашель! жить хочется, жить-жить-жить!). Тут вскрикнула стриженная, в недобрый час посмотрев на улицу:

— Это что? Вы зачем с козой в учреждение?! Она цветы жует, дура!

Хава вышла из конторы. Постояла на высоком крыльце, глядя вдаль, где ячменные поля отливали металлом, и начертала на них мысль, злую, как осенняя муха: гори огнем, чужая земля!

Через неделю выезжали Хатаевы. Сакля их ходила ходуном. На тяжелых тюках царственно восседала слепая старуха. Кругом валялись худые тазы, гнилые доски, грязные бумажные цветочки, дрова, которые хозяин так и не успел расколоть. Мюридова сестра бродила рядом, словно ворона. Хава не хотела останавливаться, но та снова завела:

— Есть ли новости от сына?

— Нет, — ответила Хава и отвернулась от назойливой соплеменницы.

Та, чувствуя обиду, выплюнула:

— Твой сын делает бомбы! Он бандит. Из-за таких бандитов нас и выслали!

Хава зажала рот руками, чтобы не плюнуть в ответ. Прошла мимо соседки. Пора бы уже привыкнуть, что мюридова сестра становится оживленной, только когда говорит о болезнях, смертях, убийствах, и если бы кому-то пришло в голову судить обо всем человечестве по этой желчной старухе, то он пришел бы к выводу, что люди — создания весьма кровожадные.

Жена Хатаева сворачивала веревку, натянутую по всему двору, — раньше, держась за эту веревку, передвигалась своенравная слепая старуха: к проволочному курятнику, к скамье под окном, к грядкам, к нужнику. Хава отозвала в сторону женщину, умудрившуюся не растерять в степи ни одного килограмма своего роскошного тела. Толстые ноги жены Хатаева с удивительным изяществом заканчивались крошечными ступнями. Она носила детские чупяки, отчего выглядела немножко отсталой.

— Скажи мужу, пусть найдет в горах моего сына, — зашептала ей Хава.

Та потрогала малиновую родинку на щеке, кивнула серьезно. Поняла ли?

— Пусть найдет и передаст, что матери худо, — продолжила Хава.

Жена Хатаева снова закивала. Хава опомнилась:

— Что ты, нет! Скажите, мать жива-здорова. Скажите, невеста выросла. Пусть ждет. Скоро-скоро. Поняла ли? Пусть ждет!

Шестнадцатая семья возвращалась в горы. Шестнадцатый раз Хава просила: найдите сына.

Было светло, когда она села у окна шить, а когда откусила нитку, уже стемнело. Марьям, вернувшись домой, нашла ее крепко спящей прямо на стуле. Подобрала шитье, осмотрела, тяжело вздохнула.

Яблоки хорошо помогали Айзиной дочери, и Хава собирала их каждый день, сушила на солнце, складывала в полотняный мешок на зиму.

Однажды увлеклась, собрала столько, что нести было тяжело. Загорелые до костей мальчишки разлеглись на краю села. Хава узнала среди них Коротыша, подошла ближе, раскрыла сумку. Из сумки донесся дивный яблочный аромат. Мальчишки расхватали неожиданный гостинец. Хава повернуться не успела, как крепкие зубы впились в кожуру, вспороли каменную твердость яблок. Кто-то первым скорчился, крикнул по-казахски. Полетели на землю надкушенные плоды с быстро ржавеющей середкой. Просвистел чей-то шепот. Кто-то кинул Хава в спину яблоко, кто-то закричал: «Ведьма! Ведьма! Не жрите!» — и через мгновение вопили уже хором и вместе кидали в нее яблоки, одуревшие этим душным днем. Старуха не видела, каким тоскливым взглядом провожает ее Коротыш. Он единственный не кричал, а яблоко спрятал в карман.

У дома Хава остановилась в недоумении. Дугин ремонтировал желоб. На рубахе его посреди спины темнело пятно пота. От ударов молотка дом дрожал, будто вот-вот развалится. Дугин слова не вымолвил и работы не бросил. Отодвинулся, позволяя ей войти.

В комнате Марьям накрывала на стол. Хава села рядом. Любая работа удваивала красоту девушки: освещала лицо румянцем, серебрила лоб у волос мелкими капельками, открывала изящные запястья. Несмотря на жару, Марьям оставалась свежа, как яблочко. Ее не тревожили тени потерянных в детстве гор, сам распорядок ее жизни напрочь лишал воспоминания питательных соков: ей неведомы были медлительная одинокая созерцательность или выклевывающая глаза бессонница, полная печальных предчувствий. Она была слишком молода, чтобы помнить, как смотрят на алханчуртское солнце сквозь алую леденцовую лошадку, прежде чем с торжествующим хрустом откусить сладкую голову.

— Вчера я села шить у окна, — сказала Хава. — Сначала ветер донес до меня странный запах. Вроде того, что однажды принес доктор с мешком рыбной муки. Я подняла голову и ничего не увидела за окном. Запах пропал. Я снова стала шить.

Марьям перестала выкладывать картошины из кастрюли.

— А потом на шитье упала тень. Я подняла голову и ясно услышала голос моего сына, твоего будущего мужа, — продолжила Хава. — Будто он стоял под окном. Он часто так делал. Подойдет к окну: нани, принеси воды... нани, подай куртку...

Пальцы Марьям дрогнули.

— И что он сказал?

Хава усмехнулась. Вот бы ей понять, что значили эти слова! Нелепее она в жизни не слышала.

— Он сказал: кто стерег коней ночью, тому днем спать.

Марьям слабо улыбнулась: почудится же.

— Может, это оттого, что я вышивала свадебные простыни, — сказала Хава.

Во дворе прекратился металлический стук. Дугин закончил мастерить желоб.

Без слов Хава втиснулась к себе за занавеску.

Впервые ее назвали ведьмой зимой сорок четвертого, когда аул целиком вывозили в грузовиках к эшелонам. Щуплый солдатик поставил крест мелом на их доме. Сын сидел рядом, в кузове, укрытый войлочным ковром с охотничьим узором, и Хава слышала, как скрипнули его зубы — точь-в-точь как у отца во сне. Она закрыла глаза, когда грузовик тронулся. Открыла, когда сын ткнул ее в бок. За грузовиком торопливо, с заполошным кудахтаньем, припадая к земле, бежали все ее куры, поспешали индейки, точно кто-то невидимый манил их кукурузой. Следом тянулись овцы, замыкала странное шествие перепуганная корова с окаменевшим выменем. Солдат выстрелил в воздух: «А ну, пошли назад!» Но животные продолжали преследование, гонимые неизвестной силой. Солдат обернулся к Хаве, что-то прочел в ее темных глазах и припечатал: «Тьфу, ведьма!»

Вечером она впервые не пасла козу. А утром после тяжелых дум пошла к Айзе.

Девочка сидела на кровати. Она не помнила ни болезни, ни материнских слез и играла с солнечным зайчиком на покрывале.

— Вернетесь домой — в рост пойдет, — повторила Хава свое многолетнее заклинание.

Айза пожевала губу. Поправила рубашку на девочке.

— Муж решил, мы здесь остаемся, — сказала она и посмотрела на Хаву чуть виновато. — Говорит, тут сытнее. А там — неизвестно, что нас ждет. Говорит, в мечети теперь кино крутят. Индийское.

Девочка засмеялась чему-то ведомому ей одной.

— Говорит, как бы не пришлось вместо ковра палас на стену вешать, — добавила Айза, слова ее звучали жалко.

Хава устало поднялась:

— Козу вам оставлю.

— А вы уезжаете? — заморгала Айза. — Куда вас определили?

— Я сама себя определяю, — ответила Хава.

На обратном пути она столкнулась с казашкой, та снова тащила к реке полную белья корзину. Молодая женщина кивнула Хаве, Хава кивнула ей.

Голова туманилась, но Хава не поддавалась недугам. Так луже нет дела до плавающих в ней листьев. Она прибила пыль во дворе мокрым веником. Убралась в доме. Заметила, что фотография семьи Марьям висит неровно, поправила. Села напротив, глядя в лица людей, которых давным-давно не было на белом свете.

Кто-то требовательно постучал в дверь, Хава поднялась открыть. На пороге стоял Коротыш. Он снял картуз и стал похож на зверька во время линьки. Круглая голова в зальсынах едва доходила Хаве до плеча.

— Слышал, ты людей лечишь, — сказал Коротыш серьезно, словно маленький мужичок.

Хава нахмурилась, припомнила:

— Потешаться над старухой пришел? Мало у меня синяков?

Коротыш потемнел. Пухлый кончик его носа цветом и продольной бороздкой напоминал мелкую алычу. Плакал, догадалась Хава.

— Прости, тетка, — сказал он. — Не ведьма ты. Ты добрая, раз людей с того света возвращаешь.

— Не всем сказкам верь, — отрезала Хава, намереваясь закрыть дверь, но он ловко подставил ногу в проем.

— Помоги, тетка! У меня сестра помирает.

Хава вздохнула. Мальчишка удерживал дверь, но не мог удержать слез:

— Она не спит уже тридцать ночей. Ее водой обливали и булавками кололи — ничего. — Он развел руками. — Старухи сказали, что она превернется в гусыню за непослушание отцу.

— В гусыню? Интересно, — хмыкнула Хава. — Иди ребятишкам сказки рассказывай!

И захлопнула дверь.

С этого дня начались чудеса. На степь легла тень — это летел по небу огромный воздушный шар; все многоголосое селенье ожидало его со дня на день. Мальчишки волновались, разрешат ли им полетать. Беспокоились взрослые: не вспыхнет ли шар в воздухе от своих горелок? Баян-чудак ходил по улицам и, пуская слюну, вещал о надвигающейся буре. Председатель сельсовета успокаивал: слушайте радио, не будет бури. Сам знаменитый воздухоплаватель Щербов летит, у него ли нет приборов, ему ли не поставляют ежедневно полную сводку всех ветров?

Тень надвигалась с запада вытянутой луковкой, в соседних городах и селах кричали, задрав головы, и махали платками в надежде, что великий Щербов тоже качнет шар в знак приветствия.

Хава стала находить под дверью подарки. То влажную тряпицу с маслом, то курдючное сало. Одним ранним утром Марьям наткнулась на банку с холодной густой простоквашей.

— Нани, у нас завелся ангел, — улыбнулась она.

Хава похолодела.

Ангел, который хочет засватать Марьям, а то и умыкнуть. Никто этому ангелу не помешает, не осталось ни одного мужчины рядом. Что же делать, как не выпить крови из кожаного сосуда и по-мужски перехватить меч?

Ночи стояли тихие и темные. Ночь, когда бежал сын Хавы, была такой же тихой. Хава знала о грядущем побеге. Как любая здравомыслящая мать, она должна была помешать этой опасной затее. Но как мать, знавшая своего сына до последнего ноготка, понимала: это единственная для него спасительная лазейка. Юноше, вспыльчивому, гордому, несгибаемому, исполнилось восемнадцать, он с трудом гасил огонь ненависти в глазах. Его определили на строительство тракторной станции. Каждый

над ним стоящий, кожей ощущая его презрение, стремился унижить непокорного — «сбить спесь», как сказал однажды Зорич, который пристально следил за выселенцами, особенно за молодыми мужчинами с горящими ненавистью глазами.

Тогда-то к трем сизым шрамам добавилось еще два алых. Однажды сын Хава взял нож, и она потеряла сон. Чувствовала: рано или поздно произойдет страшное — ее сына убьют без всякого суда. Потому стала готовить его к побегу, то и дело хватаясь за сердце, но при этом вдумчиво, старательно, обнаруживая отличные задатки подпольщицы. Для начала сказалась больной, кашляла на все поле, пила траву для бледности и слезящихся глаз. Никто не удивился, что Хава наглухо закрыла окна и двери. В доме шли приготовления. Хава шила мешочки для круп, пекла лепешки, перестирала одежду сына. Оставила одну заношенную черкеску, спрятала в сундук. Мыльную воду из-под стирки не стала выливать во двор, опасаясь чужих глаз. Позже эту холодную лохань опорожнили гимнастерки во главе с Зоричем. Одежду сына Хава сушила дома, окуривая травами, которые должны были отбить нюх у собак. «Нани, ты королева конспирации», — усмехался сын, разгоняя перед лицом едкий дым. Он хотел открыть матери план, разработанный тремя храбрецами (в этом трио сын ее, конечно, был Сеска Солса). Хава закрыла уши: не вздумай. Гимнастерки умеют погружать людей в сон и выспрашивать у них, беззащитных, все, что надобно. В эту минуту сын впервые подумал, на что обрекает мать. Это была единственная минута, когда сомнения исказили его лицо и он готов был отказаться от плана. Сел на пол перед ней и уткнулся в колени. Хава властно подняла его: встань, мужчина. Что они сделают темной деревенской бабе? Притворюсь, что ни слова их не понимаю.

Безветренной летней ночью она в последний раз обняла сына, даже тогда он не увидел ее слез. «Мы вытащим тебя отсюда, нани. Дело времени. Жди», — шепнул он на прощание. С тех пор Хава плохо спала тихими беззвездными ночами.

А престарелый отец Марьям сдался. Его история была лишь одним из сотен подтверждений: самое страшное, что может случиться с человеком, — равнодушие к жизни. Вся его семья в первый же год полегла от тифа. Осталась младшая, Марьям, но старик не замечал девочку. День и ночь он полулежал в соломенном кресле под навесом, укрытый одеялом, дочь сворачивалась рядом. Иногда отец высовывал руку из-под одеяла и водил дрожащим пальцем по небу, как будто писал письмо. Особенно много таких писем рождалось на красном закате. Однажды Хава, пройдя пару раз мимо, заметила, что нога его — одна кость без мяса — нисколько не меняет положения. Марьям дремала рядом. Когда Хава вошла во двор и приблизилась к ним, девочка проснулась и испуганно обхватила отца ручонками... После него остался разломившийся надвое соломенный стул — в сущности, пустое место. Белый пепел прогоревших углей, нечего делить или отбирать. Хватило пары серебряных сережек Хава, чтобы комендант отдал Марьям ей, а не отправил в детский дом.

Под утро, когда воспоминания стали мучительными, а темнота такой плотной, что, казалось, ее можно было набрать в кружку, Хава улыбнулась

удача. Она резко открыла дверь и, изловчившись, ухватила-таки черную тень ангела. По звериному запаху узнала Коротыша. Мальчишка не успел положить у дверей очередное подношение — кусок сахара.

— Что за напасть! — застонала Хава с облегчением: этот ангел не за Марьям.

— Вылечи мою сестру, тетка, я тебе еще больше принесу, — сказал Коротыш, глядя на нее в упор.

Он проводил Хаву к своей сестре, когда небо на востоке стало розово-красным, покрылось нежным восковым налетом, как сливовая кожа. Мальчишка торопился. Они миновали окраины и заброшенный сад, прошли мимо последних телеграфных столбов, похожих на треноги, какие ставят в очаг под чугунок. Хава ни о чем не спрашивала. Наконец Коротыш остановился у овина далеко за селом, бросил взгляд вокруг и открыл дверь. Повозился, зажигая фонарь.

Хава увидела его сестру. Девушка не старше Марьям лежала на соломенной подстилке, уставив на вошедших немигающий взгляд.

«Аллах милостив и милосерден!» — подумала Хава, но оказалось — произнесла вслух.

Долго смотреть в глаза девушки, все равно что в пруд со стоячей водой, она не смогла. Подошла ближе, опустилась на корточки у соломенного ложа. Мальчишка поднес фонарь, поставил к голове сестры.

— Малика, она тебе поможет, — сказал убеждающим тоном.

— Встань-ка, — приказала Хава, и девушка послушно поднялась.

Она страдала какой-то костной болезнью, отчего фигурой походила на шахматного коня; сходство усилилось, когда она начала выгибать шею, с трудом извлекая звуки из сдавленной груди:

— В-вы кто?

Хава не ответила. Повинуясь первому чувству, провела руками по лицу девушки, по груди, опустилась к животу — и покачнулась. Навстречу теплу ее рук метнулась круглая голова — крошечный багровый шар. Пустые глаза девушки расширились. Хава хотела отнять руки, но не смогла, будто прилипла к полному чужих тайн животу. Багровый шар рос в голове старухи, пока не превратился в четкое, со звуками и запахами, видение: желтоволосый человек в гимнастерке ведет к реке низенькую кобылу, взрезает сапогами поверхность воды, бесстрашно ныряет и плывет, бросив лошадь у берега. Плывет, пока река вокруг не превращается в теплые женские воды, а сам он — в мягкий, податливый шарик.

У Хавы заломило в висках. Малика обхватила ее руки и прошептала:

— В-вы умеете?..

— Что?

— Избавлять.

Говорила она точно откуда-то издалека. Мальчишка погасил фонарь — в щели вовсю бил утренний свет.

— М-меня за меньшее из дому в-выгнали, — прошелестела девушка. — Если отец узнает, п-проклянет. Нет у нас матери, а отец — з-зверь. — Она обернулась к брату и попыталась выкрикнуть: — А ну, иди отсюда! Да не выдай!

Коротыш крепко сжал зубы. Лицо его посуровело, однако он послушался сестру. Дверь за ним скрипнула. В щели Хава видела: мальчишка стоит снаружи и прислушивается.

Малика опустилась на солому. То и дело угасавшим голосом она рассказала, что первая ее вина перед отцом была неглубокой — да, укоротила юбку, но так все вокруг делали. Да, гуляла с подружками до вечера, но что же в том преступного? Пели песни да вздыхали. Все равно самое страшное произошло среди бела дня, когда она рвала траву у реки. Жестокие, сильные руки смазали солнце, во рту очутился кусок ее собственного платья, песок на лице, дикая, стыдная боль, сапоги с мятым голенищем, жадное сопение и неторопливый перестук лошадиных копыт. Она отбивалась, пыталась выплюнуть платье, отыскивала камень под рукой. Наткнулась на что-то легкое, но твердое, похожее на ножик, подняла и ударила изо всех сил, не глядя. Алюминиевый гребень согнулся пополам. Этот кто-то рассердился: так заломил ей руки, что до сих пор не до конца разгибаются. Ей казалось, солнце должно потухнуть, но оно светило даже ярче. Светило днем и ночью, не давая ей сомкнуть глаз, проклятое солнце!

Когда Хава распахнула дверь сарая, Коротыш отпрянул.

— Ко мне, — скомандовала старуха.

Тем же утром мальчишка притащил в дом Хавы тряпичный узел, собранный тайком от отца. Хава определила Малику на сундуке. Гостя беспомощно озиралась и потирала плечи, словно оказалась посреди зимнего леса в одном платье. Пришла обедать Марьям, встала у порога в удивлении. Беременная крепко спала, опустив руки на живот. Сундук поскрипывал в такт ее дыханию, тихо осыпаясь краской.

— Судить легко, — сказала Хава. — Я тоже сначала осудила. Только Аллах — всемилостив, и Он единственный знает, чем все это может кончиться.

Спала гостя целую неделю, не просыпаясь. Хава пела старые-пре-старые песни, в которых по беспамятству заменяла слова. Выкуривала вечерами комаров, поджигая пахучие ветки. Шила простыни. Гоняла Коротыша, который беспрестанно путался под ногами, приносил то спелые помидоры величиной с голову младенца, то вяленую рыбу.

— Ты где берешь? Не воруеть ли? — спросила Хава.

— Нет, — замотал он головой и изрек гордо: — Работаю. Овец пасу.

Через неделю гостя проснулась. Удивилась, что вновь может спать, и с жаром взялась за помощь по хозяйству. Но куда ей было до Марьям, выполнявшей с изяществом даже такую неблагодарную работу, как чистка раковины от плесени. Все валилось из кривых рук Малики. Она подавала шипящие в сковороде блюда торопливо — так, что жир брызгал в лицо сидящим за трапезой. Стоило ей подмести пол, как пыль ложилась на то же место. Однако Хаву трогало стремление госты услужить.

Когда по селу поползли слухи, Хава распахнула дверь и вывела Малику из дома. Это была странная и комичная процессия: впереди шла старуха с воинственным и независимым видом, за ней — коза на веревке, замыкала шествие беременная, опускавшая голову так низко, будто хотела разглядеть амулет на груди. Мальчишки потешались, Коротыш кидал песок им в глаза.

— Хава удочерила солдатскую потаскуху! — кричала мюридова сестра-всезнайка на каждом углу.

Муж Айзы распорядился не пускать в дом потворицу разврата. Айза прижала ладонь ко рту.

— Пусть Хава хоть притон откроет, — с угрозой сказал муж, — ее дело. А ты... смотри!

Все меньше оставалось людей, которые соединяли Хаву с прошлым. Все мрачнее вставало будущее. К селу подплывал воздушный шар. Самый последний безбожник кожей чувствовал холодок в его тени — знамение больших перемен.

Как-то ночью напал на Хаву кашель, тот давний, пугающий. Марьям встала с постели, зашлепала босыми ногами.

— Нани, опять?

Хава прокашлялась в платок, повернула тряпочку к свету:

— Нет, чисто. Пыль в горло попала. Ложись.

Кашлять кровью Хава начала после бегства сына. Гимнастерки во главе с Зоричем пришли в их дом, перевернули вверх дном постели, обстучали стены, высыпали на пол последнюю крупу, вылили мыльную воду из лохани. Когда Хава рванулась защититься от чужих мужских взглядов исподнее, ее ударили прикладом в грудь.

— Болит? — спросила Марьям в темноте.

Хава молчала. Тогда Марьям всхлипнула и припала к ее разбухшим коленям:

— Нани, что мне делать? Не могу я так...

Хава положила ладонь ей на голову. Марьям плакала:

— Не ласкайте меня. Возьмите палку! Я не могу так больше...

— Да что ты? — спросила Хава.

— Он меня замуж зовет. Дугин, — проговорила Марьям и замерла.

Хава тоже замерла. Рука ее тяжело лежала на густоволосой голове девушки, которую она называла дочерью.

— А ты что? — спросила она у Марьям.

Та зарыдала:

— Обрато на поля попрошусь. От него подальше.

— Умно, — ответила Хава.

После приступа кашля ее снова преследовало давнее видение: круглая каменная зала, такая пустая и огромная, что делается холодно от собственного дыхания. В центре залы стоит ведро, полное воды. Хава тянет к нему руки и по острой дужке узнает: это ее ведро невесты, с которым она в первый раз шла за водой по древнему обряду, в тот день дужка больно оцарапала ладонь и, когда Хава принесла воду, на поверхности плавала кровь. Она оглядывается, чтобы кто-то растолковал ей сон, и видит: зала уже не пустая. У стен сидят старики, закусив бороды, они недовольны. Хава отворачивается, зная, что стариков сердит ее бестолковость. Она сама разъясняет видение и делает это с опаской, выбирая путь, далекий от дурных знамений. Что увидено в детстве — выбито на камне, что увидено взрослым — писано на воде, вот что это все значит.

На следующий день с утра она была у дверей конторы.

— Вам же сказано — ждите. Разбираются, — сказала стриженная.

Ее рыжие волосы слегка вились над ушами, она была совсем юной и говорила слишком строгим голосом человека, еще не привыкшего к подчинению других.

Хава вздохнула. Стриженная сказала уже мягче:

— Нет его. Шар встречает.

Хава вышла из конторы, села на скамейку напротив — так, чтобы видеть и крыльцо, и окно. Она собралась ждать коменданта хоть до самой ночи.

Через полчаса стриженная, сидевшая спиной к окну, засуетилась. Пригладила волосы, провела под мышками и обнюхала ладони. Хава догадалась: девушка кого-то ждет и встреча эта совсем не для посторонних глаз. Она хотела было отвернуться, но увидела, как на крыльцо взбегает человек в солдатской гимнастерке. Хава не шелохнулась, волна ненависти лишь разогнала кровь. Гимнастерка показался в окне. Хава услышала кокетливый женский смех, вкрадчивый мужской голос. Подумала: «Курица сама нашла себе нож», но без злорадства, с жалостью. Через несколько минут гимнастерка вышел на крыльцо, причесывая волосы алюминиевым гребешком. Взглянул на Хаву, натянул фуражку на лоб жестом угрозы и раздражения, прошел мимо.

Тут Хава увидела воздушный шар. Все увидели шар — маленькую плавучую точку, но им показалось, что величавостью и дерзостью своей она заслоняет полнеба, — и закричали, и замахали ему.

Он летел издалека, просоленный приморскими дождями, побелевший под жарким азиатским солнцем, с залатанной корзиной из ивовых прутьев, в которой однажды выгрызли дыру полевые мыши, когда шар дремал, накрепко пристегнутый к земле штормовыми поясами. Он летел через огромную страну, неся величественную звезду на боку, славу Революции, смерть паре птиц и туче мошек.

Одинокий воздухоплаватель Щербов ел вареное яйцо, думая: нет жизни прекрасней, чем его, — повыше от людей.

Однако ему было грустно. Так бывает грустно человеку, который держит в тайне неотвратимое решение. Тайна Щербова состояла в том, что полет этот был — последний. Нет, он не растерял ни здоровья, ни любви к риску, ни отваги. Угрюмый и немногословный, лучший воздухоплаватель страны оставался азартным мальчишкой, верящим, что у него, в отличие от всех остальных, есть еще одна голова в запасе. Он не мечтал о кругосветном путешествии, а спокойно к нему готовился.

Но когда люди с ледяными глазами известили его: собирайтесь в перелет через всю страну — и дали ему карту с прочерченной ногтем линией, на которой были обозначены населенные пункты и даты, в какие нужно было там приземляться, Щербов рассмеялся. Разве можно покорить ветры над огромным государством? Шар — не автомашина, его движущие силы стихийны, в том и очарование воздухоплавания. Люди с ледяными глазами без улыбки встретили его возражения. Перечислите, что нужно

для полета, а ветры — не ваше дело, партия справится и с ветрами, и реки перебросит куда надо, и горы передвинет. Щербов понял, что настал его черный день.

Вечером в его комнате появилась Наталья — в синей шляпке, смешно прозванной «менингитка», на каблучках, без меры надушенная и почему-то чужая.

— Хорошо, что мы с тобой не женаты, Щербов, — сказала она. — Вот ключи. Прощай.

— Почему? — спросил он, ожидая услышать вечную женскую песню обиды на одиночество, бездетность и косые взгляды соседей.

— Мне страшно, — ответила Наталья, прижала ладони к щекам, выдохнула: — Вокруг тебя воздух лиловый. Ты скоро умрешь. Шар твой упадет, или что-то еще.

— Странная ты женщина, — сказал Щербов. — Будто не знала, с кем связываешься.

— Это ты не знаешь, с кем связался, — сказала она, отнимая ладони от щек.

Когда затихло цоканье каблучков и хлопнула дверь, Щербов распахнул окно. Помахал рукой, выгоняя из комнаты тяжелый, маслянистый аромат ее духов и тягостные предчувствия, которые так мастерски умеют усугублять женщины чуть за сорок.

Перелет начался ровно в тот час, что был отмечен чернилами на обороте карты. Знаменитый воздухоплаватель ходил на аэростатах много лет, но впервые встал в корзину с неприятной зыбью в подвздошь.

Пока шар величаво плыл в небе, по земле в его неотвязной тени двигался столь же неотвязный грузовичок. Щербов был удручен: за все время путешествия его аппарат ни на метр не отступил от проведенной ногтем линии, ни на минуту не сбился с графика. Так не бывает, думал Щербов, и невнятный начальный холодок постепенно обращался в нечеловеческий ужас. «Это ты не знаешь, с кем связался». Зачем-то вспомнилась Щербову бабка Сима с ее полузабытым словом «богопротивное». Пресным голосом Щербов кричал людям в грузовичке: «Достать такелаж! На левый борт! Ровнее держать! При-и-ибор!» — впервые в жизни он думал, что совершает нечто богопротивное.

Щербов доел яйцо, с тоской посмотрел на новое селенье, показавшееся четко по расписанию, и аккуратно собрал скорлупу в газету.

— Лети-и-ит! — кричали высыпавшие из домов люди.

Хава заспешила следом.

Приставив ко лбу ладонь, она наблюдала, как огромный серебристый шар со звездой приближается к поляне за селом. Туда стремились возбужденные зрелищем жители. Ветер был слаб, корзина коснулась земли, будто сделала шаг, — и встала. К шару побежали люди из грузовичка, начали вбивать кольшки, подтягивать тросы. Вокруг закричали мальчишки, кто-то захопал в ладоши. Баян-чудак успокаивал невидимого коня, испугавшегося огромного шара и криков.

Хава оглянулась, заметила Айзу: на руках ее смеялась и тянула ручки к шару девочка. Айза отвернулась.

Из корзины вылез человек в зеленом свитере, высоколобый, хмурый. Он ни на кого вокруг не смотрел. Школьники бросили транспарант в траве, столпились вокруг корзины.

— Покатаете, дяденька? — наперебой спрашивали мальчишки и девчонки.

— А ты пионер? — кричал поверх всех голов плосколицый председатель сельсовета. — Катаем только пионеров!

Люди мелькали перед глазами Хава: человек в гимнастерке, комендант, вездесущая мюридова сестра, Коротыш, чрезвычайно взволнованный доктор Дугин, стриженная девица, боевитые Айзины мальчишки, все соседи... Увидела Хава и Марьям, прибежавшую вместе с подружками.

— Как луна с неба спустилась, правда? — воскликнула Марьям, сияя.

Хава покивала. Она не слышала, что вполголоса говорил Щербов, не обратила внимания на то, как пристально смотрел на шар доктор. А если бы обратила, удивилась бы, с каким прицельным интересом Дугин разглядывает горелки, шланги, клапан для травления воздуха и мешки с песком. Заметила бы, как он вслед за воздухоплателем раскрывает рот и ловит ветер: в ушах не гудит, значит, ветер не больше четырех метров в секунду, можно детишек поднять, — как внимательно вглядывается в карту через плечо Щербова.

— ...полет в честь годовщины... славный... рекорды... поддержим и мы... здра... Революция! — летели над поляной обрывки речей, будто кто-то рвал в клочья газету.

Вот бы сесть в корзину и улететь, подумала Хава. Тут же, словно услышав ее мысли, рядом оказался комендант Зорич. Ухмыльнулся:

— Что, матушка, хорош шар? В обратную дорогу над Кавказом полетит.

Хава подумала: взять бы всех зоричей, посадить в корзины и отправить на край света. Жаль, на всех шаров не хватит. Даже теплушек недостаточно, потому что зоричи размножаются, расползаются как плесень. Не успеешь глазом моргнуть — новое пятно плесени на том месте, где мог бы стоять крепкий дом, серо-зеленая клякса — на месте, где была бы добрая семья... Молчи, Хава! Ходи и молчи, иначе хуже сделаешь.

Она быстро устала от толчеи и криков.

Дома Малика прилипла к окошку.

— Я в-видела, — прошептала она, — к-как он летел...

— Подумаешь, воздушный шар, — ответила Хава. — Давай-ка займемся обедом.

Но до самого вечера только и разговоров было, что о шаре и отважном Щербове.

Прибежал Коротыш, раздутый от гордости: ему удалось пробиться в корзину, он взлетел выше крыш, выше яблонь, даже выше ласточек! До сих пор кишки дрожат.

— Детская забава, — сказала его сестра с завистью.

— Чего — детская? Коровий доктор тоже летал, — ответил Коротыш.

— Дугин, что ли? — заинтересовалась Хава.

— Он самый. Он еще девушек звал, а девушки забоялись. Только ах да ох — и глаза круглые!

Хава подумала, как легко вызвать у девушек головокружение. Какое счастье, что ее саму вовремя засватали и ее голова перестала кружиться от случайного прохожих с ворованными тыквами, встреченного однажды у ключа.

Наконец все уснули. Наступила такая тишина, что степные гадюки забились глубже в норы. Исчезли все звуки и даже шорохи.

В самое темное время ночи на поляне показались две тени, быстро приблизились к шару. Одна, крупнее, указала на штормовые пояса. У крюков завозилась маленькая тень, ослабляя привязь так, чтобы можно было поднять с земли корзину.

— Пиши, тетка, — зашептала маленькая тень. — Как же ты пишешь, что ничего не видно?

— Краска такая, проявится на солнце.

— Хитро! А меня научишь?

— Еще чего! Держи выше, меня сейчас прибьет!

— Держу... А чего пишешь?

— Не твоего ума дело.

«Сеска Солса, выручай!» — вот что увидит каждый, когда шар будет лететь над Кавказом, — большие огненные буквы на дне корзины. Название сказки, которое Хава, высунув язык, срисовала с растрепанной книжки сына. На буквы заговорщицки лег свет луны, и старуха уверилась: знак! Теперь главное было не ошибиться. Но кто лучше нее умел в точности перенести самый сложный узор на ткань?

Закончив дело, две тени растворились в темноте.

Щербову в этот час снился дурной сон: Наталья бросала в воздух синюю шляпку и стреляла в нее из ружья.

В самое глухое время ночи проснулся ветер. На дальней поляне одинокий серебристый шар вздрогнул, предчувствуя опасность. Освещаемые лишь пламенем горелки, мелькнули лица. Хава узнала бы их даже в полной тьме. Среди тысячи голосов узнала бы она отчаянный шепот:

— Я не могу одновременно находиться в двух местах! Пусть простит меня нани.

Марьям и доктор Дугин, крепко обнявшись, бесшумно поплыли вверх, выше и выше. Ветер расправил плечи Дугина, и он больше не сутулился. Он гладил растрепанные волосы девушки, целовал ее лоб, не веря своему счастью. Марьям лгнула к нему, стыдливо пряча глаза, но с полным решимости сердцем. Наконец подняла лицо, чтобы он робко прижался к ее губам и не встретил препятствия. Единственным, что осталось горячим в этом царстве ледящего ветра, стал их поцелуй.

— Нельзя много, — сказала она, отворачиваясь.

Он, тронутый девичьим смущением, улыбался.

— У нас есть поверье: если духи увидят, как близкие люди обнимаются, будут им вредить. Поэтому наш народ такой сдержанный, — сказала Марьям, помолчала и добавила: — Лучше мы лишимся сладких минут, чем навредим близкому человеку. Понимаешь? Не думай, что я холодная.

— Не думаю, дикарка моя, — сказал Дугин.

Через несколько секунд шар исчез в темной облачной пелене. На поляне остались лежать мешки с песком.

А через три часа поднялась буря. Был разбужен Щербов, не снимавший свитера даже ночью. Бледный носился он по поляне, рвал на себе волосы. Ветер, играя, толкнул его в спину и приподнял над землей. Сопровождающие бросили несчастного воздухоплателя в грузовичок, попрыгали сами и кинулись на поиски шара, только ураган не дал далеко уехать.

Вихри пригибали к земле деревья, в саду с нескончаемым стуком осыпались яблоны. Мощным порывом разметало овин, где провела тридцать ночей без сна одна бедняжка. Мюридова сестра с мужем проснулись под открытым небом, обломками сорвавшейся крыши убило их жирных кур. Гигантские клубы песка и пыли катились по дороге. Ударил гром.

Хава лежала, раскрыв глаза во тьму. Песок скрипел у нее на зубах, шатался дом.

Разверзлись тучи, и хлынул ливень, равных которому не помнила эта земля. Струи, оставлявшие в земле глубокие рытвины, казались молочно-белыми. Кто-то все кричал и бил в жестянку.

— Вот бы не наступило утро, — прошептала Хава. — Зачем мне утро без нее?

На сундуке испуганно всхлинула Малика, обхватила руками живот. Ветер выл громче любого зверя, колотил в стекла и перекачивал по улицам чьи-то сорванные с веревок покрывала, велосипед без колеса, горшки, газеты, целую деревянную калитку, грохочущие листы железа.

Природа неистовствовала до самого рассвета. Утро — позднее и суровое — все же наступило, но такое, что Малика жгла фонарь и не открывала окон.

Хава отвернулась к стене, презирая бесчеловечный ход времени. Она так горевала, что перестала видеть и слышать. Три дня металась в бреду. Чьи-то лица склонялись над ней, чьи-то прохладные руки утирали пот. В болезненном полусне ей часто являлся сын, такой, каким он должен быть сейчас, — рослый, с бородой, в красивой папахе, по необъяснимой причуде судьбы похожий на того незнакомца у ключа, которого она напоила из кувшинчика и которому отдала свое сердце. Сын смотрел без слов. Она шептала. Это она много лет помогала сыну бежать от погони, оберегала от выстрелов, эхо которых, прокатившись над ущельями, взмывало вверх и долетало на крыльях степного суховея до ее ушей в самые беспросветные сумерки, когда казалось, что вся земля — от моря и до моря — лишена святых.

Хава повторяла его имя. Повторяла имя Марьям. Прутья, говорят, следует гнуть, пока они сырые. Возьму прутик. Где моя коза? Дает молоко. Реки засыпают, и вода в них становится густой, как молоко. Переливай себе кувшинчиком, пока не придет черноглазый, боль моего сердца, несчастье моей жизни. Вода... Хава снова идет по пустой зале, к ведру с водой. И снова зала, как по мановению волшебника, заполняется седобородыми стариками. Они качают головами. Хава растерянно берет ведро, оборачивается, спрашивает:

— Что вы от меня хотите?

Тут случается неожиданное. Один старик — с самой длинной бородой — перестает качаться и говорит:

— Ведро надобно опустошить, чтобы заново наполнить.

Хава слушает его и собирается опрокинуть ведро, но он велит:

— Опусти свои стопы в воду. Окупись в воду.

Она видит, что перед ней уже не ведро, от стены до стены — словно светящееся зеркало, и, когда она делает, как велит старец, тот радостно, ласково заключает:

— Теперь ты вся — только вода.

Ей становится так хорошо, как никогда в жизни. Куда-то уходит терзающий внутренности жар. Она ощущает свежесть и чистоту, а еще — впервые за долгие годы — покой. Девятиногое чудовище ешап уползает туда, где ему место. Хава победила его.

— Что же, я теперь река? — спрашивает она.

— Может, река, — отвечает старец. — И люди, и реки текут так, как предписал им Всевышний.

Хава ликует, слушая такие мудрые речи, душа ее наполняется блаженством, но седобородый старец внезапно меняется в лице. Теперь он, кажется, усмехается ехидно:

— Все реки текут по-начертанному, и сибирские тоже. Так и передай академику Шафику Чокину*.

Хава не понимает:

— Кто это?

— А, узнаешь, — вновь остывает старец. — Путь у тебя долгий.

— Что же, я домой не вернусь? — спрашивает она, и старец с бородой до пола выдает последнюю странную фразу, прежде чем раствориться в ее видении:

— Дом там, где в тебе нуждаются. Где ты нужна, Хава?

С отзвуками этого вопроса она очнулась после трех дней лихорадки. Первой, кого увидела у своей постели, была перепуганная сестра Коротыша.

— Она пришла в себя! — вскрикнула Малика.

Зашуршали мягкие тапочки. Нежная ладонь опустилась на лоб Хавы.

— Нани! Слава Всевышнему, открыла глазки!

— Марьям, — прошептала Хава. — Вернулась.

— Откуда вернулась? — удивилась Марьям. — Я тут ночи дежурю, нани.

После бури и лихорадки все, чего касалась Хава, казалось ей сделанным из сырой глины. На стенах выступили медовые на вид пятна. Марьям замесила известку. Старухе не разрешали много ходить, а тем более заниматься хозяйством. Стоило ей побледнеть или вздрогнуть, как кто-то из девушек тут же брал ее под руку и вел в постель.

* Шафик Чокин (1912—2002) — крупный казахский ученый, основатель Казахского НИИ энергетики, академик, один из авторов проекта канала Иртыш — Караганда. В начале 1950-х выдвинул идею переброски сибирских рек для орошения земель Средней Азии и Казахстана и спасения Аральского моря от обмеления.

Марьям рассказала, что неожиданная буря унесла шар. Его обнаружили на следующий день в ста километрах и увезли в грузовичке. Унесла буря и жизнь. В реке выловили утопленника — человека в солдатской гимнастерке, с блестящим гребешком в нагрудном кармане и самогоном на изюме, разбавленным речной водой, в желудке. «Наверное, это тот самый, что ударил тебя прикладом в грудь, нани», — прошептала Марьям.

В углу безучастная к их разговорам Малика ела пальцем сметану, принесенную братом. Беременность ее вступила в ту пору, когда женщина целиком погружается в глубины своей телесности, жадно прислушивается к ощущениям и с удивлением открывает чужие жизненные токи внутри себя. Малика не видела и не слышала ничего вокруг, умиротворенно мурлыкала под нос, много ела, крепко спала. В глазах ее появился блеск. Сестра Коротыша похорошела не только от приятной полноты своего положения: Марьям приучила ее купаться в травяных настоях и протирать лицо молоком козы.

Хава не знала, что Марьям обучает Малику гимнастике: приседания, наклоны, прыжки — обе едва сдерживают смех, запутавшись в длинных юбках. Жаль, нани не разрешит надеть штаны!

Через неделю Хава вышивала простыни и увидела в окно знакомую молодую казашку, ведущую за руку девочку. Хава открыла им двери.

— Посмотрите мою дочку, соседка, — сказала женщина, не выпуская руку ребенка. — Дети играли, бросали рыболовный крючок, попали ей в голову. С тех пор она совсем не говорит. Три года мы ездим по врачам, нам не могут помочь. Говорят: нельзя трогать, слишком опасно. Моя дочь три года живет с рыболовным крючком в голове.

На следующей неделе привели белого как снег мальчика. Еще через пару дней пришла незнакомая русская семья — о Хаве прослышали в соседнем селе. Старуха разговаривала с детьми и угощала их сушеными яблоками. Велела не вырывать крючок из головы девочки, а дать обрасти плотью. Мальчику приказала не есть тайком свечи. Русской семье посоветовала обкладывать больного ребенка большими кусками курдючного жира — от шеи до талии, а следующего ребенка, который родится у них через год, беречь лучше, сохраняя его отрезанную и засушенную пуповину в полотняном мешочке до тех пор, пока он не сделает первые шаги.

Поток несчастных к дверям Хавы все увеличивался. Юной девушке, исходившей волдырями, она сказала ждать, пока один чудак не вырвет самый глубокий колодезь, и умыться первой водой из этого колодца. Распорядилась намазать ожоги ребенку томленным до черноты яичным желтком, и через несколько дней счастливая мать пробежала по всему селению с радостной вестью: ее сыну удалось спасти ноги. Врачи, настаивавшие на ампутации, только качали головами.

Однажды Малика, собирая крошки со стола, вдруг застонала, сморщила личико. Хава забеспокоилась: рано. Беременная грузно опустилась на стул и сказала дрожащим голосом:

— Мне не б-больно. Я от другого плакать хочу. Я п-подумала, что с нами будет, если вы уедете?..

Заново освоив такое легкое занятие, как шитье, Хава выпросила обратно и свою любимую обязанность — пасти козу.

Когда дни потекли совсем уж медленно, через восьмые руки пришло письмо от Хатаевых. Марьям читала вслух: о том, что сын Хавы жив-здоров, но показаться не может — политика, будь она неладна. Передает поклоны и надеется на скорую встречу. Хава так и не выучилась грамоте, но письмо забрала.

Марьям же, прочитав послание, побежала к мюридовой сестре. Там, в доме с новой крышей, среди новых пахучих травяных веничков, еще не успевших высохнуть, она расплакалась. Плакала долго, а мюридова сестра гладила ее вздрагивающую спину.

— Не могу признаться, — рыдала Марьям. — Как я скажу нани, что сын ее давно погиб? Все письма об этом, а я читаю, как попугайчик: жив-здоров... Пусть меня скорее Аллах накажет за эту ложь!

— И меня накажет, — вздохнула мюридова сестра. — Кто тебе помогает, а? Я такая же сказочница. Наплели мы кружев — сам комендант верит.

— Все думают, что у нее несгибаемый хребет, — сквозь слезы лепетала Марьям.

— Да, сильная, как наш боксер Азиев, — усмехнулась соседка, согнула руку, будто показывая мускулы.

— Но разве такую правду выдержать? Нани только мечтами о сыне живет, простыни нам свадебные вышивает, — Марьям залилась самыми горячими слезами.

Мюридова сестра качала ее, как ребенка.

— А я думаю, даже если сто человек ей правду откроют, она не поверит. У матери сердце с разумом не связано, — сказала женщина, вспоминая лица трех своих дочек, наспех закопанных в черный от копоти снег на безвестном казахском перегоне. Порой ей казалось, что дочери были не мертвые — просто ослабели, уснули без движения. Втайне мюридова сестра надеялась: они очнулись и выбрались из-под снега.

Обе замолчали. Соседка прогнала воспоминания, спросила у Марьям с обычным своим любопытством:

— Неужто замуж не хочешь? Ведь пока Хава в наши сказки верит, не видать тебе другого жениха, кроме мертвого.

Марьям крепче вцепилась в колени соседки:

— Я ради нани на все готова. За мертвого пойду!

— Только Всевышний знает, чем все это может кончиться, — вздохнула мюридова сестра, не подозревая, что повторяет слова своей старшей соседки.

Хава тем временем скатала письмо в шарик, проглотила и села у окна. Она вышивала простыни тайными благословениями с таким усердием, будто ниткой соединяла два мира, могущественная в своем покое, неприступная для печали, блаженная в отсутствие сновидений.

Мимо шел Баян-чудак. Остановился и, как ребенок, заиграл пальцем на губах. С юга надвигалась великая засуха, оставляя на своем пути обезвоженные трупики степных зверьков. В дальних селах уже начал падать скот, и доктора Дугина срочно перевели туда, где его помощь была нужнее и где его сердце еще пару лет не могла потревожить ни одна девушка.

Накануне отъезда Дугин пришел попрощаться. Принес трехламповый радиоприемник «Москвич» — маленькую коричневую коробочку с приятно-округлыми углами, которая сразу заинтересовала Марьям и Малику.

— Вы можете слушать новости с родины, — сказал Дугин и показал Марьям, как включать приемник. — Левая ручка — громкость, правая — настройка. Смотрите.

Коробочка зашипела. Рукава Марьям и Дугина случайно соприкоснулись при переключении диапазона.

— Когда передают музыку? — спросила Малика.

Девушки еще двадцать минут крутили ручки. Хава слушала помехи, сигналы с самого краешка земли, невидимую связь всего со всем, и улыбалась. Наконец Дугин тяжело вздохнул, отказался от чая и ушел, сутулясь. Марьям стояла на кухне, провожая его из-за занавески взглядом, полным тоски, и сердцем, с которого упал камень. Хава молчала.

— Ч-что это вы все шьете и шьете? — спросила сестра Коротыша, без музыки потеряв интерес к приемнику.

Хава повернула шитье к свету, ответила:

— Не по обычаю нашему шью, рано слишком. Ну да ладно. Пой песню той арбы, на которую сел.

— Не х-хотите сказать, так и не надо, — обиделась беременная. — А загадки ваши я не понимаю. Все бы в-вам загадками говорить, как учительница!

— Какие тут загадки? Ребенку нашему шью — гляди, какой узор.

Малика смутилась, подошла поглядеть, потрогала выпуклые стежки пальцем:

— К-красиво. Я так не умею.

В дверях неслышно появилась Марьям, глаза ее влажно блестели, а щеки были бледны. Она улыбнулась, тоже подошла посмотреть простыни и остановилась ошеломленная: от причудливого свадебного узора не осталось и следа. Хава вышивала губастых лошадок.

— Научу. Кто о вас еще позаботится, как не я, старуха? — сказала Хава. — И загадкам научу. Женщина должна уметь слово нужное сказать, все обычаи и приметы знать. Вот я на днях предание вспомнила, — Хава лукаво посмотрела на Марьям, на Малику. — Знаете, кто, по нашим поверьям, минует божеский суд и прямоком в рай отправляется?

Девушки переглянулись. Хава тоненько засмеялась и сама ответила:

— Удивитесь, сокровища мои! Человек с тремя кизилowymi косточками в животе.

Константин КОМАРОВ

ПРОВЕРЕННАЯ СМЕРТЬ

* * *

Все не так. Дело движется к лету.
Или к Лете, скорее. Привет.
Осознать то, что времени нету,
у меня вечно времени нет.

Колыбель я качал — укачался
и печали свои пел, как гимн,
а теперь — только бы не кончался
аспирин-валидол-пенталгин.

Но еще есть под горлом записка.
Не волнуйся, я так не умру:
пусть, скуля, уползает собачка
пистолета в свою кобуру.

Шелестит нервный свет и неверный,
шьет патроны военный портной,
и горит серый ящик фанерный,
нашпигованный вечной весной.

Смерть скучна распознавшим предсмертье
по стандартному сонму улик.
В циферблате мне виден пресветлый
пресловутый божественный лик.

Потому я и в меру невесел,
что, в себя заглядевшись, притих,
но кипит разноцветная плесень
на словах сырных песен моих.

* * *

Буря матом небо кроет,
ну и далее — астрал,
а под ледяной корою
вьются языки костра.

Ливень в крыши, как в литавры,
бьет, взметая снега пыль.
Миру шлет привет летальный
сей природный диафильм.

Я стою — простой, как лапоть, —
свой простаиваю след —
в ожидании полапать
пред кончиной этот свет.

У меня печаль на рыле,
на губёхе — бурный мат,
духи на меня нарыли
запредельный компромат.

Всю свою мускулатуру,
ветром вытертую в прах,
я извел в макулатуру,
в тибидошный серый трах.

Но в своем очнувшись теле,
пребываю, невесом,
в металлической метели,
ставящей финаль на всем.

* * *

Мы — только буквенного талька
пыльца. Мы — только семки сем.
Мы — только скрип занёбной гальки
сухих, пупырчатых фонем.

Наш карандаш уже источен,
как гол, забитый вратарю.
Сквозь ярость зарослей межстрочных
я путь тебе не проторю,

стишок мой — скушанный и скучный —
 пора расстаться нам, моншер,
 пусть плюсанёт тебя А. Кушнер
 и примет, словно акушер.

Но если встану я у рая
 иль ада — нет различий тут —
 пускай в каком-нибудь Урае
 под водовку тебя прочтут.

И я тогда в гордыне мутной
 не буду долго титьки мять,
 переча слабости минутной
 перечитать тебя опять.

* * *

Не из ружей палить, а цветочки полить,
 что страдают на почве степной.
 Сколько новых — чудесных и знойных — палитр
 ожидают меня за стеной?

И пока все счастливо разбились по парам
 в этом мире — не первом — втором,
 пусть табачным плывет в небо паром
 одинокий мой строчный паром.

Дух напрямь да и вынести напрочь
 вновь себя — до иного утра,
 чтоб просить молча ангела на ночь:
 напророчь мне на завтра *вчера!*

* * *

Зуб на зуб хоть и попадает,
 но тем не менее — болит.
 Мне, чтобы говорить, подарен
 тяжелый русский алфавит.

Зимою думаешь о лете,
 терзаешь хилый ноутбук
 и проверяешь, есть ли сети
 для уловленья скользких букв.

Они летят быстрее свиста,
 а то — ползут, как слизняки,
 пока ты с радостью радиста
 встречаешь грудью сквозняки.

Живешь в тоске своей столетней,
тоска столетняя не врет:
итог старания — старенье,
итог повтора — поворот.

Откуда только здесь берется
дурь, переплавленная в дар?
И ртуть в термометре смеется,
и варит автор свой отвар...

* * *

От визгливых песнопений
мозг — как ящик выдвижной.
Каждый ближний — сразу гений —
и писклявый, и блажной.

То ли это ли, а то ли... —
и спуют, и говорят.
А затворники Альтоны
затворились и творят.

И звучит больная fuga
под медийною водой.
И выходит вон из круга
треугольник молодой.

* * *

Обмылками обломов мою руки,
обломками обмолвок тещу мозг,
дождю и ветру отдан на поруки,
свершаю путь — проторенный — в киоск.

Несу телес дырявое корыто
на мягкие простынные ножи,
и перхоть прихотей лет сто уж как отмыта
с картонной отбракованной души.

Не слышу крик, но впитываю шепот,
песочные ломаю города.
И все же — многократно послан в жопу —
сворачиваю снова не туда.

В своей глухой, незримой обороне
пытаюсь неприкаянно успеть
сказать. И не проспять, не проворонить
проворную, проверенную смерть.

Андрей КОРОЛЕВ

БЕЛЫЙ ВОРОБЕЙ

Автогеография

Р о м а н *

10. Контора пашет

Черту приличия наша газета переступила легко — просто пятясь от границы дозволенного. Мне, впрочем, говорить об этом следовало бы с меньшим сарказмом: даже когда дрейф от бодрой угодливости к унылому лакейству стал очевиден, я боролся не до конца. Ну, пови выступал на общем собрании, поворчал на планерках, поораторствовал в курилке. Да еще разок, не желая «участвовать во всем этом», демонстративно зóпил с обеда. «Русская забастовка!» — довольно отметил татарин Бил.

Ну да, русская и бессмысленная. Зато щадящая самолюбие.

Коридоры на двух наших этажах имеют форму буквы «О» — нескрываемого удивленного восклицания. Это понятно: строили редакционный комплекс с типографией во времена, когда прессе придавалось особое значение. Теперь, увы, о «четвертой власти» почти не вспоминают, чаще — о «второй древнейшей профессии». И кажется символичным, что лабиринты наших коридоров становятся ловушкой для самых наивных ходяков из народа, еще забредающих в газету и мыкающихся по замкнутому кругу; я сам не раз эвакуировал к лифту разных жалких старушек, графоманов и правдолюбцев.

Мой кабинет на четвертом этаже, прямо напротив редакторского (через небольшую приемную). Сейчас дверь в предбанник открыта, в кабинет редактора тоже, и в коридоре слышно, как коллеги обсуждают выпущенный сегодня номер.

Вот очередь дошла до Славика Додонова, корреспондента отдела социальной жизни. Вообще-то он вполне справный, румяный тридцатилетка, однако на планерках почему-то говорит так тихо и замедленно, что я начинаю злиться: ты просто не хочешь никого обидеть или цену себе набиваешь? Но попробуй только вслух взбудрить его — наш чуткий коллектив сразу встанет бюстом на защиту: он же искренне переживает! Не всем же быть краснобаями и балагурами!

---

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2019, № 11.

Вот и теперь Славик мямлит что-то неразборчивое. Хотя нет, я знаю, что он говорит. Обычно он говорит: «Материал имеет место быть». Это у него означает: имеет право на существование. И это означает, что в главной областной газете штатные сотрудники не очень-то понимают значение слов.

Но тут Славик прямо-таки разболтался.

— Честно говоря, мне материал понравился, — смело возвышает он голос.

Этого я уже вынести не могу.

— Господи, неужели ты даже таких вещей не понимаешь? — врываюсь я в кабинет. — «Честно говоря» — это когда текст заместительницы редактора не понравился!

Он хлопает глазами, но при этом как-то упрямо набыхачь: готов отстаивать свою позицию. Свое право сидеть в теплом кабинете с грамотами на стене, в час дня чинно спускаться в столовую в светлых сандалетах, перед совещаловками в администрации за руку здороваться с шишками и после конторских корпоративов безотказно охмурять практиканток.

— Когда ты последний раз выезжал в командировку? — подступаю я к нему. — Когда прочитал хоть какую-нибудь книжку?

— Евгений Саныч, Евгений Саныч! — спешит на выручку Катя Лидрик, завотделом культуры. — А я вчера выезжала в командировку. И книжку читала!

У нас с ней самые лучшие отношения — бережно-ироничные. Когда-то Катя была честолобива и верила в очищающую силу слова. Потом просто хотела устроить личную жизнь. Однако глупо влипла — влюбилась в бородатого музыканта младше себя, да к тому же женатого, да к тому же с задатками жиголо. В общем, в последнее время она тоже хандрит, но только с ней в этой конторе я и могу нормально общаться.

— Евгений Саныч сегодня не в духе, — пытается Катя сбить напряжение. — Что, «Барселона» ваша опять кому-то продула?

Как и многие бывшие студентки-комсомолки-спортсменки, она несколько преувеличивает свои нынешние возможности воздействия на мужиков.

— Я как раз очень даже в духе, Катерина Санна! — твердо говорю я. — Впервые за долгое время.

Все вокруг притихли: и страшновато, и интересно, что дальше будет. Журналисты все-таки, хотя уже и очень-очень глубоко в душе. Что ж, ребята, уговорили: будет вам шоу.

— Насчет командировок — это, между прочим, многих касается, — начинаю я, обводя тяжелым взглядом всех сидящих вдоль стен и за столом, что приставлен к редакторскому.

Сам редактор, кстати, тоже помалкивает, зато улыбка у него уже вдвое шире обычной натянутой.

— Ну что, момент истины? — веселею я. — Раскроем карты?

— Вот тут мне карта и поперла, — вставляет кто-то вполголоса.

Ясно кто — Таня Лагойда, пенсионерка, обозреватель по медицине, бывшее «золотое перо». Ей можно и пошутить.

— Учтите, это редкая возможность, — говорю я. — Узнать о себе правду. Потом я могу и расхотеть.

— И помрем мы темными, так и не узнав всей правды, — иронизирует Алла Симонович, образование.

А как раз ей стоило помолчать.

— Ну-у, Ал. Тебе-то это не грозит, — замечаю я с удовольствием. — Ты давно все про жизнь поняла. Что писать надо только со слов начальничков. И, кроме как за пятнадцариком, никогда не наклоняться.

— Может, отложим это срывание всех и всяческих масок? Работать надо! — миролюбиво предлагает Катя Кац, отдел писем.

— Ух ты, классику знаем! — искренне веселюсь я. — Правда, когда сами писать начинаем, куда что девается?

Поднимается ропот. Молодцы ребята все-таки. Я-то думал, у нас уже совсем бессловесное стадо.

— Я не пойму, что за судилище нам устроили? — волнуется Анжела Епанишникова, социальная жизнь.

И правильно волнуется: ее это касается в первую очередь.

— Анжелочка, золотце мое, да разве ж это судилище? — играю я. — Это у меня просто истерика от бессилия, маленький такой демаршик. Но ведь когда-то же ты, например, должна понять, что нельзя так бессовестно насиловать и читателей, и контору, и профессию, наконец!

Раздается всеобщий громкий «ах»: женщину обидели. А то, что эта халтурщица ежедневно убивает меня своей нахрапистостью, шкурностью, недобротой, — это будто дело десятое. Маленькие глазки Анжелы на толстоватом лице сверлят меня с матерной прямоотой. Наконец-то хоть какая-то искренность!

Но слышу я нечто странное:

— Ну что, устал сачковать?

— Что?!

— Устал, говорю, отдыхать? — повторяет редактор. — Решил для разнообразия поработать?

Я стою у доски с приказами и еще не снятыми поздравлениями с Новым годом, а он, как всегда, подкрался незаметно («вот он на цыпочках, и не богат словами») — в обтягивающем животик кардигане и с облачком мученичества во взоре, как у Гриценко в роли Каренина. Который «так пелестрадал». И которого тоже, в общем-то, можно понять. Ну так кто же заставлял его быть таким нудным?

— Мы уже думали некролог начать писать, — продолжает острить редактор.

«А вы смогли бы?» — хотел сказать я, да передумал. Не надо перебарщивать.

Пока мы сидим в его кабинете, несколько человек заглядывают туда по разным придуманным поводам. Кому-то просто любопытно, а кто-то искренне переживает, что я могу свалить.

В итоге мое заявление на отпуск все-таки подписано. Но денег (видимо, в отместку) сегодня не будет: в кассе якобы нет наличности.

— Ничего, потерпишь, — говорит редактор. — Или ты собрался проставляться?

В вопросе почти нет нормальной приятельской подначки — больше чиновничьей опаски (расшатывание дисциплины) да ревности (его на такие мероприятия зовут редко).

Я поднимаюсь из-за стола и протягиваю руку:

— Сегодня я удивлю всех — буду трезвым и солидным.

— Ну никакой стабильности в мире! — смеется редактор. — Уж если ты...

Нет, он на свой лад даже остроумен — на свой ехидный лад.

Господи, что я тут делаю, в этом чужом, поддельном мире? На что трачу жизнь?

Я поднялся на пятый этаж, иду и здороваюсь в открытые кабинеты.

В отделе рекламы прильнула к монитору Ангелина. У нее новое платье с декольте и прическа, но, боюсь, и этому раскладу «солитёра» сбыться не суждено.

А вот Зина, учетчица отдела писем: кладет на весы большие конверты, затем снимает и лепит на них марки — готовит к отправке рекламодателям свежие порции взаимных надежд. Работа, конечно, не слишком творческая, хохотушка Зина хмурится, но не так чтобы очень трагично.

Вик, обозреватель отдела экономики, демонстративно изолировалась от всего: поверх наушников еще и капюшон худи натянут на голову. Это значит, сдает материал в номер. Если бы она не успела поработать на москвичей и знала поменьше слов типа «бэкграунд» и «тренд», общаться с ней было бы гораздо легче. Однако я все равно обычно защищаю ее от коллег: да, на пресс-конференциях Вик солирует почище любого спикера, да, она вообще не любит людей, особенно мужиков, особенно тех, у кого нет хотя бы парочки шахт или заводов, но к миссии своей колумнистской относится всерьез и, кажется, действительно хочет докопаться до правды, а в наше время это редкость.

У шоферской кандейки* разыгрывается очередной раунд конфликта интересов: секретарь Марина Пална ищет негра для отправки в командировку, а Вова Маленький и Вова Большой включают дурака и пытаются отбиться, заодно подставляя друг друга. Здесь, впрочем, агрессивность больше деланая, здесь так положено — громко наезжать, и вилять, и сдавать на попятную (только не сразу, иначе примут за слабость). В итоге Пална построит их как надо и все будет разрулено по справедливости.

— Что, Марин Пална, совсем от рук отбились оболтусы? — говорю я, одновременно хлопая обоих Вов по плечам.

— Да не говорите! — с удовольствием ворчит она. — Раньше вообще никого не спрашивали: можешь поехать, не можешь поехать... Есть производственная необходимость — будь добр, выполняй. А тут совсем обленились: то резина у них не та, то понос не тот, то золотуха...

* *Кандейка* — здесь: небольшая комнатка.

Вовы лыбятся: их мастерство признано. Такого сильного соперника не грех уважать и уважить.

— Все ясно, обалдуи? — развивает Марина успех, ловко пользуясь моей поддержкой. — Есть еще вопросы?

— У матросов вопросов нет! — игриво-важно отвечает Вова Большой.

И этот человек лет двадцать отрубил в конторе, связанной со словом!..

Напоследок я захожу к фотокору Васе Шубину. Он завтра уезжает отдыхать в Белокуруху, надо же дать несколько наставлений.

Мне нравится его умение легко принимать любую действительность — даже гнусную, унижительную. Я, например, в таких случаях всегда готов к порыву, позе, капризу. А Вася как-то умеет абстрагироваться и занять уютный уголок для лукавого наблюдения и веселой оценки. И это не слабость, не двуличие. Даже когда он придворным фотографом успел побыть (в прямом смысле: выезжал на все мероприятия с губернатором), это его не испортило. А на те же планерки он либо не ходит, либо сидит молча, не ввязываясь в свары, лишь изредка отпуская безобидные скабрёзности.

Я знаю, что он прошел Афган, был контужен. Наверное, отсюда его жизнелюбие, желание и умение создавать вокруг позитив. У него в кабинете любой может посидеть и посплетничать, выпить кофе и съесть печенюшку. А то и отведать настоечки нового розлива, которую Вася принес для пробы. Вот и теперь он потчует меня какой-то приторной микстурой, зато от души. И сопровождающая дегустацию байка, как всегда, сочна и смачна.

Он, оказывается, уже вернулся со съемки, распечатывает отобранные кадры. Это к репортажу в номер — о вручении группе активных пенсионеров палок для скандинавской ходьбы. Сейчас это главный хит нашей власти (хотя выборы, кажется, только осенью) — забота о здоровье населения. Раздают в разных территориях по сто — двести комплектов, потом счастливые физкультурники и физкультурницы (были девушки с веслами, а стали бабушки с палками) всем гуртом совершают первую прогулку, а мы это фиксируем и тиражируем. Раз за разом. Мечта, а не журналистика!

Сегодня, правда, прошло не слишком гладко. Вася в лицах показывает суету распорядителей и клянется, что кто-то из них реально вылепил фразу: «Это мероприятие не для палочки!»

— Ну, Вась, врешь же! Не мог он так красиво оговориться. Это же чистый Фрейд.

— Да там вообще один голимый Фрейд! — заливается Вася, и стекла его очков, поднятых на лысый череп, отбрасывают мальчишеские зайчики. — Накидали теткам палок — они и довольны!

Вася — самый обаятельный похабник из всех мне известных. Любую ситуацию он готов вышутить в плоскости «ниже пояса». И кстати, не всегда плоско. Особенно хорошо и полезно у него получается в компании подвыпивших дам, когда маленькой милой непристойностью нужно поддержать совместную раскрепощенность. Другое дело, что теперь Васе,

хошь не хошь, приходится соответствовать роли не только остряка на грани фола, но и отъявленного жеребца.

— Виагры-то достаточно взял? — интересуюсь я. — А то придется ночью рыскать по киоскам...

— Какой виагры?! Наоборот, успокоительного — хоть отоспаться нормально.

— Или, может, батожок скандинавский на всякий случай? — продолжаю дразнить я.

— Да ты что? Я же там был. Туда битую баскетбольную надо брать... отбиваться от оздоровившихся бабок.

— Хм. Баскетбол с битами — это ты интересно придумал. Ладно, Вась. Главное, веди там себя плохо!

— Да не вопрос!

— У матросов нет вопросов? — зачем-то еще переспрашиваю я.

— Да им вообще все по колено! — подтверждает он. — И не только море.

11. Терпитерпитерпитер

— «Море», что ли? — наконец догадывается недобрая девчонка в киоске. — Так бы сразу и сказали!

Да, я сказал не так. Я два раза красиво сказал: «Мо» — с отголоском «р» в конце, и не грубым американским, а очень деликатным: «Моа».

А ничего этого, оказывается, не нужно. Ни правильности, ни четкости, ни тонкости, ни деликатности. Мне и сигареты-то эти не нужны — псевдоутонченные, фанерного цвета и вкуса. Это Маринка балуется изредка, когда хочет поиграть в бедовую девчонку. Ну, знаете, надеть твою рубашку и дернуть чинарик у тебя из губ, несмотря на недовольное мычание, и затяжка выходит с такой неумелой тщательностью, полюбуйтесь на эту отличницу-вамп на стажировке, да брось ты эту вонючую гадость, ради бога, я куплю тебе что-нибудь попрличней, хотя приличие тут как раз вредит, приличие тут как раз и нелепо, но рубашка расстегнута все же слишком лукаво, или слишком опрометчиво доверчиво, или слишком успокоенно небрежно, надо же учитывать степень тоски и освещенности, и утяжеленности, и растянутости, и растерянности, и пигментации, в общем, здесь тоже не стоит пыжиться, особенно когда тебе это не очень идет, но в такие минуты разве об этом думаешь, нет, конечно, и стараешься быть еще нежней.

— Спасибо! — говорю я киоскерше нежно, однако мне это не поможет, я ей уже никогда не понравлюсь, а еще говорят, культурная столица, Северная, блин, Пальмира, понаехали тут всякие вроде тебя и меня.

Этот город привык влюблять в себя, а ты и рад стараться: ходишь, ходишь как заведенный по самым хрестоматийным местам и глупо гордишься, их узнавая, ходишь как привязанный по одному и тому же маршруту, а другого тебе и не хочется: Аничков мост — арка Главного штаба — Медный всадник. Чуть-чуть отдышишься, объевшись впечатлениями, у

мудро предостерегающего дедушки Крылова и — опять, опять сплошная литературщина! — замороженно-безропотно возвращаешься на Невский. Ходишь, ходишь ошалело, но целеустремленно, всматриваясь, вслушиваясь и явственно ощущая магию окружающего, и не пытаешься ее разгадать, а просто впитываешь, втаптываешь в память геометрию и названия, нанизываешь на прямые отрезки свежие сведения и чувства — такая вот полевая практика по прикладной топонимике, топ-топ-топонимике. А как иначе усвоить этот предмет, то есть освоить это пространство, то есть присвоить его себе?

И вот здесь (допустим, у Инженерного замка, даже при солнце не то сонного, не то действительно зловещего) тебя подстерегает главная опасность — стать жертвой самообмана. Слишком скоро ты начинаешь думать, что уже прошел кастинг и попал в касту избранных, и уже можешь оценивать качество архитектуры, и обсасывать местные сплетни, и подсказывать дорогу неопитам, и канал Грибоедова называть Грибоналом. А что, ты ведь уже пил ночью на каком-то явно знаменитом парапете, видел там крыс, но от этого не разочаровался же, не отступился, даже наоборот — еще крепче теперь связан некоей взаимной интимной тайной.

Вот, скажем, на Невском у Пассажа, где туристы рекой, вдруг замечаешь актера Дмитриева в неоправданно широкоплечем плаще, в нескрываемом белом кашне, ищущего взглядов, и, конечно, тут же прощаешь ему эту маленькую слабость, сразу доброжелательно прощаешь. Или — еще более великодушно! — на какой-то странно пустой набережной встречаешь актрису Крючкову с нелепой авоськой в руке, устало-скромно опустившую глаза при приближении, и даже не пытаешься смутить ее уважительным узнаванием.

Нет, обходительность в этом ухоженном исхоженном городе, похоже, и впрямь разлита в воздухе. Или это природная вежливость, и уж точно воспитанность, вышколенность, пусть порой и чопорная (а скорее церемонная), или даже врожденное благородство, причем по-настоящему теплое, что особенно греет в тот момент, когда ты поднимаешься вдоль Фонтанки от Чижика-Пыжика, на сей раз оказавшегося на месте, возвращаешься окрыленный, словно сделал что-то очень ценное, скормив ему целую горсть полновесных монет, причем попадал не только в бока и голову, пара рублей даже осталась лежать на постаментике, пока не была сбита другими счастливыми.

И кто клеветал, что в Питере всегда пасмурно — с таким-то блеском воды и металла, с такими бликами и зайчиками? День настолько светел, а город настолько сказочен, что тебя так и распирает от счастья, и в это трудно поверить, поскольку ты совсем не такой, или давно такого не было, или реальность этого счастья будто случайна, точнее, оно какое-то шальное, не лично тобой и не слишком заслуженное, и ты еще благоразумно пытаешься его сдержать, но счастье все равно прорывается наружу, и тогда ты прямо на ходу — о-о-опля! — выкруживаешь разворот с сигаретой на отлете, рассылая блаженную ухмылку на все четыре стороны, а потом щелкаешь ногтем по красному воздушному шарик, который празднично, как рюмку, держит перед собой стоящий на светофоре шпендик, а потом,

уже в холле гостиницы, здороваешься весело с мужиком, показавшимся смутно знакомым, сидящим с надменным видом, и ты говоришь ему «добрый день», потому что выглядит он инородно, а ты хочешь дружески его подзадорить, но на лестнице понимаешь, что делать этого не стоило, потому что счастье действительно иллюзорно и недостижимо, потому что, пока ты так игриво любишь весь мир, кто-то в мире угрюмо не любит тебя.

«Это же нечестно», — беспомощно подумал я. Потому что холеный мужик в холле, самодовольно ждущий кого-то, был Маринкиным мужем. И никакого честного счастья нам с ней уже не светило.

— Он сам приехал, я правда не знала!

Она виновато морщит нос, но при этом, просунув палец под мою ладонь, щекочет им по-кошачьи беспринципно.

— А сына он с собой не прихватил? — усмехаюсь я. — Так было бы еще эффективней!

Она вздыхает, однако руку не убирает.

— Такое чувство, что ты один считаешь себя пострадавшим. Это не так, поверь.

— Да знаю я, Чижик. Просто жалко безумно. И тошно. Потому что он-то в своем праве, а мы как будто...

Я горько замолкаю.

— Я постараюсь что-нибудь придумать, — говорит она и, кажется, сама в это верит.

— На всю ночь? — заглядываю ей в глаза.

Она не отводит взгляда, но молчит.

Тут почти вовремя появляется Димка с видом типа: «Я вовсе не собираюсь вам мешать, только погреюсь немного у вашей семейной идиллии да оживлю разговор парой ярких острот».

— Вы уже заказали? — бойко спрашивает он, потирая руки.

Потом, присмотревшись к нам:

— Я ничего не пропустил?

Потом — персонально мне:

— Мне надо узнать что-то важное? Ты был мне неверен?

И уже в другой тональности — ей:

— Кошка, которая между вами прошмыгнула, была не черного цвета? Это принципиально важно. Если не черная, то...

— Приехал ее муж, — перебиваю я его. — Решил сделать сюрприз — красиво сорваться на уик-энд. Просто, говорит, соскучился. И я его понимаю.

Димка садится за стол. Затем говорит осторожно и в то же время твердо:

— Ты считаешь, это достаточный повод, чтобы назюлькаться вдрызг? Я поддержу. У меня были другие планы, но...

— Да не парься ты, — говорю я. — Так даже романтичнее получается.

— Да перестаньте вы, — говорит она, — себя жалеть! — И встает.

Я пугаюсь, что сейчас она уйдет совсем, даже не попрощавшись. Но она поворачивается ко мне:

— Я буду в номере. Подожду, пока ты успокоишься. Все, пока. Пока, Митя.

Димка сосредоточенно молчит, потом начинает чесать заросшую щеку — опять начал отпускать бороду, чтобы казаться солидной.

— И чего этот хер приперся? — сочувствует он. — Прямо специально из Москвы? Понял что-то?

— Надеюсь! — усмехаюсь я.

— Ну конечно! — говорит Димка неожиданно прямо. — Тебе же чем трагичней, тем лучше. Что, в роман следующий вставишь?

Хороший удар, точный. Однако недостаточно сильный. Да и не хочу я ни с кем соревноваться. Все, хватит. Устал.

— Все, хватит! — говорю я. — Разберемся как-нибудь. И не думай, что я только из-за себя разнылся. Ей с ним, может, еще жить. И для нее это правда удар.

— Да, правда, — соглашается мой друг. — Она сильно переживает. Но больше именно за тебя.

— Что я никак не могу уgomониться? Хотя пора бы уже... Никакой перспективы, никакого будущего. Даже никакой солидности. Ребячество, стыд и срам.

— Ладно, ладно, не заводись, — говорит Димка. — Любит она тебя, любит. Ну как такого балбеса не любить? — шутливо прикладывает он легонько кулаком к моему лбу. — И вправду пацан, э-эх, чертенюк!

— Что у вас тут — драка? — интересуется подошедшая Маринка. — Не можете без меня минуту спокойно посидеть?

Мы оба смотрим на нее и улыбаемся. Я очень рад, что она вернулась.

— Я подумала, что ты, в общем, не виноват, за что тебя наказывать? — говорит она, нечестно блестя своими зелеными глазами. — А тем более Митю. Он-то никогда не будет на меня злиться, он уже взрослый, правда? Так что, если хотите, можем пойти куда-нибудь погулять.

Я, признаться, надеялся на несколько иное продолжение. Но сейчас был рад и этому.

А потом все наваливается разом: и горе, и гордость, и горечь. И город, в котором ты так хотел и мог бы быть счастлив, вдруг отгораживается от тебя всеми стенами гостиничного номера, и выхода из этого тупика нет, и выбор между ступором и сдачей унизителен, особенно когда жизнь за окном продолжается демонстративно бойко, злорадно отстраненно, и эта возбужденная реальность, искренняя праздничность или праздная суэта — все протекает мимо, мимо, все эти азартные, нескромные, бодрящие, щемящие обстоятельства времени и места, все эти трепеты, флюиды и феромоны Монферрана уже не для тебя, а тебе только и остается, что принять эту новую данность и первую дозу из наивно припасенного и скромно сервированного: ну, за отрезвление, говоришь ты в зеркало стенного шкафа и чокаешься со своим странным двойником с обиженным взглядом, и закусываешь треугольничком плавленого сыра, а есть

ведь еще и шпроты, и оливки с лососем, и мясная нарезка, и маленькие булочки, о, да у вас тут (у тебя тут) настоящий пир, настоящий праздник независимости (освобождения от иллюзий), о, за это не грех и повторить, не так ли?

Еще бы. Большеватый глоток водки в стакане болтанулся угрожающе противно, но с какой-то правильной суровостью, необходимой мужественностью, ты должен нравиться себе сейчас, иначе будет еще хуже, ну хоть кому-то же ты сегодня должен нравиться, ну, за верный выбор, точнее, за вовремя сделанный выбор, в этом есть даже определенный гуманизм — не отрезать хвост по кусочку, а просто взять и не прийти — как отрезать, в этом есть особая смелость — поступить так, как считаешь нужным, как считаешь правильным, невзирая ни на что, то есть ни на кого, признай это, признай — а куда деваться?

Водка уже начинает действовать, особенно когда стоишь у зеркала и смотришь прямо себе в глаза, да, в этом есть особый смысл, и особая открытость, и рисовка, разумеется, не без этого, зато так интонации модулируются четче и сами слова льются проще и, главное, доверительней, убедительней, доходчивей, только обязательно надо пить за что-то — с тостом, или девизом, или смешной присказкой. Черт возьми, да ведь это же почти молитва, стоишь весь такой голый и формулируешь желаемое (кому? в том числе и себе самому), задаешь некую программу, такое вот исповедальное шоу с элементами душевного стриптиза, актерского тренинга и языческого обряда: «Тот, Который видит меня насквозь, яви милость Свою — сделай то-то и то-то (“когда бы милая моя со мной в постели здесь была...”), да хотя бы просто наставь и помоги» — в данном случае святой Петр, или святой Петропавел, а может, и святой Супермен, или крутой Бэтмен, или могучий Халк, да какая разница, если все это бессмысленно, все бесполезно, но теперь проще дожить день, ты выговорился, излил свою щенячью тоску хотя бы так нелепо, и за это немедленно стоит выпить, а после третьей и покурить, да, это закон, тут не поспоришь, да никто и не спорит, еще бы.

Может, вызвонить Димку, пригласить посидеть, смочить жилетки, друг, конечно, сразу примчится на зов, на вой, на скулеж, постарается помочь, будет немногословен, но внимателен и терпелив или весел, искрометен, афористичен: «Мы прорубили окно в Европу и затянули его бычьим пузырем» — ну не блеск ли, друг у меня ужасно талантливый и при этом скромный, тактичный, он все понимает и будет со мной мягок, но честен, ну, честен насколько это возможно, учитывая и собственный интерес, хотя нет, от этого он будет даже еще деликатней, еще бескорыстней, чья школа-то, тьфу ты, никак не можешь без самолюбования, а Димка действительно благодороден, как он помог мне выбраться сюда, наверняка это было непросто, какой там на хрен я «Медиасоюз» и медиасъезд, хотя я и в комсомол, и в ку-клукс-клан бы любой вступил, чтобы вырваться сюда, а видишь, как оно вышло, вот это нефарт, судьба-злодейка, настоящий хард-рок, и никто не виноват, и от этого еще хуже, нет, не надо друга в это впутывать, он и так ведь, наверное, страдает, это ж как надо себя сдерживать и стараться быть хорошим, вот это в самом деле тяжело — себя

не уронить, не то что ты, наставник хренов, гуру недоделанный, ученик превзошел-таки учителя, и это железный повод выпить. «Друг, прости, что все так вышло, — пылко говоришь ты кокетливому грешнику в зеркале, — ты же знаешь, как я тебя ценю и люблю, ты для меня всегда будешь на первом месте, только, может, не во всех подобных случаях» — удобная философия, что и говорить, и вообще говорить тут не о чем, слишком много слов и мало дела, а пить кто за вас будет, хватит уже мусолить свои мелкие страстишки, наливай да пей — вот и весь сказ.

Наказывая себя, ты решаешь не закусывать и покурить вне очереди, да гори оно синим пламенем, а так хорошо все начиналось, может, это и есть плата за все хорошее — украденное хорошее? не по чину? не по плечу? не по херу? — черное похмелье, которое точно будет, это даже не раскаяние, а просто четкое осознание, как все хреново, как черно и беспросветно, и бороться с этим невозможно, потому что это и есть реальность, вот этот полный негатив, и бороться с ним можно только уходом в другую ирреальность, вымышленную или химически созданную, так, что ли? Может, и так, да я уже ничего не знаю и знать не хочу, и между пятой и шестой промежуток небольшой, просто маленький технический перерыв, ушла на базу, едет в парк, или в депо, или к мужу на свиданку, подумаешь, большое дело — обломили хорошего парня, посадили на фонарь, не ты первый и не ты последний, радуйся еще, что у тебя это действительно было, все-таки было, и это было волшебно, невероятно, так что радуйся, гордись и хватит уже кривляться, пыжиться, ты никогда этого не умел, пыжиться тоже нужно красиво, правдиво, изо всех сил, вот тогда это будет настоящий поступок, взлет, выход на другой уровень, высокие-высокие отношения, и ведь было же это, было, Чижик, были Чижик и Пыжик, Чижик-Пыжик — беззаботная веселая пичуга, тырящая счастье по зернышку по чужим углам, или Чиж-Пыж — ненасытный зверь с двумя спинами, смелый, сильный, краснокнижно-нежный, обреченный, правда, на отлов, на отстрел, на сомнительную честь, как видим, стать легендарным чучелом, кстати, в Кунсткамере.

Видишь ли, милая, говоришь ты (а ты не видишь, ты сейчас далеко, уже спишь, и явно не со мной), видишь ли, милая, говоришь ты в зеркало, и эта двойственность тебя ничуть не смущает, видишь ли, я вовсе не сдался и не то чтобы слишком устал (хотя и устал), я просто стараюсь решить правильно это уравнение со скобками, а оно только усложняется и усложняется. Да, я помню, как говорил твоему напуганному отцу, что не отступлюсь, и я же не отступился, просто меня самого отставили в сторону, выставили за скобки, и решать теперь эту задачу мне уже не с руки: если я люблю тебя (а ты меня порой тоже), то должен добиваться тебя (так, чтобы и тебе этого хотелось), но если тебе это больше вредит (а видно, что чем дальше — тем больше), то не лучше ли оставить тебя в покое, поскольку я в самом деле тебя люблю и желаю тебе только счастья?

Здесь нет правильного ответа, однозначного и четкого, например: «глупое сердце, не бейся», или «все проходит», или «все к лучшему», тут никакого простого ответа не может быть, просто надо захлопнуть на хрен задачник, то есть хлопнуть еще полстакана потеплевшей и запахшей отра-

вы и завалиться на кровать прямо одетым, лицом в подушку, задев локтем банку с оливками (с лососем), да и хрен с ней, пусть валяется на полу до утра, пусть почувствует, каково это — быть сбитым на пол напрочь и неотвратимо, пусть узнает эту боль, и это унижение, и облегчение, и благодарность, и эту спасительную мудрость равнодушия: глупое сердце, не бейся, глупое сердце, все к лучшему, глупое сердце, ты выдержишь, так не доставайся же ты, лосось, никому.

12. Обосную одесную

Никому не нужен, ничего не должен и спешить никуда не надо — идеальное состояние в будний день после обеда, когда весь подневольный люд еще мается в конторах, а ты можешь спокойно прогуляться до дома. Тем более что идти под горку. Да и погода располагает.

Да, погода идеальная: чуть ниже нуля, и снег искрится, и небо уже с голубыми промывами, и солнце реально пригревает — то, что называется пахнет весной. День и впрямь совсем весенний, хотя и в марте морозы еще ударят в спину и ошпарят ляжки под джинсами (уже романтично без кальсон) — а не надо расслабляться раньше времени, не время расслабляться, товарищ, Родина в опасности!

Ну, вижу, настроение у тебя игривое — можно просто идти и не думать ни о чем серьезном. Это старая привычка — задавать себе на дорогу какую-нибудь тему (например, сделать поприличней заголовок для очередного чужого текста): так и время проходит быстрее, и польза хоть какая-то. Но сейчас другой случай. Сейчас полная свобода, полная. «Отпустите свою мысль на увлекательные поиски!» — говаривал один лиричный мачо, жизнь положивший на то, чтобы считаться самым мужланистым.

Спустившись с крыльца, я сворачиваю вправо и иду мимо столовой, а затем вдоль типографского корпуса. Я еще застал времена чумазой высокой печати (какая же тогда была низкой?), долго разогревающихся линотипов и быстро вспыхивающих метранпажей, спорить с которыми (ведь шилья в руках!) даже мне, ответсеку, не говоря уже о всяких корреспонденточках, дежуривших по номеру, следовало очень осмотрительно. Между редакцией и цехом курсировала наш курьер Валя: шустро ширкала по переходу домашними тапочками, разговаривала сама с собой и всех мужиков делила на «путявых» и «непутявых». Я, похоже, был путявым, хотя один раз все же хотел придушить ее, когда она ушла в цех с правкой двух полос и пропала на час. И ни один телефон не отвечал. Наконец, взбешенный, я сам явился туда и застал такую картину: все цеховые тетки в синих халатах и наша Валя с гранками у груди застыли около телика, обливаясь слезами. То был один из первых дней показа не то «Рабыни Изауры», не то «Просто Марии».

За издательским корпусом — большая автостоянка у больничного городка. Возле рядов машин никого, а раньше здесь постоянно крутился таджичонок с пачкой газет — худой оборвыш с последствиями ДЦП, но обаятельно бойкий. Он честно зарабатывал на жизнь — выпрашивал

в типографии разные издания и втюхивал их скучавшим водителям. Так продолжалось много лет; я видел, как парнишка вырос, вытягивался, дурнел. А недавно я стал свидетелем, как он ругался с каким-то мужиком, с верблюдачьей презрительностью выговаривая наши матерки. У него по-прежнему была пачка газет под мышкой, но его уже не было жалко.

Другой здешний насельник и сейчас на боевом посту: блаженный лет тридцати — пятидесяти, пухлый, розовощекий и с глазами навывкат, дежурил у церковки при облбольнице. Он всегда тянет одну и ту же фразу, для пушней убедительности старательно нарушая закон фонетической редукции:

— Пода-а-айте, раде Хреста, сколько сможете!

Пару раз я ему подавал, а потом стало досадно: не надо мне такого регулярного территориального преимущества перед истинно верующими! Сегодня божий мытарь одет (наверняка сухонькой седенькой мамой — вот кто гораздо ближе к Господу!) слишком тепло, в длинный пуховик и шапку с опущенными ушами, и потому, наверное, особенно неповоротлив; к тому же он зря потратил время на разбитную пару возле хирургического корпуса, так что «раде Хреста» звучит уже мне в спину. А раз не было прямого обращения, то и прямого игнорирования нет, извините!

А вот из церкви выходит парень вполне современного вида, в попугайской сноубордистской куртке, оборачивается и крестится открыто и размашисто, как могут только очень уверенные в своей правоте люди. Не рановато ли? То есть не слишком ли самонадеянно? На светофоре старушку переведет он через дорогу так же легко и свободно? Может, и перевел бы — да возможности не представилось.

Этот светофор вызывного типа, и нередко деревенские приезжие — родственники пациентов облбольницы — зависают здесь надолго перед потоком машин. И я тогда, даже если мне не надо на другую сторону, могу подойти и без всякой снисходительной ужимки нажать кнопку. Интересно, это мне зачтется как компенсация за отшитие юродивого?

Далее справа по курсу — а сегодня я изучаю только вид справа, не надо разбрасываться, ставь перед собой реальные цели! — огромный перинатальный центр, открытый в пересменок президента Медведева. Между классическими корпусами с фронтонами и пилястрами он выглядит кубистически нахально, но, надо признать, вписан в систему со всякими переходами вполне логично. Над его центральным входом электронное панно. Сейчас на нем фото невинного младенца и целый дидактический стишок, хотя хватило бы и одного названия: «Аборт?!» Одна беременная задумчивой походкой приближается к зданию, другая с двумя пакетами в руках стоит рядом — ждет опаздывающего непутевого мужа. Впрочем, почему сразу непутевого? Просто растерялся человек, ошалел в последние дни свободы...

Кстати, здание старого роддома — дальше по ходу, чуть в глубине. Точнее, в этом корпусе раньше было какое-то хитрое отделение патологии беременности, и моя теща, царствие ей небесное, в ту пору главный детский фтизиатр области, заранее договорилась, что ее дочь будет рожать

здесь. Когда начались схватки, мы вызвали скорую и сказали фельдшернице, куда ехать.

— Нет, сегодня в Кировском роддом дежурный, — сразу отрезала она, хотя и не без сочувствия.

— Вот уж фиг-то, — спокойно сказал я, хотя и чуть надменно. — Нас там ждут!

Время было позднее, фельдшерница явно вымоталась, спорить не стала и только фыркнула со злой горечью:

— Везде блат!

Потом всю ночь я рассеянно читал письма Пушкина. А днем, когда нес жене куриный бульон в термосе, услышал под окном больницы отчаянный плач ребенка. Поднявшись на третий этаж, узнал, что это мой сын только что родился. Я посмотрел на часы: было полтретьего. Поехал в центр, в «папином мире» вдохновенно упробовал мужиков пропустить без очереди, взял две бутылки и завалился в общагу. А там никого из близких приятелей. Пришлось отмечать с едва знакомым самобытным пятерочником-шорцем. Из всей церемонии только его легендарное домашнее копченое сало и запомнилось...

Это я вспоминаю уже на пустынной тропке в конце больничного забора; справа сквер с редкими хилыми соснами да новая мини-котельная с двумя блестящими трубами, смотреть практически не на что. Ну, есть еще морг с ритуальным залом на дальнем краю, пониже к реке, но это совсем другой жанр... К тому же идти здесь надо предельно собранно: дорожка узкая и скользкая, и, не дай бог, кто попадется навстречу — обоим придется тореадорски выгибаться или синхронно отшагивать в сугроб.

Теперь переходим опасный выезд с Заречных улиц (сейчас там застраивается «Кемерово-Сити» — представляю, какая теснота со временем будет) в ряд яблонь, разросшихся между проезжей частью и полутора хрущевками. Самое крайнее дерево особенно красиво бывает в мае — все в цвету, полностью белое; жалко, что дорожка из-за натоптанного бугра вильнула прямо под нижние ветки и часть их уже обломана.

Во втором доме в полуподвале секция по каким-то единоборствам. По вечерам в зарешеченных окнах мелькают белые кимоно и голые кулаки со ступнями. И сразу ясно, какая затаенно-ущербная, зато реальная и осмысленная жизнь там прорастает.

Дальше здание городской ГИБДД. Носами к нему запаркованы штук десять патрульных машин. В начале девяностых, помню, милицейские шишки во всех интервью жаловались: «Бандиты легко уходят от нас на своих иномарках!» А сейчас у них самих неплохой автопарк. Но вид у гаишников так и остался озабоченный. Или, скорее, озабоченно-деловитый. Вот летеха, широко расставив ноги в лакированных туфлях, общается с парой штатских в закутке у отдельного входа, где разбирают ДТП. Порешивает вопрос.

Следом по курсу — остановка общественного транспорта с киоском (теперь даже без пива). Телефонная контора с банкоматами в незаслуженно большом холле. Станция юных техников с выставкой в витринных

окнах (почему-то старые самовары и еще более древние баранки на волосатом шпагате).

Стоп! На переходе через Пионерский бульвар горит красный. Уже замигал желтый, а через перекресток летит вниз к своему офису серебристый микроавтобус Кузбассразрезугля. Ладно, ему можно: такие обычно возят делегации важных гостей или детей на экскурсии.

Сквер на Пионерском — примерно на половине пути; в принципе, его можно использовать для перекура. Но недавно здесь установили детский городок, и спокойно уже не расслабишься. А сейчас и нужды нет. Сейчас хорошо и так: покой и воля. Точнее, даже так: воля, но покой. И нет никаких ожиданий внеплановых приключений, ностальгических встреч или спонтанных звонков. Вот так, возвращаясь домой, мы и приходим к мудрости: счастье спокойной воли — это что-то новенькое, это даже интересно.

Следующий квартал — сугубо деловой и самый невыразительный. Невысокий бизнес-центр «Флагман» темного стекла с кучей разномастных вывесок, высокий бизнес-центр «Маяк-плаза», банк «Уралсиб» — все современное, ухоженное, но без какой-либо ауры. Так же, как и автосалон «Хёндай» (а прежде «Шевроле» и «Опель»), и заправка Газпромнефти. Говорят, она будет первой автоматической в городе, вообще без обслуживающего персонала. Только если хозяева не заплатят за рекламу — хрен-то мы сделаем репортаж с открытия!

Главная дорога плавно забирает вправо: Октябрьский проспект переходит в Университетский мост. Этот перекресток всегда загружен, на светофорах стрелки, и к моему зеленому надо бы ускориться. Ускоряюсь, успеваю да так и продолжаю идти быстро, чтобы обогнать двух студентов и одного вихлястого яппи с портфельчиком (не иначе, машинка у него в ремонте). К тому же на мосту покат еще сильнее, и по такому распахнутому пространству правильной шагать широко. И ветер в этой аэродинамической трубе всегда дует порывистый — невольно прибавишь ходу.

Пойма Искитимки внизу могла бы быть красивой, если бы не была так примитивно засорена: сплошные ленты железных гаражей, похожие на шпаргалки, заросли тальника и клена. Речка, как обычно, замерзла не полностью: корку льда разъел темный ручеек, и даже думать не хочется, какой состав у этой воды. Раньше, впрочем, было еще хуже, запах прямо шибал в нос, а ныне целая колония уток живет здесь и здравствует. Начиналось наверняка с пары Серых Шеек, застрявших у нас на зиму, и как-то они умудрились не пропасть в холода. И, видно, так закалились, хлебнули столько адреналина, что плодятся теперь со страшной силой. Вон, кстати, звено уток летит со стороны Томи — три впереди и две сзади, — как-то слишком разогнавшись и заполошно маша крыльшками, словно спасаясь от погони.

Осталось пройти от моста метров сто (это я определяю просто — по длине футбольного поля) — и начнется центр города. Даже табличка соответствующая в угол тротуара воткнута с надписью на двух языках. А то вдруг толпы иностранных туристов сами не разберутся, заблудятся и одичают в ближайшем сквере.

Этот сквер у областной филармонии — один из лучших в городе: он и вылизанный, и с этакой приятной диковатостью. За первым рядом лип и вторым рядом берез растут купами темные ели, а между ними на газоне живописные кучи валунов (на самом деле, наверное, неликвид с каменноломен, однако смотрится все равно симпатично). Сейчас, с валами счищенного снега и шапками сугробов на месте клумб, сквер уныл, сиротливо насуспен. Но уже скоро оживет, расцветет, заполнится людьми.

За главной аллеей сквера, ближе к зданию филармонии, есть даже дубы. В Сибири это редкость: приживаются буквально единицы. А здесь сразу три доросли до приличных размеров, только вот сбрасывать листву осенью никак не приучатся, всю зиму упрямо стоят с сухой кроной.

Однажды под этими дубками мы с Димкой и Билом составляли каталог самых правильных пород для заповедного русского леса. Итоговый список выглядел так:

клен ты мой опухший,
толстая рябина,
плаксивая береза,
дуб дуб дубом,
румяная поганка,
ясен пень и на нем ложно понятые опята.

Теперь подождать минуту разрешающего сигнала, перейти Красную улицу — и окажешься на необычном пятачке, неожиданно безлюдном для этого района. Не скажу, что это сердце или лицо города, скорее нежный животик, или бритый лобок, или теплая подмышка — да, именно, как у Христа за пазухой! — потаенный тихий уголок с особенно мягким уютом.

От розово-раморной часовни иконы «Всех скорбящих радость» до задней стены бывшего обкома «Всех алчущих надежда» примерно гектар обетованной земли под сенью берез и лиственниц. Доминанта ландшафта — роскошная круглая клумба с тремя ажурными фигурами ангелов; вокруг нее и в нишах центральной аллеи солидные скамейки (парковые диваны!) с именами дарителей, то есть тех областных чиновников, которые вроде как за них заплатили. Удобней всех спрятана в кустах скамейка начальника департамента лесного комплекса. И надо ли говорить, что с особым удовольствием (порой даже с закуской) мы устраивались на скамье начальницы департамента культуры?

А вот лавка губернатора, конечно, стоит наособицу: она и ближе всех к гостевому теремку (построенному, разумеется, всего за ночь перед визитом премьера Косыгина), и металлическая виньетка сверху у нее другая — большего размера и прямоугольная, что, кстати, выглядит гораздо хуже.

Я кладу перчатки на край сиденья, сажусь на них и закуриваю.

Умиротворенность — вот что положено здесь чувствовать, и именно это обычно чувствуешь, особенно поздним летом, когда тучные цветы так и вываливаются из клумбы, город изнывает от неги, а ты нашел спасительную тень. Или поздним вечером, когда огоньки на ангелах сливаются

в новые созвездия, и это небо в алмазах завораживает тебя, манит, и ты вполне можешь поверить, что еще воспаришь, воспаришь.

Но сейчас лимит заказов счастья, похоже, уже исчерпан, картинки, связанные с этим сквером, всплывают отнюдь не самые благодные или лестные — из серии «даже старожил не забыл».

Ну, например: за этой или соседней скамейкой мой сын сильно поранил губу, когда его ловкий папа, играя в догоняшки, показал финт с ложным уходом в сторону и направил ребенка прямоком на ствол.

Или еще ярче: именно здесь мы сидели с Маринкой перед ее отъездом в Москву, она щебетала что-то оптимистичное, а я молчал. Потом она встала, сделала несколько шагов, остановилась и обернулась: последую ли я за ней? А я не мог подняться, я просто сидел и смотрел на нее и дальше, в сторону стоянки, где она сядет на свою юркую ласточку и умчит навсегда, и себя самого будто видел со стороны — одного на скамейке, в белой майке, вцепившегося в доску руками, застывшего, как пугало на грядке, как чучело белой вороны, в пух и прах проигравшего упряма, распятого в назидание другим.

А вечером, когда она позвонила и я рассказал об этом красочном образе, она попыталась шутливо успокоить (и заодно мягко уколоть): ну какая же ты белая ворона, вороны противные, а ты белый воробей, мой воробышек, такой взъерошенный попрыгунчик, смелый и свободный, жаль только, не перелетный, довольный и тем, что есть.

— Блеск! — глупо обиделся я. — Точнее не скажешь!

И после этого все прощание стало фальшивым, особенно тягостным и даже ненужным, по крайней мере тогда.

А теперь я сижу в пустом сквере и понимаю, что очень устал, проголодался и хочу домой. Благо до дома уже рукой подать.

13. Парижские таймы

Подать билловскому шефу за предоставленный отпуск была дальновидно заготовлена еще в шереметьевском дьюти-фри. Мы с Миной тоже взяли по «Мартелю» — ну как было не взять? Итого стало три, это было логично, символично, но избыточно, тем более что шеф и так должен был дать Билу отпуск. В общем, первую бутылку мы раздавили еще до взлета. А вторая сама разбилась в моей сумке — скорее всего, во время погрузки багажа. Так что третья, по сути, была обречена, и участь ее решила быстро, еще до прохождения таможни в аэропорту Шарль де Голль.

Потом нас встретил очень вежливый парень в прекрасном светлом костюме. Настолько вежливый, что сразу виделись все годы унижений и стараний, предшествующих получению столь завидного места — представителя турфирмы в Париже. Мы приветствовали Арсения, допускаю, излишне сердечно, а он сделал из этого неправильный вывод — посчитал, что сибирские валенки будут счастливы просто потому, что оказались здесь. И как-то походя сообщил, что взял нам билеты не на заказанный матч Бразилия — Чили, а на Нигерию с Данией.

О, зря он это сделал!

Пока я, охренев, только хмурился, а Бил поднимал брови, Мина начала действовать, и горе тому, кто встал бы у нее на пути.

— Простите, юноша, — проворковала она вкрадчиво, предвкушая славную потеху, — простите, ради бога. Правильно ли я поняла, что вы не выполнили свою часть договора? Мы приехали на чемпионат мира, заранее продумали всю программу и маршрут, а вы вместо лучезарных, карнавальных бразильцев хотите нам подsunуть каких-то ушлепных негритосов с замороженными скандинавами?

Парень перепугался страшно — и от ее свистяще-шипящей прямоты, и особенно от такой вопиющей неполиткорректности. Он залепетал что-то про невозможность, нереальность и форс-мажор — и этим окончательно отрезал себе путь к отступлению.

— Мажор? Это какой еще мажор?! — вскинулся Бил, и в его глазах генетически сверкнули огни горящих русских деревень. — Нас за кого тут держат — за фраеров позорных?

Парнишка, казалось, сейчас рухнет в обморок. А коварная Мина прильнула к Билу и стала поглаживать его по бицепсу.

— Наиль Хасьянович, успокойтесь, — закудаhtала она. — Ну зачем так сразу волноваться? Молодой человек просто ошибся, он сделает все, чтобы исправить это досадное недоразумение!

— Это действительно нереально, — начал приходить в себя парень. — Действительно. А тот матч тоже очень хороший, поверьте.

— Поверить? — задумчиво переспросил Бил и обратился ко мне: — Как ты думаешь, майор, стоит ему верить?

— А может, стоит уже позвонить Шамилю? — слегка наклонился я к его уху.

— Шамилю?! — в ужасе прошептала Мина, выкатив глаза.

— Да, — сдержанно сказал я. — Чувствую, мы теряем время.

— Нет, прошу вас, не надо! — воскликнула Мина. — Наверняка же можно все решить по-другому!

— Подожди, майор, — поднял Бил ладонь в мою сторону, а потом повернулся к парню: — Так ты сможешь все решить по-другому?

Все мы: и полковник Билялетдинов, и майор Горкунов, и вольнонаемная Мулерман — играли топорно, гротескно, но, видно, убедительно, потому что в конце концов фирмач сдался и пообещал нам купить билеты с рук, у «жучков».

Они, оказывается, роились прямо на Елисейских Полях, на тротуаре у какого-то кинотеатра, не то музыкального магазина. Никто из них не шугался и не шхерился, только некоторые были слегка возбуждены, да и то как-то весело, с прохиндейским форсом. У самых циничных имелись таблички на английском: «Мне нужен билет».

— Ну, Мин, твой выход! — подтолкнул я ее вперед. — Кто у нас по национальности отвечает за торговые операции?

— Мне кажется, торг здесь неуместен! — гордо продекламировала она и, подхватив под руку вежливого Арсения (уж не из бело- ли он эми-

грантских?) и не шанс ли это для Мины пустить корни на Галльщине?), ринулась в гущу событий.

И это при том, что по-иностранному она выучила всего одну красивую фразу: «Вери икспенсив!»* Впрочем, идти за билетами пришлось все-таки мне. Мелкий жулик международного цыганистого вида повел меня (только одного — так настоял он) в какой-то общественный туалет, и, признаться, всю дорогу я напряженно следил: не мелькнет ли в его руке финка?) не поджидает ли за поворотом какой-нибудь амбал?) Но нет, в итоге у меня действительно появилось два билета на матч, причем один был куплен за три тысячи франков, а другой — за две.

А самое смешное, что перед самой игрой возле «Парк де Пренс» третий билет мы купили почти по себестоимости — за триста франков. А униженного Арсения так больше и не увидели: в дальнейшем вся наша авантюра протекала без сучка без задоринки.

Что особенно поразило на стадионе?)

Отсутствие нормального табло, какая-то узкая электронная лента типа бегущей строки на экране телевизора.

То, как слаженно трибуны горланили: «Го, го, го! Оле, оле, оле!»

Как бразильские запасные в перерыве жонглировали мячом — перебрасывали его друг другу головами, фантастически долго не роняя на газон.

Ну и, разумеется, Зубастик Роналдо. Я знал, что он атлетичный, но не думал, что настолько — прямо конь-огонь. И, клянусь, когда перед четвертым голом он выбежал один на один к воротам, я реально почувствовал, как земля трясется у него под ногами.

А еще любопытно, что матч Нигерия — Дания тоже получился забойным. Хотя не лучше нашего, конечно, лучше быть просто не могло. И вообще весь тот день был сплошной волшебной сказкой, и мы проживали ее со всей положенной растроганностью и благодарностью.

Только у Мины была странная установка: во что бы то ни стало разоблачить Париж. Что уж он ей такого плохого сделал — непонятно, но она так и норовила подловить его на обмане, поповости, даже второсортности. Ну, как минимум уличить в задирании носа или пускании пыли в глаза. Думаю, как человек творческий, а значит, и ранимый, она боялась разочароваться и потому подстраховывалась заранее. Или просто выискивала самые смачные детали для своих будущих детективов. Или из вредности перетягивала внимание на себя: мы-то с Билом приехали осуществлять свою мечту, на самый крутой футбол, а она зачем?) Не на шопинг же!

— Ну и где ваши хваленые красивушние парижанки с неуловимым шармом?) — спрашивала она.

— Так ведь он неуловимый... — оправдывался Бил, но Мину это не устраивало.

* Very expensive — очень дорого (англ.).

Стены в метро у нее были выложены плиткой «как в морге районной больницы», клошар на перроне был совсем не живописным и откровенно вонял, а около Эйфелевой башни, «у самого намоленного места» (тогда уж у самого причинного, не преминул вставить Бил), фиолетовые торговцы малахитом оказались настолько назойливы, что даже ее обратили в бегство.

Однако больше всего претензий у Мины было именно к парижским женщинам. Слишком плоским. Слишком носастым. И вообще слишком много о себе мнящим. Она постоянно вертела головой, рассматривала несчастных в упор и могла даже показать на них пальцем.

— И это вы называете красотой? Изабель Аджани — да. Фанни Ардан — согласна. Катрин Денёв — холодновата, но, так уж и быть, красива. Но подавляющая-то масса — это что вообще?!

— Ты еще забыла Софи Марсо, — напомнил я.

Мина знала о моей трагичной неразделенной любви к Софи и потому нехотя согласилась.

— Но здесь-то где они? Где?

— А вот посмотри, — показал я ей миниатюрную брюнеточку — классическую студентку, обнявшую стопку книг, с очень милой хрупкой порывистостью в движениях.

— Что?! Вот эта мисс бестелесность? Мечта педофила? — возмутилась Мина. — А ты глянь, как она бретельки от лифчика — черные! — «забыла» прикрыть. И что ей там поддерживать — смех один!

Бретельки эти ее особенно задели. Она стала замечать их у каждой второй. Да и мы с Билом, конечно, старались — обращали на них внимание.

— Я ничего не понимаю! — наконец озадаченно призналась Мина. — У вас что у всех, у мужиков, массовые галлюцинации, что ли? Или заговор какой-то? Ну что вы правда в этих парижанках находите? Ну это же невозможно! Смотрю и плачу! Ну вот эта лысая, например. Или вон та тощая. Вам они действительно кажутся красивыми?

— Как бы это тебе, золотце, помягче объяснить, — начал Бил. — Боюсь, что в этом месте и в это время мы не увидим ни одной настоящей парижанки. Не удивлюсь, что здесь сплошь туристки или прислуга, вышедшая за пемоксолью или перепихнуться с булочником. А настоящие парижанки просыпаются под вечер, два часа принимают ванну из «Шанели № 5» и потом обитают в каких-то особых золоченых эмпиреях, куда нам с тобой хода, увы, нет.

— Да пусть это они облезут от зависти, что не могут с нами пообщаться! — горячо сказала Мина. — Сучки!

— Вот это наш разговор! — рассмеялись мы с Билом.

— А бретельки выставлять напоказ — это вообще за гранью добра и зла! — все никак не могла она успокоиться. — Это такой прием дешевый, что даже не верится, как вы можете на него вестись!

Даже не верится, что к следующему лету этот дешевый прием распространился по всему свету, включая и наши не слишком развратные палестины.

Потом мы были в Бордо — на том самом матче, когда все румыны покрасили волосы в желтый цвет, а Шукер перебивал пенальти. Наши места оказались рядом с хорватским фанатским сектором, и это было не самое приятное соседство. Мне все время казалось, что мы своим чинным болением словно противопоставляем им себя, надменно не одобряем, а задевать их так явно не стоило. Голые по пояс, мускулистые, загорелые и со свежими шрамами после войны, они не присели ни разу за оба тайма, что-то скандировали и вскидывали руки с пугающим остервенением. Впрочем, похоже, им было плевать не только на нас конкретно, но и на всех других зрителей, и на охранников у поля, да и на футбол вообще. Во всяком случае, когда однажды мяч залетел к ним в верхние ряды, они минуты на три сосредоточились на другой игре, с удовольствием издеваясь над одним бол-боем*: перебрасывали мяч все ниже и ниже, будто собирались отдать, а затем обратно вверх — и так несколько раз. Мальчишка воспитанно протягивал руки, а они ржали и в итоге мяч замылили. Я впервые видел такую открытую наглость: все-таки это не хоккейная шайба, дорогая вещь. Однако никто из кучи стюардов не захотел с ними связываться.

Мы вернулись в Париж и на новеньком «Стад де Франс» смотрели Италию с Францией. Надеялись, что Баджо будет блистать, но он не блистал, как и Зидан, и сидели мы на самой верхотуре — слишком далеко от поля. Мина вся изнылась, несмотря даже на то, что мы с Билом позволили ей нас разрисовать (трехцветные палитрочки раздавали при входе): мои щеки украсили французские флаги, а биловский лоб — третий глаз или мишень итальянских цветов. И даже то, как мы нахваливали ей самых смазливых игроков, ее ничуть не раззадорило. Хорошо, что на обратной дороге нам достался утешительный приз — оставленный кем-то в вагоне зонтик: мы торжественно вручили его Мине, и она дезавуировала свое заявление о том, что ноги ее больше не будет на этом «безумном сборище орущих мазохистов».

Мы побывали еще в Лионе, где хорваты раскатали растерянных немцев — просто прилюдно унизили, и я радовался, что опасная в любом состоянии бундесманшафт** теперь не попадетс бразильцам.

Поздней ночью уже в пустом Париже, на знакомой дороге Бил дал Мине порулить и почти не пожалел об этом. А у отеля, перед тем как она начала парковаться, мы с ним заранее благородно вышли из машины, причем без единого комментария.

Еще из дневника путешествия.

В Латинском квартале, прямо напротив Сорбонны (мы с Миной смущенно признались друг другу, что здесь так и хочется сыпать названиями, упоминать улицы и другие топонимы, и это по-провинциальному стремно, но ничего не можешь с собой поделат), я долго искал на книжном развале альбомы репродукций Марке. Ведь, судя по многим работам, наверняка где-то рядом (на набережной Конти? Гран Огюстен?) и находилась его мастерская.

* Бол-бой — мальчик, подающий вылетевшие с поля мячи.

** Бундесманшафт — сборная Германии.

Наконец я не выдержал и обратился к продавцу.

— Марке. Артист. Пэйнтинг*, — нарисовал я перед собой пальцами раму картины. — Альбер Марке.

Креол с жидкой бородкой и в растянутой майке глянул на меня без всякого сочувствия и даже не улыбнулся.

— Бук! Пикче!** Художник! Альбер Марке!

Та же реакция.

— Марке! — сграссировал я особенно старательно.

Потом сделал из «р» фрикативное «г». Наконец, убрал его вовсе. Магке! Мааке! Но продавец, как видно, не собирался мне помогать. Отвернулся на чей-то другой вопрос, наверное более выгодный. Вот козел необразованный!

Ближе к морю на Южном шоссе («Южное шоссе»! Кортасар! Любимый рассказ!) я придумал остроу, что нам следовало арендовать не «Форд-Мондео», а «мерс» или «феррари», а то на таком скромном авто мы здесь будем выглядеть вызывающе. И первое, что увидел на улице в Ницце, — нашу «ниву»! Начитанный Бил сразу стал рассказывать про ее вполне приличное экспортное исполнение; в какой-то латиносовской стране даже целую партию закупили для полиции. И знаем ли мы, что «Жигули» на Западе не слишком хорошо пошли... из-за названия? Потому что созвучно «жиголо»! Я, разумеется, ничего такого не знал, но понял: шутить тоже надо со знанием дела, иначе рискуешь выглядеть смешным.

Кстати, о жиголо. Готовая киношная сцена. В самом кубле капитализма, в казино Монте-Карло, я поймал на себе тлеющий взгляд древней старухи, точь-в-точь такой, как на советских карикатурах, — в черном мини-платье и увешанной драгоценностями. И за пару секунд успел в подробностях представить себе новую сверкающую жизнь. И тут же отмел такую чем-черт-не-шуточную перспективу, причем не по причине морали или физиологии. Просто я не знал, как *технически* все это осуществляется!

Там же я первый раз в жизни сыграл в рулетку. И надеюсь, последний. Потому что это реально затягивает, а такие страсти никому, кроме гениев, разрешать нельзя: продуешься обязательно.

А тут я будто знал: выиграю. Если вовремя поставлю на двадцать пять — день рождения дочери. При этом заранее себе поклялся: спущу только сто долларов, и если облом — сразу ухожу.

И вот, разменяв сотню на пять фишек, я стоял и ждал какой-то подсказки. И вскоре что-то и впрямь толкнуло меня: вот сейчас! Я шагнул к столу, но дрогнул и поставил не на одно число, а на два: на линию между «25» и «22». А выпало двадцать пять! Это было так поразительно, так дьявольски божественно, что я мелко засуетился, засучил ручонками и даже вслух сказал, чтобы никто не сомневался: «Это я ставил, я!» И потом по-жлобски жадно сгреб свой выигрыш и не дал крупье вроде как причитающуюся ему фишку на чай.

* Artist — художник; painting — живопись (англ.).

** Book — книга; picture — картина (англ.).

То есть, начав с двадцати долларов, я выиграл триста шестьдесят! И следующие несколько раз ставил на дни рождения сына, жены, сестры, отца и матери: девять, шесть, восемнадцать, четыре и девятнадцать. И, конечно, ничего больше не выиграл. Но все-таки вовремя оттащил себя от рулетки — благодаря одной приятной мысли: надо свинтить хоть с небольшим выигрышем, чтобы после всем рассказывать, что я единственный в мире человек, сумевший нагреть мафиозный игорный бизнес.

Мы жили возле Ниццы в лагере автофургонов, именуемых здесь «караванами». В нашем было как раз три спальных места и даже маленькая кухонька. Туалеты на улице, и это, согласитесь, даже удобней. Рядом была беседка со столом и навесом, а возле ресепшена — бассейн, душевые и стол для пинг-понга. И все это за сто баксов в день. С троих. В пяти километрах от Лазурного берега. Невероятная халява.

Мы купались в бассейне, загорали, читали и безнадежно проигрывали Билу в теннис, хотя он, кандидат в мастера, старался не резать (но иногда самодовольно не удерживался). Днем обедали «чем Мина послала» — ее простой, зато сытной стряпней, по вечерам выпивали без лишности, по-домашнему, причем поначалу хотели каждый раз пробовать что-то новое, страноведческое, типа кальвадоса или кюммеля, да быстро поняли, что ни к чему это баловство, и перешли или на пиво, или уж на водку.

Съездили на море, поражаясь, почему пляж в таком месте бесплатный, пока прямо над нами не зашел на посадку самолет со шлейфом вонючей гари. Съездили на какую-то свалку-склад запчастей, где Бил надеялся найти родную деталь для своего «Форда-Скорпио», но ничего не нашли. Съездили прогуляться по Английскому променаду, где у гостиниц вдоль берега даже нет звездочек, потому что при такой крутизне они и не требуются.

А один раз с утра взяли и махнули в Италию. Долго ехали и ждали какого-то кордона, хотя бы шлагбаума и при нем франтоватых пограничников с прилизанными тонкими усиками. Поняли, что уже в Италии, только по тому, что синий цвет указателей вдоль дороги сменился зеленым.

Доехали до Сан-Ремо да так и застряли там на весь день. И вот где наконец я почти научился плавать! Понял, что морская вода спокойно держит на поверхности, расслабился, лег на спину и лежал так долго, действительно долго! От эйфории принялся нырять без удержу с груды бетонных глыб, выступающих из воды, только вылезал — и снова прыгал, пока солдатиком, конечно, и в конце концов был наказан: очень больно отбил обе пятки и потом почти всю последнюю неделю пребывания во Франции ходил на цыпочках.

До полуфинала в Марселе я не знал, как может зайтись сердце, — и вот довелось испытать. Такое было напряжение, особенно во время послематчевых пенальти. Хотя с первых минут в воздухе висела только радостная возбужденность, счастливое воодушевление. «Роберто Кар-

лос!» — окликнул кто-то из зрителей этого широконогого обаяшку, собравшегося вбросить мяч из аута, и Роберто Карлос, обернувшись на полсекунды, успел попозировать для снимка.

На трибунах царило чуть ли не братание. Рядом с нами сидели голландцы в дорожных оранжевых жилетах: это были довольно шумные, но вовсе не оголтелые фанаты, и после поражения своей сборной они даже в мыслях не имели с нами ссориться. Наоборот, попробовали выменять у меня раритетную бразильскую майку (фирмы «Амбро», еще до победы в США, всего с тремя чемпионскими звездами над эмблемой), однако Бил доходчиво объяснил: «Ноу! Ветеран движения! Не продается!» — и они спокойно отстали.

А стадион «Велодром» особенно запомнился такой деталью: в перерыве в мужской туалет было не попасть — из-за очереди и из-за того, что мочи на полу набралось по щиколотку. И в ней безнадежно плавал чей-то нарядный галстук.

Финал смотрели не на стадионе, а в отеле по телевизору. Заранее так решили. Во-первых, знали, как дорого будут стоить билеты. А во-вторых, представляю, каково бы мне было после этого матча плестись в потоке празднующих под гнусавые вопли: «Аль Зидан! Аль Зидан!»

После первого пропущенного гола еще оставалась какая-то надежда, но после второго она улетучилась, и третий ожидался с горькой уверенностью.

— Ну что, пойдём прогуляемся? — предложил я Билу, когда все закончилось.

Он недовольно посмотрел на меня, ничего не сказал и молча начал собираться.

Майку Бразилии я переодевать не стал: в том-то и был главный смысл. Я всерьез думал, что придется драться. Мне не хотелось впутывать в это Била, хотя он все равно бы не остался в номере. А вот Мину мы убедили не выходить — заказали ей тризну с кутьей и компотом.

— А если морепродукты с пивом — это будет достаточно траурно? — спросила она.

— Да, но тогда ты должна подавать вся в черном и не скрывать рыданий, — сказал Бил.

Мы дошли до площади Бастилии, где и происходили главные события. Точнее, уже их отголоски. Кучка самых упертых бразилосмогла захватить Июльскую колонну — как-то закрепились наверху постамента и что-то кричала, размахивая флагами. Их никто и не пытался оттуда снять; толпа французов просто стояла у подножия и потешалась.

Нарочно в гущу мы не полезли: зачем зря дразнить гусей? А на тротуаре на мою поруганную, но гордую желтую футболку реагировали нормально, порой даже подбадривали: ничего, мол, когда-нибудь выиграете. Только один молодой придурок, проехав мимо на мопеде, трусливо бросил в мою сторону рулон туалетной бумаги, но, к счастью, не попал. Рулон, разматываясь, кособоко покатился по мостовой, и этот немудреный символ до обидного легко снизил градус моей скорби.

«Да, — подумал я, — Мэри Уэлш была права: этот город — праздник, который всегда со всеми. Настоящий триумф здорового коллаборационизма. Здесь все можно принять и на все согласиться. Только самые твердолобые способны отказаться от этого. Не случайно Хэм так и не смог дописать эту книгу».

— Ну что, старик, достойно примем... горечь поражения? — сказал я Билу.

— А то! — ответил Бил.

14. Перерыв на обед

Бил третий удар какого-то часа, когда я подошел к своему подъезду. Придержав дверь, дослушал куранты главпочтамта. Всего пять. Еще весь вечер впереди.

Жилье в домах вроде нашего, учитывая высоту потолков, правильной измерять не в квадратных метрах, а в кубических, и начинать можно с подъезда. Он сразу очаровывает размахом. Дескать, не жалко! Все во имя человека, для блага человека! Даже самые неаккуратные грузчики должны были свободно и без урона доставить в хоромы местных хозяев жизни трофейные серванты с хрусталем, кадки с пальмами, а то и пианино. Ну и сами хозяева, понятно, проникались здоровым самоуважением, поднимаясь по лестнице, где не два, а три марша между этажами, причем на каждом этаже всего по две квартиры.

Кстати, почему поднимаясь пешком? Где лифт? А вот это загадка. Места для него, во всяком случае, осталось с избытком. И теперь этот странный колодезь, ограниченный только поручнями невысоких перил, каждый раз вызывает и недовольство такой расточительностью, и болезненно опасливое любопытство: так и тянет глянуть вниз и увидеть на самом дне распластанную фигуру какого-нибудь бедолаги. А если идешь по этой лестнице с ребенком, невольно возьмешь его за руку и отступишь подальше к стене.

Уже с четвертого этажа я слышу возмущенное мяуканье Мары. Не думаю, что она так уж проголодалась или соскучилась. Но оповестить всех о своей тяжелой доле эта дама никогда не упустит возможности.

Вообще-то полное ее имя — Марадона. Чудный пушистик был подарен нам на новоселье. А я, соригинальничав, решил так почтить гениального футбольного чудилу. Увы, нашей кошке это имя совершенно не подходит. Никакой божественности или инопланетности в ней нет. Только некоторая взбалмошность их с Диего Армандо, возможно, и объединяет. Мара слишком женственна, и потому даже капризы у нее сугубо примадонские — не бунтарство, а вредность да завышенная требовательность.

Знаю, знаю: в любой семье кошка — это святое, то есть слабое место, она у всех самая красивая (или самая умная) на свете. Но и тут моя Мара точно вне конкуренции. Длинношерстной сибирской масти (только не с полосками, а с разводами), с белой манишкой, а главное, с пропорциональной смышленной мордашкой, она и впрямь настоящая красотка — идеальная модель для рекламы сбалансированного корма или анти-

гистаминных препаратов. Особенно когда не дрыхнет часами безвольным мохнатым комом, не выпрашивает еду или не болеет без кота. А, например, играет с моей дочкой.

Играла раньше. Сейчас старушка не так резва, да и дочь приезжает лишь дважды в год на каникулы. И у меня уже развился комплекс вины — за пожизненное заточение Мары в городской квартире.

Потому что она *дика* домашняя. И мы давно упустили шанс хоть как-то ее социализировать — чтобы она гуляла на улице, охотилась, рожала, кормила свой выводок. Даже просто начать сводить ее с женихами — под присмотром, дома — мы эгоистично не захотели: не топить же котят! А сейчас, наверное, уже и поздно. Бил регулярно выговаривает мне за это (не маскируя свою прямую корысть: у него здоровенный мейн-кун* — страшный кобель и всегда голодный). А что я могу поделаться? Только периодически заглаживать вину — в прямом смысле слова гладить, пытаться приласкать. Да и то недолго — пока ей это не надоедает, и тогда она сразу начинает отбиваться и отпрыгивает в сторону.

Моя жена с грубоватыми ласками и подпинываниями ей гораздо ближе. Среди прочего и в тот недобрый час, когда с садистской основательностью зажимает Мару на полу и начинает вычесывать у нее колтуны. Вой поднимается невообразимый, и я позорно спешу спрятаться за плотно закрытой дверью. А Мара потом, как ни странно, ее вовсе не ненавидит. Стокгольмский синдром? Да, но какой-то избирательный. Ведь моей виноватостью она беззастенчиво пользуется.

Сейчас жена на работе, а в прихожей на тумбочке лежит записка. «Достать... Развесить... Почистить...» Обожаю эту ее склонность к инфинитивам, прямо как в армии. Или вот еще приписка: «Кошка голодна». Почему не сказать проще: «Покорми кошку» или «Кончилась кошачья еда»? Нет, обязательно надо было использовать краткое прилагательное — самую безжизненную форму в языке, самую надменную...

Я раздеваюсь, умываюсь и прохожу на кухню. И тут мне становится стыдно. Потому что жена не только приготовила шикарный обед, но и с какой-то девичьей трогательностью сервировала стол: два безумно ароматных пирога укутаны салфетками, чтобы подольше не остыли, и мои любимые соусы выставлены рядком — китайский кисло-сладкий, тартар и сливочно-чесночный. Здравствуй, мир простых желаний! Вот я и вернулся в твое лоно (или в твое чрево).

Я не делаю из еды культа. Нет, если кто-то загорится желанием вкусно меня накормить, возражать не стану. Самому же стоять у плиты и выколдовывать всякие изыски — увольте, я предпочту налупиться бутербродами. Яичница или жареная картошка — предел моих поварских амбиций. И дело не в лени, а в честном отношении к предмету. Во-первых, я, как нормальный перфекционист, терпеть не могу делать то, что не умею делать превосходно. А во-вторых, меня оскорбляет сама возможность обихаживать себя сверх меры и удручает неизбежная зависимость от своего нутра. Когда я на несколько дней остаюсь один дома или на даче, это

* Мейн-кун — порода кошек.

оказывается особенно унижительно — тратить кучу времени на удовлетворение самых примитивных потребностей: готовить пищу, топить печку, носить воду... Как люди жили раньше, о каком духовном развитии, творчестве, спорте могла идти речь? Когда им было этим заниматься?

Поев, я закуриваю на кухне у окна — на своем привычном наблюдательном пункте. Сейчас, впрочем, наблюдать особенно не за чем: этот отрезок улицы Арочной совсем безлюден. Стоят всего несколько машин, но ни одной знакомой. По-видимому, люди приехали в магазин спорттоваров на первом этаже нашего дома. Это случайные фигуры.

Ближе к площади Пушкина я частенько наблюдаю, как одна нестарая женщина сыплет пшено из пакета на крышки четырех колодцев узла теплотрассы. Наверное, у нее добрая душа. Или, может, сын-наркоман и она одинока... Голуби буквально через пару секунд, не иначе как по сигналу дозорных, с разных сторон суетливо слетаются на дармовой хавчик.

А сегодня даже голубей вокруг не видно. Вообще ничего не происходит.

«В моей жизни ничего не происходит», — признаюсь я себе вслух, прислонившись лбом к стеклу.

Что-то меняется, сдвигается, однако ничего не происходит. Меняется твое состояние, положение, но при этом нет поступков. Нет событий, одни только поводы.

Ну а чего ты хотел? Сам ведь к этому долго шел, старался, чтобы ничто не могло тебя ранить или даже просто напрячь: высушивал эмоции, сдерживал реакции, сужал круг интересов и общения. Вот и радуйся теперь и пожинай.

Вот и пожинаю.

...Со стороны Притомской набережной появляется снулый подросток — типичный школьный прогульщик с ненужным ранцем на попе, и меня накрывает волна ревности. Идет он прямо по корочке льда вдоль бордюра, косолапит медленно и хрустит кроссовками нарочно громко, слишком легко присвоив себе такую привилегию. Причем делает это бездумно, не осознавая важности миссии.

Лично я вот так всегда весну приближаю — и лед по возможности растрескиваю, и снежные комья давлю, чтобы скорее шуршащая каша таяла. Я это еще в детстве придумал, а потом и сына приучал. «Представь, — говорил я, — если бы каждый человек на Земле разбросал хоть один сугробик, лето бы у нас начиналось не в июне, а в апреле!» — «А в Африке?» — спрашивал вдумчивый сын. — Там они где снег возьмут?» — «О! — радовался я такому хорошему вопросу. — На горе Килиманджаро его знаешь сколько!»

После этого сын вырос и стал насмешливым айтишником, а я до сих пор не могу спокойно пройти мимо сосульки или гребешка на обочинном насте — обязательно собью и еще раскрошу подошвой.

И если новая весна опять обманывает и опаздывает с приходом, знайте: уж чья-чья, но только не моя здесь вина.

15. Размен мужских достоинств

Вина на столе ровно одна бутылка, остальное водка, и я понимаю, что хозяева — ребята опытные: и протокол удастся соблюсти, и посидим нормально. Начальница районного управления спорта, туризма и молодежной политики весь вечер будет цедить полфужера, но к концу и сама раскраснеется, и даже, возможно, покурит на крыльце вместе с народом в своей круто куртуазной куртке «Боско» а-ля рюсс, и сфотографируется со всеми желающими. А пожелают наверняка многие, особенно местные. Ну и наш Толя Захарушкин, разумеется, как же без него?

Толе уже давно за шестьдесят, но фигура у него мальчишеская и замашки прежние — неисправимого шкидовца. Он сегодня выполнил свой идеальный план на игру: сам забил, отдал голевой пас (кстати, мне) и — главное! — просунул между ног даже не одному сопернику, а парочке. Так что выступать за столом сможет с особым правом и, когда придет время отправляться назад, тяжелоатом будет вытаскивать его из кружка самых ностальгирующих и стойких. Да еще в пути следить, чтобы он не тормозил автобус возле каждого киоска, а после у каждого куста на обочине, пока не отрубится.

Мы выиграли 6:3 — самый оптимальный счет для таких встреч. И гости оправдали высокий статус сборной ветеранов «Кузбасса», и хозяева не ударили в грязь лицом — смогли забить самому Валерию Белякову, игравшему даже за московский «Спартак».

Быстро ополоснувшись («Эй, душ не баня, хрен помыл — и до свиданья!») в мойке при какой-то автобазе, посадив к себе проводника из комсомольцев-бывших-не-бывает, отправились на «третий тайм» — в бывший пионерлагерь, переделанный в заимку для укромных административных утех. Денег за такие игры давно нигде не платят, даже подарки дают редко (и то мелочь — местный колорит вроде туесков или пряников), так что приходится довольствоваться одним банкетом. Ванька называет это — «петь за еду».

Зато уж здесь еда так еда — натуральная и обильная, с простыми, но правильными деликатесами вроде соленого папоротника или маринованных опят. И порции мяса в горячем вдвое больше привычных. Посыл прозрачный: «Мы тут без особых изысков, но по-настоящему рады гостям, это вам не столичные жлобские понты».

Такие выезды мне чаще нравятся, чем не нравятся, хотя тут многое должно сойтись. Принимают-то везде радушно, и соперники всегда слабоваты, и специально грубить никто не будет — играй не хочу. Только вот состав у нас редко собирается лучший, и у меня самого колено может вылететь почти сразу, и вообще тело уже не то, что раньше. Прямо как собака: все знаю, все понимаю, а выразить не могу.

Ну и всякие непредсказуемые геморы нет-нет да и вылезут: то гаишник не в меру рьяный остановит и долго будет пальцы гнуть, то транспорт у нас сломается и опоздаем часа на два — и какое уже потом удовольствие, все скомкано, второпях.

А однажды в райцентре Яя я бутсы угробил любимые, настоящие «Адидас»: кожа кенгуру, почти невесомые, и мяч в них чувствовался исключительно. Я их еще на старом стадионе в Черкизове у администратора «Локомотива» за двести пятьдесят рублей покупал. И вот поехали в Яю, этот конечный пункт любой энциклопедии, а там умные хозяева поле болотистое решили благоустроить и засыпали все лужи шлаком из котельной. И мои прекрасные немецкие бутсы за одну игру протерлись до дыр. Долго, помню, по ним горевал...

Я, как курящий, сажусь ближе к краю и оказываюсь между двумя местными ВИПами, судя по всему отцом и сыном, Аркадием и Аркадичем. Сыну лет двадцать пять, он крупный, спортивный и уверенный в себе, не так давно вернулся из армии и сейчас в поселке если не главная звезда, то главная надежда. И деваха у него, конечно же, самая модная чертовка в округе — это всячески подчеркивалось и до игры, когда он подбегал к ней на трибуну, и в перерыве, и после. А вот отец — из вечных энтузиастов с авторитетом за выслугу лет: бог не дал таланта, но за счет старания, большого желания и сравнительно малой тяги к нарушениям режима даже он смог дорасти до капитана команды. Я, впрочем, таких уважаю: именно на них держится футбол в глубинке. Потому и общаюсь с Аркадием панибратски, как с равным.

— Я предлагаю выпить за объединяющий нас его величество футбол! — провозглашает маленький местный ветеран, криво поднявшийся и опирающийся на палку.

Этот тост он явно слямзил у нашего тренера Лукьяныча: наверное, пересекались на подобных застольях. В любом случае всем полагается встать. Солидно встаем. Чокаемся, стараясь дотянуться до самых дальних — пока состояние позволяет и чувство братания не притупилось.

— У меня алаверды! — влезает мужичок с родимым пятном на лице (такие с детства научены не стесняться). — За футбол, который сделал из нас людей! Кем бы мы стали в оконцовке, если бы...

— Да тебя-то он так и не доделал! Вот в каждой бочке затычка! Задрал уже со своими алавердами! — набрасываются на него свои же.

Как-то слишком сурово: видать, знают, что может начудить. А мне даже любопытно. И у меня перед ним должок: он играл как раз на моем краю, и именно потому я звездил, как Неймар.

— Дайте договорить человеку, пусть скажет! — благородно вступаюсь я. — Ему же проще отжаться, чем объяснять, почему не хочешь!

— Это точно! — смеется Аркадий и тянет ко мне рюмку во второй раз.

Чокаемся. Выпиваем.

Это уже пятая только при мне (а я успел разок покурить), и скоро начнется самое грустное — горячие и путанные рассказы о героическом прошлом: а вот когда мы играли с Киселевском... Юргой... Прокопой...

— А я вас помню! — подсаживается на опустевший рядом стул мужик с кротким, но пытливым взглядом сельского интеллигента.

Кто он? Главный ветеринарный врач? Завуч школы искусств?

— Наверное, учились в универе? — предполагаю я, пожимая его шершавую руку. — Вы извините, я в стольких группах учился: сначала свободное посещение, потом академ...

— Нет, вы не со мной, а с моей женой учились — Юлей Волченковой, помните? — помогает он. — Мы даже собирались раз у нас в общаге.

На миг я холодею (неужто разбил семью?), но сразу вспоминаю и говорю с облегчением:

— Юлечка! Конечно! Такая милая! Как у нее дела?

— Честно говоря, не знаю, — смущается он. — Мы давно развелись. — И добавляет с заминкой — другим тоном, более нежно: — А я на малую родину вернулся. Женился вот на старости лет, ребенок маленький, дочка.

— О-о, поздравляю! И ничего не «на старости»! — говорю я фальшиво, однако искренне. — Сейчас, наоборот, вся жизнь только начнется. И главное, смысл появился!

Я похлопываю его по плечу и выхожу из-за стола. И только потом понимаю, что это было не очень вежливо и, может, следовало с ним выпить — отдельно, вдвоем.

А вот и расплата. Меня приглашают отсесть в конец стола, что, в принципе, верно. Во-первых, там потише, во-вторых, нас никто не услышит, а в-третьих, так можно показать всем: «Вот вы пьянствуете, а мы важным делом занимаемся».

— Вас называют лучшим футболистом среди журналистов и лучшим журналистом среди футболистов. Как вы можете оценить сегодняшнюю игру? — спрашивает Юрий, корреспондент газеты «Вперед».

Судя по старательной бойкости — корреспондент пока внештатный. Да и вообще здесь временный — скоро отправится покорять резиновую Москву.

— Ну ты начал! — беззлобно ворчу я. — Как ты хочешь, чтобы я ответил: да, я вот такой великий?

— Нет, конечно, — признает он, но вовсе не виновато, а по-прежнему с вызовом. Видно, так он представляет себе манеру крутых репортеров. — А вы сами как бы начали?

На вид ему лет двадцать, очками и большой головой он напомнил мне Димку, хотя тот был и поизящней, и поизошренней. И айфон мне под нос он бы точно не подсовывал. Да и не было тогда айфонов.

— А Раздаев почему не приехал? — заходит Юра с другого бока и теперь будто с личной обидой. — Я у него со школы пять интервью взял!

«Взять интервью» в его устах это как «взять языка». Если не «снять скальп». Боевой трофей. Взят Казань. Взят кабана и двух лосей. И трех медведей вместе с Машенькой.

— Да просто дипломатический насморк, — манерничаю я.

Но он кивает так серьезно и с такой кислой ухмылкой, что я спохватываюсь:

— Эй! Я пошутил, не пиши так. Напиши: «Не смог приехать по семейным обстоятельствам. Передал землякам привет и пожелал соперникам красивой, бескомпромиссной игры».

— А кто-то из нашей команды мог бы — разумеется, хорошо потренировавшись, — играть за «Кузбасс»? — насаждает он.

Я начинаю объяснять про трехразовые тренировки, сборы, суровый отбор, а он мстительно сверкает своими большими диоптриями (я уверен, в местной команде его не очень любят) и торжественно выдает приговор:

— Ха! Наши сапоги ниже плинтуса, а еще что-то из себя корчат!

— Кор-респондент! А где наш спецкор от Советского инфор-рм... бюро?! — громогласно замечает нас Толя.

Глянешь на него — в чем только душа держится, а голос зычный, густой. Так и знал, что он приревнует. Ну и слава богу. Вот на кого я на травлю этого юнкора.

— Толь, а вот парень не верит, что вы с Раздаем в кино снимались! — кричу я.

Юнкор — даром что в костюме и галстук — натурально глупо разевает рот. И краснеет. Сейчас еще расплачется, чего доброго.

— Как не верит?

Толя от удивления даже не включает свое обычное ухарство. Ведь все в мире должны знать этот исторический факт.

— Осенью семьдесят второго, фильм «Большая перемена», режиссер Алексей Коренев.

— Ну, вы тут разбирайтесь, а я пойду проветрюсь, — спешу я свинтить.

Эту историю про участие в массовке я слышал раз пятьсот.

Прием по личным вопросам продолжался весь вечер.

Ко мне подсаживался тот самый маленький мэтр с палкой — рассказать, где и как он «пылил» (и не в большой команде, конечно, просто здесь он остался самым старшим).

Потом по пути в сортир пристал нереальный «болельщик со стажем». Он-де ездил на все матчи «Кузбасса», а обратно добирался на каких-то дежурных мотрисах глубокой ночью.

— Завел бы в Кемерове вдовушку — и не пришлось бы так мучиться, — попробовал я отшутиться, и напрасно.

— Да не о том я! — сморщился мужик.

Все его лицо смялось, как резиновая груша для клизмы.

— Тогда был ритуал! Были фигуры! И на поле, и на трибуне. А сейчас что? Здоровенные парни валятся от малейшего прикосновения, по траве катаются, голосят. Если гол забьют — пляшут, кувыркаются, всей командой лобзаются. А фанаты сами себя развлекают — в дудки дудят, кричалки кричат, — зачем им футбол? Да и не футбол это, а сплошное шоу!

Говорил он плохо из-за почти полной беззубости, однако сама речь была на удивление правильной. Мне захотелось пообщаться с ним еще, но он безнадежно махнул рукой и удалился.

Отдуться пришлось молодому Аркадичу: я вдруг начал ему проповедовать, что нельзя растрчивать свой дар на всякую дрянь типа баб, керосина и прочей звездной болезни. Ну, так к слову пришлось. При этом он был совершенно трезв и сдержан, поскольку — удивил! — вообще не пьет, а я уже очень красноречив.

Внезапно подают еще и рыбу, щуку.

— Куда? Кому?! — кричу я и смеюсь.

Бледных кусков целый эмалированный тазик, и это уже явный перебор. Демьянова уха с повышенным наваром, антипонты, которые еще понтовой понтов. Да нет, зря я так. Все это и впрямь от чистого сердца.

— А знаете, кто ее поймал? — спрашивает чиновница Надежда, полусладкими глазами показывая на Аркадия.

— Да ладно! — поворачиваюсь я к нему.

— Я тебе отвечаю! — гордится он.

И особенно гордится, что мы уже так сблизились. Так вот в чем у него талант. А футбол — это так, для заполнения вакуума. Возможно, он и не любит его совсем. Разве можно любить то, в чем никогда не будешь успешен?

«Команда молодости нашей» — хоровое исполнение тут обязательней, чем тост за ушедших, и я почти не путаюсь с текстом и очередность куплетов помню. Когда все с утрированной горечью выводят «придут честолюбивые дублеры», чья-то рука ложится мне на голову. А за словами «дай бог им лучше нашего сыграть», само собой, следует подзатыльник. На этот раз — нерасчетливо сильный. Но я даже не смотрю, кто это решил выпендриться при чужих. Мне ли не знать, что сыновей полка не только гладят по головке. Кстати, и у Димки в редакции наверняка было то же.

Как-то он сейчас в своем Энске? Что делает? У него, бирюка и эстета, таких простецких праздников не может быть в принципе. В том-то и беда.

— Ну вот как ты смог увидеть, что Анатолий Толич сзади открыт? Как? — восторженно, с прошибшей слезой пристает ко мне друг Аркадий.

— Это когда второй забивали? — спрашиваю я. — Или третий?

— Второй. Или третий. Вот как ты знал, что он точно там?

— Да это ж элементарно. Это азбука. Он и должен был там быть. Прости, Аркаш, но мы все-таки команда мастеров...

— Вот! — тычет он мне пальцем в плечо. — Вот! Глаза на затылке! А мы тут элементарно пас на третьего никак не освоим. Не-е-ет, никак! Варимся в собственном соку.

Я много времени трачу, чтобы его успокоить: зато у вас, ребята, настоящий футбол, с душой, а мы грыземся постоянно, если кто-то неправильно сыграл, и назад в защиту никто не возвращается, все же звезды, задолбали уже...

— Ну что, господа ветеринары! — поднимается с последним (крайним!) тостом Петя Гайденко.

Кличка у него Першерон, но только за глаза.

— Как говорится, в гостях захорошело, а дома поплохеет. Пора и честь знать!

Для нас это звоночек. У Пети обвислые усы, прилизанная прическа и бледно-салатового цвета пуловер, и говорит он слегка картавя, однако этот тюленистый вид обманчив. И если уж он встал и сказал что-то вслух — стоит прислушаться. Особенно Толе. Они росли вместе, и периодически между ними искрит. Петя из-за щуплости называет Толю «комнатным», а тот в ответ может и пнуть под зад. И тогда погоня с зигзагами, увертываниями и перерывами на отдых длится не одну минуту под радостные комментарии зрителей. Сейчас Петя, кажется, настроен добродушно, и это важно использовать, чтобы хороший вечер и закончился хорошо.

Закусываю я предпоследним куском щуки: мы все-таки умяли ее.

Обнимаемся, прощаемся с Аркадием в несколько заходов, и сын увозит его на своем авто. Машина — неновая «японка». За задним стеклом не мяч футбольный, а детская игрушка — кролик Багз из диснеевского мультика. Даже странно, что кому-то нравится персонаж с таким мерзким характером.

— Захар здесь? — спрашивает Петя, вставая на первую ступеньку, и салон ощутимо колышется.

— Иди сюда, мой сладкий перец! Я на мамоне у тебя посплю! — отзывается Толя.

Не нашлось ему сегодня достойных компаньонов среди местных.

— А, живой, — констатирует Петя и подмигивает мне: — Это ненадолго.

— Мужики, а вы не мимо Пор-Искитима поедете? До поворота подбросите? — заглядывает в дверь любитель «алавердов» с пятном на лице.

Замечаю, что одет он в черную форму охранника ЧОП. Рядом докуривают двое наших, а водитель в жилетке стоит поодаль, недовольно отвернувшись.

— Конечно, до Пора! Да хоть до упора! Садись, служивый! Домчим с ветерком!

Счастливчик юркает в салон и затихает в самом конце, но вскоре выясняется, что едем мы по какой-то другой дороге, и он выходит в ночь на пугающе пустынном перекрестке — жалкий, но вежливый и великодушно бодрый.

Фары высвечивают сбоку фантастический знак со вставшим на дыбы оленем, и я начинаю интервью с самим собой.

«Что я люблю и чего не люблю больше всего?» — повторяю я кем-то умным и профессиональным заданный вопрос. Жена мне рассказывала: когда она задает сочинение с такой темой по рассказу Драгунского, получается всегда хорошо. И детям интересно разобраться в себе, и учитель узнает много полезного.

Да и Высоцкий же у нас есть, в конце концов, эталон для экстравертов.

«Люблю футбол — и вообще, и играть, но только когда сам в форме и партнеры хоть что-то смыслят, — начинаю я честно, причем и про себя артикулирую старательно, с чувством. — Люблю людей простых и простодушных, пусть даже и чудаковатых. Люблю сельдь под шубой — только чтоб не слишком крупно порезано, и лучше на второй день, когда все пропиталось».

Нет, получается какое-то слабое эпигонство — не искренний Дениска Кораблев, а лукавый герой Жени Гришковца: якобы из самого сердца признание, неожиданное, точное — и все равно продуманное, промозженное...

Ладно, а чего я не люблю? Ну, это долго придется перечислять — всей дороги не хватит. Главное — терпеть не могу неблагодарность. Больше всего ненавижу. Девяносто пять процентов людей на такой вопрос отвечают: предательство. Но предательство — это еще как посмотреть. Если мужик вместо мелкой, злобной, склочной бабы (предавшей надежду на совместное счастье!) выбирает ласковую и понятливую — это разве самый главный грех на свете? Или личный охранник кровавого тирана примыкает к заговорщикам — романтичным и нетерпеливым и почти всегда обреченным на провал, — это разве самое гнусное преступление?

И вообще, предательство чаще всего от слабости. И просто по ситуации может случиться. Это следствие. А неблагодарность — нечто более коренное. Это из самого нутра, из главных черт характера. Меня, кстати, история Каина и Авеля раньше очень занимала. Вот почему Он у одного брата жертву принял, а у другого — нет, без всяких пояснений? Испытывал так его? А по сути-то, травил, провоцировал...

Думать в эту сторону уже лень, а засыпать нет смысла: почти приехали.

Сейчас главный вопрос — развезут ли всех (особенно тех, кого развезло). Не хотелось бы сегодня работать экспедитором. Хотя мне это, похоже, не грозит: уже повернули на Кузнецкий проспект, а на этом маршруте я первый на выход.

16. Орбита неестественного спутника

Выход к реке перекрыли две иномарки, столкнувшиеся, к счастью, не сильно. Как они вообще нашли здесь друг друга?

— Вероятность такая же, как встретить негра-альбиноса на лесной опушке! — говорю я.

А шутка-то не самая искрометная, какая-то сделанная.

— Да просто баба — дура, — говорит Маринка. — Поди, еще по телефону трещала...

Ага, все ясно: мужик на белом «тигуане» ехал с Притомской набережной, а дама на красном «ренджровере» гордо вырулила со двора. Как ни крути, а это болезненный удар по мировому феминизму.

Стоп, не остри. Не надо. Хватит уже.

— А ты как сейчас едешь — не гоняешь? — спрашиваю я.

— Ты что? Я теперь серьезная тетка: по дорогам не гоняю, с жена-
тыми не встречаюсь.

Ага, так я тебе и поверил.

— Что, студентиков молоденьких тебе подавай?

— Молчи уж, Отелло. Кто из нас кого бросил — ты или я?

— Да я тебя спас! Представляешь, жили бы вместе. И недолго, и
несчастливо.

Серьезная тетка выглядит отлично — явно столично. Серый брюч-
ный костюм, и сумка наверняка брендовая. Общая подсушенность (на-
деюсь, не с отдельным тренером занимается, а самостоятельно). Волосы
до плеч, и цвет такой благородный, не очень броский. А вот зеленые глаза
словно выцвели немного...

— Нет, правда, я уже забыла: из-за чего ты все-таки меня бросил?

Не остри. Хватит выделываться. Говори серьезно.

— Во! Это какая-то новая трактовка! Нападение — лучшая защита?

А кто влюбился в очередной раз в своего очередного начальника?

Зачем вся эта иривость? Потом же будешь жалеть.

— А разве не ты первый сбежал тогда из Москвы, помнишь?

— А разве не ты сказала, что не будешь никого мне рожать?

— О гос-споди! Кого тебе еще рожать? Ты же сам выбрал...

Это правда, я сам выбрал. Это было невыносимо: раз в неделю об-
нимать ночью, прижимать к себе своего ребенка и надеяться, что это
продлится подольше, но утро все равно наступало слишком быстро и было
безнадежно темным, а в садик надо было идти как ни в чем не бывало,
энергично и собранно, — и так до следующего раза, если повезет.

— Ну что ты так смотришь? Все вспомнил?

— А почему, ты думаешь, я такой седой?

...Или как я неожиданно приехал в твой крутой офис и сразу по-
нял, что что-то не так. Может, потому, что ты все время прятала глаза.
А взгляд у твоего нового идеального мужчины был не просто сытый, а
настолько зажравшийся, что мне даже стало жаль тебя. Больше, чем себя.
Вот это и держало нас вместе: нам обоим ничего не светило, мы оба были
обречены.

— Ну что, направо пойдём или, может, налево сходим, а? Да ладно,
ладно, я же шучу...

Гранитно-чугунный парапет набережной прерывает петля дороги,
недавно расширенной и круто уходящей вправо вниз к элитному жило-
му комплексу «Каравелла». Говорят, раз в сто лет то место обязатель-
но должно быть затоплено, и многих горожан такой прогноз почему-то
греет.

Ногами к этому спуску еще с советских времен полусидит-полулежит
статуя «Труженица Томь». Если учесть, что лес по реке не сплавляют уже
лет сорок и все судоходство свелось к одной «заре» для дачников да паре
катеров для прогулок-свадеб, даже неловко представить, чем еще таким
полезным может заниматься эта раздетая наядя. Тем более что позу для

нее скульптор выбрал совершенно несуразную — наверняка припомнив феллиниевскую красотку по прозвищу Угощайтесь, но при этом не подставив ей под голову хотя бы спинку дивана. И теперь, глядя на трескающуюся «Труженицу» вблизи, прямо физически ощущаешь, как, должно быть, забиты у нее мышцы бедер и брюшной пресс.

А, я понял. Это, видимо, метафора потребительского и варварского отношения людей к природе. Ну, тогда стоило еще смелей развить идею и создать многофигурную композицию «Надругательство Браконьеров над Труженицей Томью и вззирающий на это Рыбнадзор».

На плиты к разлившейся реке мы решили не спускаться: там уже много гуляющих, и не хочется присоединяться к ним, хочется быть отдельно. А раньше была бы и еще одна причина: нас могли заметить знакомые, а Маринка всегда панически этого боялась.

Я осторожно смотрю на нее сбоку и пытаюсь понять свои чувства. Вот с этой женщиной я когда-то бывал очень счастлив — до парения, до потери себя, до попытки все изменить. Без нее тосковал, бесился, делал глупости. Бывал с ней очень несчастлив. Обижался на нее, но не мог на нее злиться. Любовался ею. Искренне любил ее душу, ее стремление всегда помогать другим. Как мог сам старался поддерживать — ну как поддерживать, морально разве что. Выводил ее образ в щемящих рассказах — неплохих, кстати, и вполне возможно, именно из-за ее образа. Вроде как боролся за нее, вроде бы старался удержать, приносил жертвы. И что толку? Она не со мной, и, наверное, это правильно.

Главное: смог ли я ее осчастливить хоть на время?

Именно со мной она была счастлива?

Смог ли я прикрыть собой зияние — нет, засасывающую воронку! — страшной неуверенности, которая всегда жила в ней, всегда ее мучила — и заставляла двигаться вперед, мчаться вперед очертя голову, доказывая себе и другим: я совсем не плохая, я хорошая!

— Ну, что успел разглядеть? Сильно я изменилась?

— Да ужасно! На машине не гоняешь, с отличными ребятами не встречаешься... Да нет, не слушай меня. Это все ревность, ведьма зеленоглазая...

— А ты почти не изменился.

— Ну да, конечно.

— Правда-правда. Только будто еще грустней стал.

— Это маска. Так я заманиваю и потом использую в своих низменных целях наивных чижиков из Москвы.

— В Москве уже давно нет наивных чижиков.

— Да? А я-то думаю: почему это я давно никого не могу заманить?

— Тебе это и не надо.

— Ты думаешь? Ну ладно, с этим знанием мне проще будет жить.

Ряд вязов (у нас их называют карагачами) вдоль дороги параллельно реке сейчас выглядит уже не столь униженно. Несколько лет назад ранней весной, когда их кроны только что спилили, на фоне хмурого неба скрюченные абрисы напоминали куриные ноги, вздетые горе. Но уже

к середине первого лета эти обрубки успели зарости мхом листвы, как будто и не было никакой трагедии, как будто так и надо.

А прошлой осенью здесь обкорнали еще и все кусты сирени — до пучков в метр высотой. Бил уверял, что это не связано с благоустройством. Не зря же, дескать, нежелательные митинги, которые удавалось таки согласовать с властью, отправлялись именно сюда. «Ну, не снайперам же на крышах эти кусты мешали!» — спорил я, хотя и не на сто процентов был в этом уверен. «Не снайперам пока, — ухмылялся Бил. — Снайперы — это слишком киношно и нерентабельно. Нам ближе стукачи: всех сфотографировать, взять на карандаш и положить папочку в сейф — авось пригодится!»

Тогда я согласился, а теперь думаю, что и это объяснение чересчур сложное. Все три с половиной оппозиционера у нас давно известны, а наивно примыкающую к ним молодежь в расчет брать не стоит: часть самых активных скоро свалит, а оставшиеся усвоят правила игры и заживут как положено — в основном в виртуальном мире.

Мы сидим в сквере «Орбита», возле круглого здания с огромной антенной-тарелкой, принимающей сигнал Центрального ТВ. Бывшим кемеровчанам, гостящим в родном городе, это место особенно нравится. И ясно почему. Во-первых, зелень здесь не калиброванная городская, а естественная, вольная: взрослые березы, сосны, лиственницы. И то, что многие эти деревья странно изогнуты (видно, волны зомбоящика влияют на осанку), только добавляет им своеобразия. Во-вторых, близость реки и редкостного бора на другом берегу. А на этом берегу, в-третьих, элегантные сталинские дома с арками и неоспоримым достоинством: «Жить стало лучше». В общем, такой концентрированный и очищенный от всего лишнего кусочек милой малой родины.

Все чинно, пристойно и вполне душевно. Маринка рассказывает о своих детях (не моих), а я изредка задаю доброжелательные провоцирующие вопросы. С удивлением отмечаю, что помню даже второстепенные детали, включая имена и профессии ее родственников и знакомых, у которых мы находили приют.

Теперь еще сфотографироваться в обнимку, скорчив забавные рожи, и выложить снимок в социальную сеть — будет полная идилия. Жаль, что меня нет ни в одной соцсети: я еще верю, что мое мудрое упрямство поможет человечеству не опроститься окончательно.

Ну вот, не раньше и не позже! Четыре йогини с ковриками самодовольно расположились на траве напротив нашей скамейки — пленять своим искусом свет. У одной из них (по-видимому, тренерши) получается еще более-менее, а остальные пассажирки. Зато сколько достоинства!

Почему поборники здорового образа жизни и всяких прочих положительностей — веганы-сыроеды, пенсионеры-танцоры, горячо воцерковленные — могут быть так неприятны? Считают себя лучше других? Вот именно: считают то, чем они занимаются, самым верным, главным, богоугодным. А все остальные, следовательно, или отсталые, или недо-

стойные. Хотя на самом-то деле это они ограниченные или просто ведущиеся на моду-конъюнктуру.

Да и в конце концов, почему я, такой тонкий, должен смотреть на все это непотребство? Я же не кобенюсь перед ними, укрепляя простату и продлевая тем самым свой полноценный, никому не нужный век. Мне даже пиво пить здесь запрещено, поскольку, дескать, это дурной пример. А их назойливая самореклама разве не менее вредна? Если хотите знать, это вообще не в наших традициях. А вот посидеть в приятной компании, спокойно выпить, пообщаться на солнышке или в теньке — очень даже по-нашему. Долой чуждые нам камасутры! Дашь исконный антидепрессант!

Вот так и становишься мизантропом. И чем эти дуреющие клуши тебе не угодили? Тем более что Маринка смотрит на них с одобрением (или, по крайней мере, с пониманием).

— А я тоже йогой занималась, — оправдывается она. — Только немного по-другому.

Очень дипломатично. Это, наверное, какая-то особая женская солидарность.

И вдруг такая теплая волна подхватывает меня, такой прилив нежности, что я беру ее за руку и заглядываю в глаза:

— Хорошо будешь обо мне вспоминать? Не будешь думать плохо?

— Глупый ты, глупый. Конечно, нет.

— И звонить будешь чаще?

— А ты этого хочешь?

— Хочу.

— Ну, тогда буду.

— Обманешь ведь.

— Нет, правда. Сегодня же позвоню вечером.

Никому ты не позвонишь, во всяком случае сегодня. Во всяком случае, чтобы было не для галочки, а по-настоящему. Так ты позвонишь уже из Москвы, когда будешь чувствовать себя в безопасности, голос твой будет звонким и довольным, потому что ты смогла выполнить всю отпусчную программу: поддержала родителей и повидала кучу друзей, в том числе меня, и все прошло без осложнений, и жизнь продолжается, и надо двигаться дальше, и за меня ты спокойна, ведь я еще не спился окончательно, и даже выгляжу неплохо, и, кажется, излечился от болезненного заблуждения на наш общий счет. И действительно: моя нежность к тебе будет пронзительной, пока я буду тебя слышать, и потом еще немного, и потом еще иногда, а после опять спрячется куда-то глубоко, и редко будет подниматься на поверхность, и точно не будет тебе в тягость, и все у нас будет хорошо, правда, не беспокойся.

До остановки идем расслабленно, уже пережив главные эмоции. И все же хочется, чтобы маршрутка пришла не сразу. А она, когда не надо, тут как тут.

— Береги себя, — шепчет Маринка после короткого кроткого поцелуя.

Точнее, легкого касания губ. Не обольщайся, не лъсти себе, не придумывай лишнего. Все это и так ценно.

Я поднимаю ладонь, а потом сжимаю руку в кулак: «Мы победим». Она кивает и улыбается, слегка наклонив голову, и глаза ее, кажется, лучатся так же, как прежде.

И так же, как прежде, она уезжает. Она всегда уезжает. Всегда навсегда.

«Сердце мое разбито?» — думаю я, медленно шагая в сторону дома. — Да нет, все нормально, док. Жить буду».

Резкий дождь включается как по заказу — для драматичности самого то. Я поднимаю воротник и, спохватившись (а закон жанра?), мужественно закуриваю. Хотя во рту сухо и сигарета горчит.

Да, горечь есть. И грусть тоже. Но больше все-таки благодарности. За все, в том числе и за этот невнятный приезд.

«Что со мной не так?» — думаю я. — Почему даже самые лучшие, самые близкие не могут задержаться рядом надолго?»

«Задержаться» — вот ключевое слово. Это я задержался в прошлой жизни, в прошлых мыслях, чувствах, книгах, отношениях. Это я не умею жить, как надо сейчас. Да и не только сейчас, всегда так было. Я никогда не умел жить мечтой, выстраивать путь к идеалу. Потому что и идеала четкого не было — только что-то разрозненное, по мелочам, романтично-расплывчатое...

Я смотрю, как сбитый дождем яблоневый цвет течет вдоль бордюра, и размышляю, глубокий ли это символ. Да, достаточно точный, но слишком в лоб. Да, жизнь несет нас неудержимо, и была в ней когда-то красота, была, да вся сплыла. Кому это еще непонятно? Но уж что есть, то и есть.

17. Титры на небе

Есть в самолете я не собираюсь: может, это особый снобизм экономкласса, или просто нет аппетита, или слишком много в этой процедуре приземленности и мелкой моторики. Лучше отвернуться к иллюминатору, закрыть глаза и попытаться уснуть.

Так это должно выглядеть со стороны. А на самом деле мне еще до взлета надо спрятаться от всех и подвести итоги. Как бы помолиться. И попроситься.

В юности, когда летал с командой чуть ли не каждую неделю, совсем не испытывал страха. Даже научился спать по заказу — отключался сразу, только поднявшись на борт и плюхнувшись в кресло. И вот вообще не летал лет десять — и слегка боязно. Все эти «аэрбасы» бэушные... И наше неизбывное разгильдяйство.

А прежде, во время редких командировок, выработал такой успокоительный ритуал. Когда лайнер начинал разбег, я повторял про себя имена родных: чем больше — тем лучше, тем легче на душе. Как заклинание: мама, папа, сестра, жена, сын, дочь. Мама, папа, сестра, жена, сын, дочь.

Вроде как успел поблагодарить за все. Хотя бы напоследок, если больше не доведется.

А сейчас есть время и более подробно вспомнить каждого — такими, какими они мне особенно запомнились. Только один кадр — но самый красивый, знаковый. Психология тут на поверхности. Жизнь действительно проще всего представить как кино: кто-то режиссирует, кто-то играет роль, кто-то в массовке, а кто и просто зритель. Однако в конце все равно должны быть титры. То есть ты обязан вспомнить всех важных. Выразить признательность. Это святое.

А что до молитвы... У меня не настолько раздуто самомнение, чтобы верить в Бога, готового выслушивать мои персональные жалобы и предложения. Вот больше делать ему нечего. Я уверен, что Бога, или Высший разум, или Того, Кто всем этим ведает, интересует не отдельный человек, а все человечество. Как целый вид, единый организм. И когда Он сказал: «Плодитесь и размножайтесь», — именно это и было главной задачей. Чтобы посмотреть на колонию в развитии. Что будет дальше. Как этот вид себя поведет. И, опять же, не в рамках одной человеческой жизни, а все племена на протяжении многих-многих поколений. Это же чертовски интересно! Можно даже мор наслать, чуму какую-нибудь, чтобы эксперимент был еще любопытнее. И в этом смысле нынешние семь миллиардов населения вполне можно считать хорошим результатом, хотя и промежуточным. А постоянные войны, инквизиция и однополые браки — ну что ж, болезнь роста.

К тому же не только количественные, но и качественные изменения налицо. Смотрите, еще два века назад рабство процветало повсюду, а нынче цветных пускают вперед не только в боксе и автобусе, но и в политике. Женщинам позволили голосовать, заниматься личной карьерой и тяжелой атлетикой, а право первой ночи почти совсем отменили. Невероятный прогресс! Взрывное развитие! Да, кстати, и в науке настоящий прорыв: уже до ядерной энергии добрались, скоро нашьалят с ней, наломают дров, но оставшиеся-то, как тараканы, иммунитет будут иметь, поумнеют, дальше начнут расти — вполне возможно, что действительно к образу и подобию...

Кто-то трогает меня за плечо. Стюардесса хочет знать, застегнут ли мой ремень. Странно: она в самом деле похожа на актрису Проклову.

— Да, сейчас, — говорю я, однако она не отходит, пока не убедится сама.

Щелкаю замком, показываю результат, а в ответ никакого поощрения. Нет, такую Ларису Ивановну я точно не хочу.

А самолет уже начинает рулежку. Выворачивает на взлетную полосу. Останавливается. Ну что я могу вам сказать? Спасибо за предоставленную возможность поучаствовать в таком увлекательном мероприятии. Жаль, если оно закончится быстрее, чем хотелось бы. Все, поехали!

Мама, папа, сестра, жена, сын, дочь. Мама, папа, сестра, жена, сын, дочь. Мама, папа, сестра, жена, сын, дочь. Мама, папа...

Есть отрыв!

Пальцы невольно вцепляются в кресло. Дыхание перехватывает. Я заставляю себя спокойно повернуться и смотреть, как мичуринские участки возле аэродрома удаляются вниз, масштабируются, заваливаются набок и скрываются из виду. Двигатели шумят как-то возмущенно, но ровно. Осталось пережить еще одно противное мгновение, когда они словно захлебнутся и сменят тон, — и все, можно будет откинуть голову, закрыть глаза и больше ни на что не отвлекаться.

Мама — огоньки. Почему-то именно этот образ. В детстве первая вылазка в лес после зимы была в мае — за огоньками. Полная электричка набивалась, хотя не все, конечно, ехали за такой красотой. И никто не думал об уроне природе — потому что традиция была, радость после долгой зимы. Это ведь сравнительно недавно нашу оранжевую (в Европейской России эти цветы желтые) купальницу сибирскую внесли в Красную книгу, хотя и сейчас целые поляны ее найти можно. Так вот, мама мне видится как раз с таким букетом: сочная жирная зелень и поразительно яркие головки. На ней смешные старомодные брюки с высоким поясом, болоньевый плащ и косынка на голове; она (жаль, не вижу лица, есть ли на нем улыбка) прижимает сноп цветов к себе, а другой рукой держит меня за руку.

Не думал, что это так волнительно. Надо сделать паузу. Хоть и хочется всех вспомнить одной серией и до суеты с кормлением.

Папа — мушкет топором.

Это мне потребовался главный элемент новогоднего костюма пирата. Над отцом в семье всегда посмеивались: вроде и нельзя сказать, что безрукий, инструментами владеет, но делает всё с какими-то подложенными палочками, подвязанными веревочками, то есть на соплях (он называл это «инженерной сметкой»). И вот мне понадобился аутентичный мушкет. И он сделал его буквально за час — настоящий, изящный, так и просящийся в руку. Причем и сам, по-видимому, получил удовольствие. Особый шик заключался в том, что отец вытесал его из доски не ножом, а топором! Затем наверняка скорчил злодейскую гримасу, прицелился в меня и проскрипел страшным голосом: «Пятнадцать человек на сундук мертвеца! Йо-хо-хо, и бутылка рому!»

Куда потом эта драгоценность делась? Кажется, ее у меня стырили приятели.

Пауза. Смотрю в иллюминатор. Внизу плотная облачность такого же вида, как вода в стакане, в которой много раз ополаскивали кисточку с акварельными красками. Нет, лучше я вернусь к своим.

Сестра — почему-то не видео-, а фотокадр. Она стоит на крыльце загса после бракосочетания с первым мужем. На ней — и это в зачуханном Кировском районе, в самый пик застоя! — не платье с рюшечками, а элегантный белый костюм — приталенный пиджак и юбка чуть выше колен, и в волосах роза. Она юна, взволнованна, счастлива и необычайно красива, сейчас понимаю — не к добру красива, трагично красива...

А вот сын видится совсем взрослым. Бородатый и крупный, уже начавший кабанеть мужик, по обыкновению нахмурившись, подходит к нашему дачному дому. Я сижу на крыльце и тут счастливо догадываюсь рассказать ему про бельчат, только что бегавших по ограде. «Где?» — вскидывает он глаза, и лицо его светлеет, глаза зажигаются мальчишеским удовольствием и веселой добротой. Давненько я таким его не видел...

Нет, уединиться здесь никак не получится. Сзади мое сиденье пинают несколько раз, не случайно — методично. Я оборачиваюсь и вижу пацаненка лет пяти. Он разговаривает со взрослой тетей и отбивает такт ногой.

Мне достается такой кусок диалога:

— А вы юбилейские монеты собираете?

— Нет.

— А почему?

Дальше подслушивать неудобно. Сильно поворочавшись в кресле, чтобы напомнить о своем присутствии, я снова закрываю глаза и ухожу в себя.

...Жену представить проще всего: она и сама по себе яркая, и побыть в центре внимания никогда не прочь. Да и то сказать: с ней я прожил уже вдвое больше, чем с родителями и сестрой, много было разных сцен, достойных воспоминания. Но мне в первую очередь видится такая картина, самый светлый образ семьи. Мы, молодые, идем из детской больницы с нашим первенцем. Тогда было модно движение «Плавать раньше, чем ходить», и ребенку «с тонусом» это было особенно показано. И вот жена провела с ним час в бассейне (я читал в холле, скорее всего кого-то из латиноамериканцев), а теперь мы возвращаемся домой по улице Ворошилова, обсаженной молодыми березами. И вдруг внезапный сильный дождь, летний ливень, и я снимаю джинсовую куртку и занавешиваю ею коляску, и мы бежим, толкая коляску перед собой, под веселым теплым дождем, смеясь, промокшие до нитки, но такие счастливые!

И дочка, конечно, тоже на даче. Еще маленькая, когда она всегда была со мной (во всяком случае, неподалеку). Ей лет десять. По дороге среди сосен она едет на велосипеде, который для нее великоват, зато так ведь еще прикольной! Она стоит на педалях, раз в несколько секунд делает пару резких оборотов (ножки длинные, худенькие, но сильные) и опять гордо выпрямляется — смелая и свободная, очень смуглая, и каре русых волос, выгоревших за лето до совершенно светлых, ласково треплется ветерком, и мне она напоминает позднюю дочку мудрого и славного индейского вождя — открытую всему миру, живущую в единстве с природой, с врожденной грацией и светлым, гармоничным будущим...

Ну вот, аж слезы навернулись. К старости стану совсем сентиментальным.

Я выпрямляю спину, расправляю плечи и делаю несколько глубоких вдохов. Сосед по ряду испуганно просыпается и косится на меня недо-

вольно — подумал, вдруг что не так. Извини, дружище. Все хорошо, все идет по плану.

Все летит по плану.

Особенно вторая половина жизни.

Недавно я вывел такую формулу: жизнь в целом отвратительна, но в частностях прекрасна. Хорошо, когда таких частностей набирается побольше и они могут перевесить всю мерзость окружающего — давящего, безжалостного, несправедливого. А для этого надо помнить хорошее и хранить.

Вот сейчас я буду вспоминать друзей — уж этой ценности у меня никто не отнимет. Люди могут опускаться, мельчать, предавать сами себя, но то, что они уже сделали хорошего, — почему это должно чем-то перечеркиваться?

...Мина в цветастом халате стоит у плиты — готовит нам ужин после гнусной работы на очередного циника и ворюгу. Она рассказывает анекдот, держа вилку в отставленной руке, сама трясется от смеха, и с вилки на пол капает масло: аккуратистка Мина еще та.

А вот Димка, напротив, весь такой опрятный, тонкий, задает вопрос на английском Наоми Кэмпбелл. Сам я этого видеть не мог, потому что тогда Димка был на стажировке в «Комсомолке», однако он рассказывал о той пресс-конференции с Черной Пантерой, и я уверен, что все в зале действительно офигели.

Ванька, конечно же, выступает на сцене, точнее в блочной аудитории нашего университета. Концерт называется «Работные песни». Ванька изображает пролетария, гаркает, вышагивая гоголем, потом даже делает колесо и залиvisto свистит, вложив в рот пальцы, — недостижимый для меня шик! Я хотел научиться, пытался, но так и не смог.

А Бил, разумеется, произносит тост. Встает с рюмкой и говорит минуты две — это еще минимум! — витиевато и познавательно, с цитатами из греков или Конфуция, а кода всегда проста и сердечна: например, о том, что моя писанина реально нужна людям, что мои родители могут гордиться, что он мечтает жить в стране, где я мог бы работать главным редактором... И однажды именно в такой кульминационный момент аккуратно в мою рюмку с водкой упала градина, и все посчитали, что это небо подает знак: все верно.

Небо постоянно подает какие-то знаки — надо только уметь их читать.

Я вот не умею. Живу без иллюзий и стараюсь не врать себе, и только изредка чувствую, что все красивое не случайно и все доброе не обречено, и лишь иногда могу надеяться, что, умерев, останусь в воздухе возле любимых и буду им помогать — как мне всегда помогал со щадящей иронией мой терпеливый ангел, Небесный мой Отец.

Ольга ПОЛЯНИНА

ЛЕТОПИСНОЕ ЛЕТО

* * *

Вернейшее мое, мой Иоанн и Марк,
С глагола начинающие время,
Два месяца весны: февраль и ранний март,
Свет пре- и прибывающий над всеми.

И осень — тоже вся, как птенчик в кулаке:
С Ильи-пророка до Преображенья.
Свет, убывающий к Матфею и Луке
По правилам энергосбереженья.

* * *

Кому-нибудь, кто свищет так, как я, —
Смешно, случайно.
За наименьшем соловья,
Допустим, чайник.

Кому повем — но если бы печаль —
Позор бессилья:
Свистел себе, а горлом хлынул чай,
И пламя погасили.

* * *

На сколько же здесь бутылок и кружек?!
Прямо озерный сквозняк.
Где-нибудь из-за такой лужи
Началась бы племенная резня.

Одни бы ушли, плацдарма
 Не взяв, и другие, сгинув
 В безводье, — а нам ее даром,
 Считай, не считая ангины.

Цветка не дождавшись из посоха,
 С этих на те берега
 Перехожу к тебе, аки посуху,
 В резиновых сапогах.

* * *

...где ни прорех не убежит, ни тленья
 чудесная невидимая ткань,
 двор — не колодезь, а стакан,
 граненный панорамным остекленьем, —

меняет цвет, как будто бы в растворе
 лимонный светится кружок
 большее, ярче — и ожог
 горит в задуманном узоре.

...где быть двору, как миру, пусто,
 где все уже разведено,
 ледок ломается, нет, дно
 с неслышным и чудесным хрустом.

* * *

По-македонски, в два ведра
 Гнездо отмыто родовое.
 Одно окошко со двора.
 (Замерщик говорит, кривое.)

И до единственной земли
 Теперь здесь ближе, чем когда-то.
 Уже поддался флизелин,
 С двух пенсий клеенный в девятом.

Как очертания морей,
 Проступят с двух сторон несвета
 Где пятна от календарей,
 Где неразмокшая газета.

И — наконец, подметено —
Посмотришь празднично, подробно
В свое единое окно.
А что, действительно, удобно.

* * *

Большой симфонический... под руководством... впервые
В то первое нам летописное лето
На струнных (не всех), но уж точно во все духовые,
Где скрипка ведет, но уводит легчайшая флейта,

Дешевый мотив, для которого хватит дуделки,
Во все духовые и струнные (все-таки все!)
Играет, играет — чтоб детской цветной самоделкой,
Слетая с иголки, летела для нас карусель.

Так ставят любовь в оркестровой чужой обработке
И слушать велят, и ослушаться жаль — до того,
Пока не споешь, не сыграешь две чистые нотки,
А там что дуделка, что скрипка, да хоть ничего.

Татьяна ИЛЬДИМИРОВА

ЖИВАЯ ВОДА

Р а с с к а з

— Он умер, умер!

Рита вбежала в комнату и бросилась на диван вниз лицом. Глухо закричала в диванную щель:

— Это не я, честное слово, не я!

Надя закрыла книгу, загнув уголок недочитанной страницы. Она нехотя убрала с дивана подушки и села рядом с сестрой. Рита была ногами в тугой диванный валик, словно куда-то бежала, и громко, слепо, с упоением редела. Мамы, как назло, не было дома, и просто выйти из комнаты, не попытавшись утешить Риту, Надя не могла. Ей бы потом это припомнили.

— Рита, — окликнула Надя, положив руки сестре на плечи. — Кто теперь умер-то?

Слово «умер» было привычным и не испугало ее. Рита всегда была чувствительной натурой и могла долго оплакивать героя фильма, горько, до заикания плакать из-за смерти литературного персонажа. Она в голос рыдала над книгами о подвигах, о животных, о болезнях да много о чем другом, чем заработала от бабушки прозвище «актриса погорелого театра».

— Рита, Рита! Перестань. Ты так на тренировку опоздаешь. Давай рассказывай уже.

Сестра передернула плечами, стряхивая Надины руки, и еще глубже вдавилась в диван.

— Нервные клетки не восстанавливаются, — сказала Надя. — Представляешь, сколько ты сейчас их губишь понапрасну?

— Иди ты отсюда!

— Скажи, чего реवेशь, и я сразу же пойду.

Рита оторвала от подушки красное, некрасивое лицо:

— Я даже говорить такое не могу... Так страшно, ты не представляешь! Ты сейчас тоже заплачешь.

— Да что же такое случилось, нормально скажи!

Рита лицом в диван ответила:

— Хома... Кажется, с ним плохо.

— Что значит — кажется? — встревожилась Надя.

— Я же сказала! — подскочила Рита и закричала со злостью: — Он не дышит! Он спит и не дышит! Ты не поняла? Иди посмотри!

У Нади задрожали губы.

— Я не хочу одна, пойдем вместе.

— Я боюсь на него опять смотреть! — воскликнула Рита и снова уткнулась в подушку.

Клетка стояла на кухне, в углу за диваном, куда ее обычно уносили на ночь, чтобы хомячья возня не мешала маме выспаться. Надя присела перед ней и пригляделась.

Хомяк спал в своем домике: вход был закрыт пушистым рыжим боком. Газетные обрывки на полу клетки промокли, сбились и плохо пахли. Надя не помнила, чья была очередь чистить клетку и когда она убиралась у хомяка в последний раз. В кормушке осталась нетронутая еда, в поилке — мутная вода.

— Видишь, он не поел сегодня, — всхлипнула Рита. — Даже к себе еду не утащил, совсем ему плохо. Яблоко вон...

— Ему уже складывать некуда. Спит человек, не мешай.

— Да ты посмотри внимательнее! Не видишь — он не дышит!

Хомячий бок выглядел вполне обыкновенно. Надя нагнулась к клетке и подула на зверька. Тот не вздрогнул, не пошевелился, и Надя подула сильнее.

— Я его спицей тыкала, — сказала Рита за ее спиной. — Он не шевельнулся даже.

— А ты бы зашевелилась, если бы тебя спицей тыкали?

— Да, — ответила Рита. — Я бы — да.

Она сидела на корточках, закрыв лицо руками, чтобы не смотреть в сторону клетки.

— Хомочка, Хома! — ласково обратилась к питомцу Надя. — Что же ты спишь и спишь? Нахомячился и спит, а мы за него волнуемся. Разве можно столько спать? Ну хорошо, ты только выйди из домика, покажись нам, мы увидим, что ты живой, и отстанем. И можешь дальше спать.

— Ты в руки его возьми, — попросила Рита.

— Нет, не хочу. Помнишь, как он меня укусил: я тогда как раз его спящего схватила.

Надя пошевелила домик. Не помогло. Она принялась осторожно раскачивать клетку — хомяк летал, как на качелях, но продолжал спать. Надя качала клетку все быстрее, трясла ее — никакого результата.

Она вернула клетку на ее обычное место и призналась:

— Кажется, ты права. Он заболел.

Сорвавшись, Рита убежала в комнату и захлопнула за собой дверь. Надя осталась сидеть рядом с клеткой.

На разные голоса гудел холодильник, шумела вода в трубах, тикали часы, шелестело дерево за окном, всхлипывала Рита, в подъезде кто-то с руганью поднимался по лестнице. Соседская девочка за стеной упорно разучивала мелодию на пианино. В клетке по-прежнему было тихо.

Надя включила чайник, сложила в стопку на окне разбросанные журналы «Бурда моден», расставила вымытые после завтрака тарелки и чашки: ей надо было чем-то занять руки и дожидаться маминого возвращения.

Она попыталась вспомнить, что читала, но напрочь забыла и название книги, и о чем там было вообще написано. Заходить в комнату к Рите она не хотела.

— Хома, Хома, давай просыпайся... Вставай, просыпайся, рабочий хомяк! — пропела Надя, снова встряхивая клетку. — Ничего, что заболел. Вот придет мама, и мы отвезем тебя к ветеринару. Он тебе поможет.

Она еще раз присмотрелась к хомяку и вдруг поразились, что не заметила этого раньше: вместо Хомки в домике валялась какая-то рыжая пушистая штука, как если бы туда засунули меховой помпон от шапки. Сжалось сердце, похолодело в ногах, а лицо, напротив, бросило в жар. Плечи покрылись гусиной кожей. Все звуки стали далекими, будто в уши попала вода. Та штука в клетке была чем угодно, только не живым хомяком, и надо быть полной дурой, чтобы этого не понять.

Надя поспешно накрыла клетку старым маминым платком, задвинула за кухонный диван подальше от глаз и села за стол ждать маму. Она знала, что, когда мама придет, все станет если не прежним, то по меньшей мере понятным. Мама могла все исправить. Но она ушла на рынок и по другим делам — к портнихе, на маникюр. Она звала с собой дочь, и лучше бы Надя не заленилась, а пошла. Она любила бывать на рынке: там можно попросить у мамы купить кваса, который вкуснее пить не дома, а прямо у бочки. На рынке был целый ряд с книгами, в том числе такими, какие не купить в обычном магазине, и самое интересное место — длинный стол с аквариумными рыбками.

Однажды она увидела среди обиталищ мальков большой круглый аквариум с загадочным существом. Молочно-белое, со странными отростками вокруг головы, с почти человеческими руками, оно смотрело на нее из воды так, словно было разумным и молило о помощи. Продавец сказал, это аксолотль — редкое животное. Надя же поняла, что он все наврал и что это инопланетянин, который попал в плен. Однако она ничем не смогла ему помочь: мама наотрез отказалась покупать «этот ужас» даже в счет подарков на день рождения и Новый год на три года вперед.

Надя грызла всухомятку крекеры-рыбки из вазочки, слизывая с пальцев соленые крошки. Печенье было невкусным, как будто картонным.

Время тянулось долго, словно оно поломалось. Печенье закончилось. Мама не приходила, Рита затихла в комнате. Наде не плакалось и

не думалось ни о хомяке, да и вообще ни о чем. Клетка никуда не исчезла из-под платка, и оттого, что она стояла вон там, между окном и диваном, тело наливалось непривычной глухой тяжестью.

Недавно, незадолго до каникул, с Надей случилось нечто похожее. Она не сделала домашку, потому что впервые за три года не поняла темы, но именно ее вызвали к доске. Она стояла с мелом в руке, и все смотрели на нее: одноклассники, учительница, Лев Толстой с портрета и юноша с фотографии, который пятьдесят лет назад ушел на войну и погиб, и все видели, что она ничего не знает, и были готовы смеяться — ждали только, кто засмеется первым. Надя судорожно глотнула воздуха и пропала; ей не было стыдно или страшно, но она не чувствовала ни живота своего, ни сердца, ни ног. Точно кто-то внутри Нади решил ее уберечь и закрыл ей глаза руками, как делала мама маленькой Наде, если в телевизоре показывали страшное или поцелуи. Надя не помнила, как вернулась на свое место. В памяти остались пятна мела на мятом подоле школьной юбки, ответ «не знаю» на мамин встревоженный вопрос, как же так получилось, и тройка с минусом в дневнике (знак жалости к старательной отличнице), который Надя в первый же день каникул изодрала в клочья.

Рита вышла из комнаты с очень прямой спиной, высоко поднятым подбородком и насухо вытертыми глазами. На ней был ее любимый спортивный костюм, на котором так и было вышито: «*Рита*».

— Вот ты знаешь, — сказала она. — У меня сегодня горе. Но я все равно пойду на тренировку. И все равно я буду улыбаться и танцевать лучше всех.

Она говорила это зеркалу, перед которым ловко сделала высокий хвост на затылке. Потом она прошла в кедах на кухню и посмотрела на накрытую клетку.

— Хороший был, — сказала Рита. — Правда ведь хороший? Другого такого уже не будет. Пушистый, игривый. Такой молодой! Я так его любила... Ты чего молчишь? Ну и молчи сиди.

— Ты не опаздываешь?

— Нет, еще рано. Слушай, — Рита присела перед клеткой, — а вдруг он все-таки спит? Помнишь, бабушка однажды спала так крепко, что мама на всякий случай скорую вызвала? Давай попробуем его вытащить.

Она сняла с клетки платок, просунула руку в дверцу и попыталась вытрясти хомяка из домика. Коснувшись зверька, она отдернула руку, будто ее укусили.

— Не могу я, — пискнула Рита.

Надя засмеялась. Не потому, что ей было весело или смешно. Она просто засмеялась; слов или слез у нее не было, а растерянный смех, похожий на долгое откашливание, сам собой рвался из горла.

Рита коршуном налетела на сестру и сильно толкнула ее.

— Ты совсем бесчувственная, злая! Ты даже не заплакала! — закричала она. — Такая беда случилась, а ты не заплакала! Сидишь себе спокойно! Ты человек или кто? Тебе не жалко его, совсем не жалко!

И меня тебе не жалко! — Навалившись на Надю, она больно колотила ее острыми кулачками куда попало. — Так нечестно, нечестно! Я все расскажу маме!

Надя, вывернувшись, что есть силы схватила Риту за волосы, саданула в подбородок. Обе скатились с дивана под стол. Надя ударилась переносицей об угол стола, и от боли из глаз брызнули слезы.

Рита первой выпрямилась и отдышалась.

— Если бы я могла выбирать себе сестру, я бы никогда тебя не выбрала, — сказала она.

— И я бы тебя не выбрала, — ответила Надя из-под стола, зажимая сочащийся кровью нос. — Если бы я тебя увидела заранее, я бы вообще передумала родиться.

— Можно подумать, мне не все равно! — сказала Рита уже за дверью.

— Можно подумать, мне не все равно, что тебе все равно, — буркнула Надя.

Увидев в окно, как Рита выбежала из подъезда, Надя выдохнула почти с облегчением. Она прижимала к носу платок, пока кровь не остановилась. Потом умылась холодной водой, пригладила мокрыми ладонями всклокоченные волосы и долго сидела на краю ванны, глядя, как течет вода, как если бы ей надо было идти в школу, а она еще не проснулась.

Она прошлась по квартире и открыла все окна, впуская свежий воздух. Можно было бы выйти во двор, однако Надя боялась прозевать маму. Она позвонила двум подругам — никто не снял трубку. Тогда она включила телевизор, не выбирая канал, и под тихий бубнеж заправила их с Ритой кровати, сложила книги в шкаф, составила стопками кассеты. Ветер кружил по квартире тополиный пух, шелестел листьями Ритиных песенников и анкет, брошенных на столе. Простые действия, которые обычно приходилось делать из-под палки, дарили ощущение покоя.

Дважды она сдергивала с клетки платок: ей чудилась там привычная возня. Как ей ни было неприятно, но она вынула поддон клетки, осторожно отставив в сторону домик хомяка, и поменяла мерзкую промокшую газету на новую, на всякий случай налила в поилку свежей воды и выбросила ржавые куски старого яблока.

Пока она прибирала в клетке, ей вспомнилось, как на Новый год Рита выпрашивала у мамы в подарок кошку, морскую свинку, да хоть черепаху, как утром под елкой они с восторгом нашли хомяка в клетке, как бабушка, закатив глаза, выговаривала маме: «Угробят мышь! Как пить дать! Им же нельзя ничего поручить!»

Девочки, счастливые, весь праздник провели в обнимку с клеткой. Они нарезали на тонкие ломтики зеленое яблоко и поочередно совали их между прутьями, а хомяк торопливо уничтожал их, придерживая крохотными ручками. Потом он прикусил Рите палец до крови, та обиделась и сказала, что никогда в жизни любить его не будет и что, вообще, она хотела хомячка белого и доброго.

Впрочем, как и предвещала бабушка, они довольно быстро наигрались, хомяк им поднадоел, и жизнь его стала спокойной и размеренной. К тому моменту он успел пережить путешествие по ванне в уютной лодчонке, дефиле в кукольных платьях, пеленание, полет в космос в старой фетровой шляпе с приземлением на кровать и прочие обряды, обычные для зверька, ставшего детским подарком.

Когда его терпение кончалось, хомяк больно кусался. Если рядом оказывались взрослые, ранку прижигали йодом и заставляли промывать водой, заряженной через телевизионный экран экстрасенсом Чумаком. Бабушка не сомневалась, что эта вода может помочь от любой болезни, потому что так сказали по телевизору умные люди. Воду она запасала впрок. В ее квартире целая полка в кладовке была заставлена банками всех размеров, в гости она приходила навьюченная, как ишак. Мама вроде бы смеялась, а вроде и верила — при всякой болезни вода на всякий случай подносилась как еще одно лекарство. И Рита, и Надя верили в чудеса и пили целебную воду медленно, после каждого глотка прислушиваясь к изменениям в организме.

Теперь Надя достала из шкафа трехлитровую банку с живой водой, завернутую в наволочку, и снова поменяла воду в поилке. Затем она вылила пару стаканов в ковшик, а, чтобы было незаметно, в банку долила воды из-под крана и поставила ее на место. Зажмурившись, Надя вытщила хомяка из домика. Ладонь ее сжимала что-то пушистое и даже теплое, только твердое. Это существо еще вчера было шустрим и любопытным, а сегодня стало вот таким. Ощущение в руке было совершенно противоестественное. Как будто держишь вещь — но не вещь — но и не живое. Хотелось швырнуть это на пол и убежать в другую комнату.

— Это что же — из-за того, что я тебя вчера уронила? Не может быть! Ты ведь даже не пискнул, ты после бегал по клетке как ни в чем не бывало! Я не виновата, правда ведь не виновата?

Надя положила Хомку в ковшик и села с ним на старый чемодан в кладовке, прикрыв дверь. На голову ей свисали пальто и плащи, потеснившие в угол вытертую кроличью шубу, и пахло пылью, средством от моли и старой бумагой, как в библиотеке. Надя любила кладовку, хотя однажды Рита, разозлившись на нее за что-то, заперла ее здесь на три часа и ушла гулять.

Хомяк не шевелился. Он безучастно лежал на дне — промокший, бесполезный клочок меха. Надя бросилась с ним в ванную и сквозь слезы, глядя и успокаивая, сушила его маминым феном, чтобы никто не спрашивал, почему он насквозь мокрый и почему она такая глупая. В одной руке держала Хомку, в другой — фен и все ждала, что вот-вот стукнет ей в ладошку крохотное хомячиное сердечко.

Мама осторожно взяла зверька в руки. На ее ладони он выглядел совсем маленьким и неживым. У Нади засосало под ложечкой.

— Как ты думаешь, ему ветеринар поможет? — безнадежно спросила она.

— Я не знаю, — ответила мама, осторожно перевернула хомяка на спинку и пальцем погладила его по животу. — Видишь же сама, как он сильно заболел. Бедный. Как же ты с ним играла?

— Я с ним вообще сегодня не играла. Мы утром подошли к клетке, чтобы прибраться у него, а он вот. Рита говорит: не дышит! А мне кажется, что дышит. Рита плакала очень сильно.

— Где она?

— На тренировке. А я тебя ждала.

— Почему же он будто мокрый? — спросила мама, поглаживая меховой комок.

— Мы решили, что ему плохо, и я тогда водой на него побрызгала. Думала, вдруг очнется, — еле выговорила Надя. — Мы отнесем его к врачу?

Мама подумала и ответила:

— Да, я отнесу. Ты дома оставайся. Жди Риту. Только ничего не говори бабушке.

Они нашли какую-то картонную коробочку, прорезали в крышке дырки, чтобы хомяк мог дышать. Надя постелила на дно носовой платок для мягкости и уюта, а поверх еще свою старую рукавичку, погладила на прощание маленькое пушистое тельце, и мама с коробкой уехала к ветеринару.

— Возможно, я надолго, — предупредила она. — Сварите сами пельмени.

На третий день хомяк вернулся из больницы домой. Болезнь изменила его до неузнаваемости. Он больше не шел в руки и страстно желал вырваться на волю. Казалось, что в его жизни появилась миссия — совершить побег. По ночам он висел на прутьях и без усталости грыз их, словно пытался перепилить зубами. Несколько раз он, действительно, сбежал из клетки, сбив крючок, и становился причиной большого переполоха и внеплановой уборки за шкафами.

И еще: около хвоста у него появилось крохотное белое пятнышко. Почти незаметное. Рита и Надя, не сговариваясь, ни о чем не спрашивали маму. У них теперь была новая тайна — маленькая, с хомячиное сердечко.

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

«ОТПУСТИ МЕНЯ, МА...»

* * *

Вслед за ливнями-грозами —
лета душный конвой.
У дрозда в клюве розовый
червячок дождевой.

Буйной зелень объявлена,
каждый листик — остер.
Осыпается яблоня —
поцелуев шатер.

Ночью ветер уляжется,
тайну чью-то храня.
Все пристроены, кажется,
в этой жизни... А я?

* * *

Бумаженции, квитанции, штрафы, счета
неоплаченные... и цветные рекламки.
Даже печку не протопить! Ни-ще-та.
И благодарность Минкульта
в хорошей такой
деревянной рамке.

Самолет Владивосток — Москва

Серебряною полоской
блеснул океан вдали.
Земля показалась плоской
взлетевшим с круглой Земли.

Заоблачные просторы
клубятся внизу, внизу...
Мелькнет ли в прорехе город,
заученный наизусть?

Сибирь. Середина марта.
Подробно легла Земля
штабную секретной картой.
У края — звезды Кремля.

Но кажется мир бесконечным,
кружащимся, полным любви,
крошечным человечкам,
взлетевшим с плоской Земли.

* * *

Кони дремлют.
На сегодня свое отработали.
Божьи твари:
скакуны горячие, старые клячи.
Кони дремлют,
позвякивая боталами...
Петр перебирает ключи,
не иначе.

* * *

Притулиться да забыться
без тебя — не важно, где...
Фонарей пустые лица
поклонились темноте.

Листопадный, скоморошный,
только ветер заберет
моего дыханья роскошь,
губ моих имбирь и мед.

Вот и место для ночлега
в лодке осени нашлось...
Равнодушно светит Вега
ребра ивовые сквозь.

Август

Перед грозой — тяжелый
воздух рябит, рябит,
вжиком стрижей прожженный,
ржавчиною рябин.

Дачным пропитан потом:
«Давайте за урожай!»
Над горячим капотом
свистнули: «Проезжай!»

Выжат сезон. Спрессован.
Калиточка на замок.
А где-то гремит засовом
лето. И лес промок.

* * *

Зацелованное, пылает твое плечо,
Влажно пахнут солью-печалью дебри волос.
Не разбудить бы! А по полу — сквознячок.
А жизнь — под откос.

* * *

Научите меня расставаться легко,
трудно вам разве,
травы,
волнисто текущие через
полусогнутый локоть холма.

Отпусти меня, ма...

Денис СОБОЛЕВ

ИСПЫТАНИЕ ТАЙГОЙ

Р а с с к а з ы

Вовка Родео, или Почти ковбой Мальборо

Охотник Вова был неважный. Прямо скажем, отвратительный. Настолько, что звери в лесу по случаю его приезда устраивали массовые пьянки и вообще всячески выражали свою радость от встречи с ним. Однажды даже шкуру медвежью подарить хотели, но не смогли медведя уговорить.

А Вова очень хотел быть хорошим охотником, опытным и удачливым. И по этой причине всячески старался напроситься с нами на охоту, или просто в тайгу... или ну хоть куда-нибудь. Как только в нашем тесном коллективе начинались разговоры про очередную экспедицию, Вова тут же волшебным образом узнавал об этом и объявлялся с вопросом: «Ну что, когда выезжаем?» Мы эту его способность вычислили давно и уже не пытались уехать без него. Однажды, когда Вовка заболел и остался дома, мы всю охоту чувствовали себя обделенными.

Дело в том, что Вовка был катастрофически, неисправимо криворук. Так вообще-то не бывает, но с ним было. За что бы он ни брался, из всего получалась какая-нибудь невероятная ерунда.

Однажды мы отправили его за сушняком для костра. Приехали на утиную охоту на несколько дней, выбрали хорошее место и начали табориться. Казалось бы, ну чего проще — набрать валежин и стаскать их к кострищу...

Первые подозрения возникли, когда мы услышали мерное тюканье топора с той стороны, куда жизнерадостный Вовка умчался чуть ли не вприпрыжку. Он всегда очень радовался, когда оказывался в тайге. Нет, мы все радовались, но так искренне и по-детски только он умел. И вот мы разбиваем лагерь и со все возрастающим волнением прислушиваемся к стуку Вовкиного топора. Что он там рубит-то?

Ответ пришел довольно быстро. Раздался громкий скрип, шум падающего дерева — и дикий многоэтажный мат. Не сговариваясь, мы рванули в ту сторону. Открывшаяся картина выглядела как небольшой апокалипсис. Вовка, раскинув руки, лежал на спине и стеклянными глазами смотрел в стылое осеннее небо. Топор валялся в паре шагов от него. Большая раскидистая береза накрыла пожелтевшей кроной табор по со-

седству с нами, снеся палатку, уронив стол и зацепив нарядный джип. Хозяева этого добра громко и цветасто описывали умственные способности нашего товарища, пытаясь выбраться из-под ласково шелестящих ветвей.

— Вовка, живой?! — Мы бухнулись на колени возле товарища и принялись его торопливо осматривать.

На подбородке горе-лесоруба наливалась густым фиолетовым колесом шишка, глаза были в расфокусе.

— Ж-живой вроде... — прохрипел Вовка и попытался сесть.

Мы, успокоенные, рванулись к мужикам — помогать. Пострадавших там, слава богу, не было: береза, падая, тормозила, цепляясь кроной за стоящие рядом деревья. Все время, пока мы устраняли последствия Вовкиной эскапады, он сидел под почти облетевшей уже черемухой и приходил к себя. Закончив восстанавливать лагерь, мы все вместе подошли к Вовке:

— Ты зачем березу свалил?!

— Ну, я это... дрова же... — Вовка затравленно смотрел на нас, вышавшихся над ним тесным строем. — Ну а чего их по всему лесу собирать? А береза... она же горит хорошо... — закончил он севшим голосом.

— Она живая! — Один из охотников, тоже Вовка, гневно указал на пышную золотую крону. — Зачем живую березу на дрова, чучело?!

— Ну, ты это... зачем сразу чучелом-то? Ошибся парень, бывает. — Я вступился за товарища, хотя те же вопросы вертелись у меня на языке. Мы своих в обиду не даем, так что нечего.

— Ошибся?! — продолжал бушевать Вова-охотник. — Ошибся? Зеркало на джипе снес и весь бок ободрал!

— Оплатит, не переживай. Живые все, и слава богу!

В разговор вступил второй охотник, здоровенный мужичина с руками, похожими на совковые лопаты:

— Я думал, он не выживет. — Он кивнул на нашего Вовку. — Когда береза пошла, он ее оттолкнуть пытался, дурень. Ну, она комлем ему и сыграла — он метра на два подлетел точно! Как голова не отскочила?

В общем, с теми охотниками мы замирились, и охота тогда удалась. Вовке, правда, ружье не дали. На всякий случай.

Но как-то учиться охоте ему все же было надо, и мы брали его с собой в тайгу на рябчика и косача. И под моим чутким руководством он смог-таки добыть первого в своей жизни рябка. Правда, и тут без казуса не обошлось.

Приехали мы на зимовье в Верхнекетском районе Томской области. Конец сентября, лист уже упал, тайга прозрачная стоит и такая предзимняя, умиротворенная. Первый день у нас пролетел как птица. Не успели оглянуться, а уже густые осенние сумерки упали на тайгу, скрыли очертания деревьев.

В углу тихо гудит буржуйка — настоящая, чугунная. Ох и намучились мы с ее доставкой сюда! Но оно того стоило. Протопишь хорошенько, и сутки тепло держится. В совсем уж лютые морозы разок ночью подкинешь пару полешек — и спи себе дальше.

Вечер. На столе у маленького слепого окошка шипит масленка, тихо скрипит помехами приемник. Мы обсуждаем завтрашнюю охоту. Вовка с

горящими глазами вертит головой, слушая то одного, то другого. Он уже мыслями там, в тайге, бродит с ружьишком, ищет своего рябчика. Я сижу у стола, Леха валяется на нарах. Вовка притулился в углу, в глазах — просто детский восторг и нетерпение. Взрослый мужик вроде, а гляди ж ты... За эту вот открытость жизни мы его и любим, дорожим дружбой. Какой бы он нескладный ни был, а человек хороший, наш.

Разговор неспешный, размеренный. Куда спешить? Ради таких вечеров мы и едем в тайгу, в зимовья, — когда вот так сидишь с друзьями, планируешь охоту или просто травишь байки. Пахнет табаком и свежеструганными досками — подновили дверь, — ружейной смазкой и чаем со смородиной. И порохом. Днем из ружей постреляли, вечером почистили. Такие простые и важные дела, такие любимые заботы...

Утром, наскоро позавтракав, отправились на поиски рябчика. Рябков здесь что голубей в городе — много. Знай только, как подойти, и без трофея не уйдешь. Вовка не знает, поэтому мы с ним в паре в одну сторону пошли, а Леха — в другую. Я решил поднатаскать друга на манке да на подход. Отошли от зимовья подальше, остановились. Я достал из-за пазухи висящий на шнурке дедовский еще манок, латунный, звонкий. Посвист — и слушаем, выжидаем. Потом еще. Переход — и снова маним.

И вот он, долгожданный ответ! Замерли, ждем. Свистнули — рябок ближе отозвался. Перелетает к нам, значит. Вовка уже весь трусится от нетерпения, глаза горят, руки ружье тискают. Я его руку сжал: тихо, мол, не суетись, — а сам снова маню.

И вот рябчик выпорхнул на сосновую ветку метрах в десяти от нас. Уселся, голову набок склонил и смотрит. Он — на Вовку, Вовка — на него...

— Стреляй! — не разжимая губ, прошипел я.

— Ага. — Вовка кивнул и медленно-медленно начал поднимать ружье...

«Уйдет», — подумал я. И не ошибся. Рябчик только что под ноги не сплюнул, сорвался с ветки и, петляя, умчался вдаль. Вовка сдуру пальнул ему в угон. Не попал, конечно.

На него было жалко смотреть: глаза полны обиды, губы зло сжаты.

— А чего он? Я ж даже ружье не поднял! Как его стрелять-то?!

— Не горюй, Вовка. Тут рябчиков много. Если этот своим не расскажет, возьмем трофей.

Вовка посмотрел на меня с таким непониманием во взоре, что мне стало стыдно: ну нельзя же так с человеком...

Следующего рябчика даже манить не пришлось — он вылетел прямо перед нами, уселся на пень и уставился на нас так нагло, что я даже немного смутился: мы, наверное, на его территорию посмели зайти. А вот Вовка не растерялся. Не тратя время на размышления, он вскинул ружье и жажнул из обоих стволов! Отдача чуть не вырвала ружье у него из рук, я от дуплета над самым ухом частично оглох. Кажется, рябчика разнесло в пух и перья, но нет. Он лежал сразу за пенечком, сметенный туда, как мне думается, ветром от пролетевшей мимо тучи дробы. В голове его зияла маленькая аккуратная дырочка. Из всего заряда в него угодила ровно одна дробинка... Ну Вовка, ну ювелир!

Надо ли говорить, как счастлив был Вовка? Его глаза светились торжеством, он едва не пустился в пляс. Да и я, честно признаться, очень был рад за друга.

Вечером мы торжественно варили из Вовкиной добычи похлебку. И надо было видеть, как он, теперь уже охотник, блаженно щурится, слушая, как мы нахваливаем немудреную еду...

С той поры много воды утекло, Вовка успел побывать на паре десятков разных охот и даже добыл целую утку. Правда, была она подсадной и Вовку чуть крепко не побили, но подстрелил-то он ее честно!

Теперь главной Вовкиной мечтой стало добыть лося. Ни много ни мало. Уверовал наш друг в себя страшно, даже готов был сойтись с сохатым один на один. И случилось так, что мы в очередной раз отправились на охоту в томскую тайгу, на самый север — в Васюганье. Лося в тех краях много, и Вовка об этом знал: слышал от наших васюганских друзей рассказы про охоту на таежного исполина, да и котлеты из сохатого там всегда были на столе.

Особенно Вовку впечатлила занимательная история местного егеря Иваныча об охоте на лося вплавь. Идешь, мол, на лодке по реке, а поперек сохатый плывет, только рожищи над водой и видно. Догоняешь его на лодке, на рога ему веревку петлей — и тянешься за ним. А уже у самого берега догоняешь, ножом по горлу раз — и готово! Выходит лось на берег и падает. Ты его спокойненько разделяешь, в лодку грузишь — и домой.

Слушал Вовка тот рассказ, и губы его шептали, повторяя за Иванычем подробности охоты. Мы тогда на это особенного внимания не обратили. А зря!

...Ясное октябрьское утро. Идем двумя лодками по Кети. От воды тянет холодом, и мы плотнее кутаемся в теплые куртки, стараемся курить в покрасневшие ладони. Река спокойная, стылая даже на вид. Вовка с Иванычем идут в первой лодке, мы с Лехой следом. Лодки полны хабара, поэтому и вышли двумя моторами.

Тут Иваныч сходит с курса и забирает правее. Там меляк, я точно знаю! Что он делает-то?..

Вовка вдруг встает в лодке, облакачивается на ветровик и напряженно смотрит куда-то вперед. Что там? Я тоже привстаю, пытаюсь разглядеть...

Лось! Плывет, неся над водой массивные рога, и быстро плывет. Все как Иваныч рассказывал. Я понимаю, что Вовкина мечта о добыче сохатого готовится осуществиться прямо сейчас.

— Вовка, не надо! — ору, перекрикивая рев тридцатисильной «ямахи» и срывая голос.

Но Вовка меня не слышит. Он судорожно шарит по тюкам, пытаюсь отыскать там прочный капроновый шнур, который мы привезли Иванычу.

— Иваныч, ну ты-то, а! — Я не оставляю попыток воззвать к разуму товарищей.

Но тщетно. Вовка нашел-таки злосчастный шнур и торжествующе потрясает им над головой.

— Леха, наддай, родной! Их догонять надо! — Я умоляюще смотрю на друга, и тот переводит рукоятку акселератора вперед до упора.

Но это нам не особо помогает: движки и лодки одинаковые, но на Вовкиной лодке хабара чуть меньше, и они с Иванычем чуть легче...

Пока мы мчимся за ними на всех парах, Вовка уже пытается завязать петлю. У него явно ничего не получается, он размахивает руками и ругается. Мы этого не слышим, но отчетливо видим. Наконец Иваныч вырывает у Вовки шнур и вяжет сам, а Вовке отдает руль. Я зажмуриваюсь, опасаясь самого худшего. Наш друг не зря носит за глаза прозвище Криворукий, ой не зря...

Обошлось. Иваныч увязал-таки петлю наподобие лассо. Азарт охватил старого опытного егеря, и он теперь пытается втолковать Вовке, как половчее к сохатому подойти. Не на того напал! Вовка отрицательно мотает головой и требует петлю. Как же! Это ведь его мечта.

Вот наконец Иваныч сдался и протянул шнур горе-охотнику. Вовка с видом ковбоя из старых вестернов крутит над головой лассо, покрикивая на Иваныча. Мы с Лехой орем уже в два горла, пытаясь предотвратить неминуемое... Без толку.

Наши товарищи уже поравнялись с лосем, и Вовка метнул веревку... Мимо! Мимо!

Лось загребает копытами быстрее, бешено кося глазом в сторону лодки с двумя сумасшедшими. Он явно не понимает, что им надо. Вовка не сдался, торопливо машет руками, выбирая веревку из воды. Берег совсем близко, еще десяток метров — и лось встанет на дно, тогда шансов не останется! Я уже понимаю, что сейчас будет, но горло сорвано, и я могу только сишло материться.

Вовка принимает киношную позу, раскручивает петлю над головой и бросает, далеко наклонившись вперед... Есть! Петля захлестнула правый рог! Вовка торжествующе орет, улюлюкает, но Иваныч одергивает его, тычет пальцем в сторону носа лодки: вяжи сюда!

Вовка бросается вперед, быстро приматывает шнур к причальной петле и сразу возвращается назад. Рука его тянется к ножнам, на губах играет кровожадная улыбка... Эх, Вова, видела бы тебя твоя жена...

В этот самый момент лось наконец достигает мелкого места, ноги его касаются дна, и он рвет в спасительную тайгу! Вовкин план зверски вскрыть лосю горло разваливается на глазах. Иваныч уже понял, что дело пахнет керосином, и пытается дать задний ход, но поздно. Могучий таежный великан выбирается на берег и, не сбавляя хода, ломится в гущину прибрежных зарослей.

Лодка, естественно, тянется следом. Дикое завывание движка, громкий щелчок, треск — и двигатель остается на прибрежном песке.

Иваныч с дикими глазами вцепился в руль и орет на Вовку:

— Веревку режь! Режь веревку!

Но Вовка, как замороженный, смотрит вперед, схватившись руками за ветровик. Его можно понять: человек впервые на моторке по тайге катается.

Еще мгновение — и лодка встречается с пнем. Гулкий удар, Вовка рыбкой вылетает в северном направлении, Иваныч втыкается головой

в ветровик, вынося плексигласовую пластину. Рывок — и кусок лодки уходит в тайгу вслед за сохатым. Весь хабар разлетается по берегу.

Мы причаливаем, выскакиваем на берег и бежим к потерпевшим. Иваныч хрипит, хватая ртом воздух и сипло матерится. Вовка ошалело крутит головой, глядя вслед лосю. Его мечта ушла в тайгу, вот и горюет парень... Так подумали мы, но ошиблись.

— Там... там патроны в носу... лось забрал...

— Чего?!

М-м-мать! Рюкзак с патронами спрятали от влаги в носовую банку! Лось с ней в тайгу и ушел.

Мы метнулись к лодке, схватили ружья и бегом за лосем, догонять. Без патронов здесь делать нечего, можно домой ехать...

Нос от лодки мы нашли метров через триста: он застрял между двух сосен и могучий зверь порвал шнур. Слава богу! Стащили все к нашей посудине, оставили Вовку с Иванычем сторожить хабар и погнали лодку к зимовью — за раз все имущество назад не перевезти...

Вовка с тех пор носит еще одно прозвище — Родео.

Чара

Он очень любил лыжи и таежную тишину и до зимовья обычно добирался своим ходом. Чара, его собака, полностью разделяла эту любовь. Да и как иначе: Чара — маламут, любовь к тайге у нее в крови. Всякий раз, когда хозяин собирался на зимовье, она заранее угадывала это своим удивительным собачьим чутьем и все оставшиеся до выезда дни с нетерпением заглядывала ему в глаза.

В этот раз готовились к выезду дольше обычного — хозяина не отпускали дела, — и, когда он наконец загрузил в машину все необходимое, счастью Чары не было предела. Она радостно прыгала вокруг и порывалась помогать, толкала лбом в бедро и прикусывала пальцы, всячески торопя отъезд.

Когда машина помчалась по трассе на север, Чара устроилась на своем законном месте, справа от человека, и сосредоточенно смотрела вперед, вывалив розовый язык и обнажив в улыбке верхковые клыки.

Ехать им предстояло часов десять, не меньше, и то если погода останется такой же ясной и не налетит вдруг метель. Целью их путешествия была затерянная в тайге деревенька в пару десятков дворов, где только старики и остались. На лето приезжают к ним дети, привозят внуков, и деревня наполняется радостным гомоном. Но зима — стариковское время...

С Михалычем Иван познакомился три года назад, когда в очередной раз приехал на осеннюю рыбалку. Шумных компаний он не любил и старался вырваться в такие места в одиночку. Неделя на берегу пустынной в здешних местах реки, когда на пару десятков километров вокруг, кроме тебя, нет никого, — верх блаженства. Поначалу, конечно, было страшновато вот так нырять в тайгу без компании, но со временем Иван убедился: тайга не любит шума, а компания не умеет хранить тишину.

Михалыч вышел к его стоянке беззвучно, просто вдруг возник из темноты. Бросил к костру добрую охапку дров, поздоровался и уселся рядом, поставив перед собой выцветший брезентовый рюкзак. Небольшая лайка быстро обнюхала Ивана и улеглась на самой границе круга света.

— Меня Иван Михалыч зовут, но привычнее просто Михалыч, — заговорил гость, вынимая из рюкзака нехитрые припасы: банку домашней тушенки, буханку хлеба, пяток вареных яиц, луковицу и несколько запеченных картофелин.

— И меня Иваном кличут, — Иван улыбнулся и протянул Михалычу кружку с ароматным чаем.

Тот с удовольствием сделал большой глоток и блаженно сощурился:

— Добрый чай варишь, тезка. Ужинал?

— Да вот только собрался.

— Ну тогда я к столу, да с тушенкой из сохатого. Недавно бычка взял, пудов на двадцать. — Михалыч открыл банку, напластал хлеба толстыми ломтями и принялся выкладывать на них тушенку. — А ты пока вон яички почисти...

Иван быстро очистил яйца и луковицу, снял с тагана котелок с густой наваристой похлебкой и выставил перед Михалычем. Тот потянул носом и довольно крякнул:

— Ох и душистое варево!

За ужином Михалыч расспрашивал Ивана о последних новостях:

— Что в мире-то делается? Газет у нас тут нет, электричество на три часа только дают... Да я телевизор и не смотрю — некогда.

Иван обстоятельно рассказал все, о чем помнил из новостей. Сам он тоже телевизор не жаловал.

Уже когда пили чай, Михалыч спросил:

— А чего это ты, Ваня, в тайге без собаки? Не страшно? Медведей у нас ох как много, и не все они в зиму сытыми идут. Рискуешь.

— Да к огню, поди, не выйдет. Ну и есть чем приветить, если пожалует.

— Это еще суметь надо — приветить-то! — Михалыч с сомнением посмотрел на Ивана.

— Сумею. — Иван усмехнулся, и усмешка вышла жесткой.

Помолчали, провожая день. Михалыч скормил своей лайке остатки ужина и принялся обустроить себе место для ночлега.

— Давай в палатку, Михалыч! Места в ней много.

— Я лучше у костра, привык уж. Ночью сухо будет. А палатки ваши — баловство одно.

Иван пожал плечами и полез под палаточный полог: его ждал ранний подъем...

Утром Михалыч сказал, прощаясь:

— У меня зимовье недалеко отсюда, я как раз туда сейчас иду. А живу в деревне, в Соколовке. Знаешь такую? На излучине стоит.

— Знаю. На лодке часто мимо хожу. Там еще магазин прямо на берегу.

— Точно. Так ты это... в гости заезжай, если рядом случисься.

— Хорошо. — Иван улыбнулся и крепко пожал новому знакомцу руку.

С тех пор он часто бывал у Михалыча — и осенью, и зимой. Старик жил один и Иванову обществу был искренне рад. Да и сам Иван к Михалычу тянулся: дед оказался мудрым, бывалым таежником и своим опытом охотно делился.

Именно Михалыч уговорил его взять собаку, за что Иван ему был безмерно благодарен. Чара внесла в его жизнь много нового, но самое главное — она стала ему другом, преданным, настоящим.

В этот раз добрались до Соколовки ближе к ночи. Михалыч уже напарился в бане и пил чай, глядя в окно. Фары Иванова внедорожника он заприметил издали и вышел открыть ворота. Чара выскочила из машины, радостно покрутилась вокруг Михалыча, обнюхалась с Тайгой, Михалычевой лайкой, и устроилась у крыльца. С дороги Иван долго париться не стал и через час уже спал крепким здоровым сном.

Он хотел выдвинуться к зимовью поутру, но нашлись дела в деревне — перебирали старенький «буран» Михалыча. Когда он наконец затарахтел, старик предложил, вытирая руки ветошью:

— Давай подброшу тебя, чего ноги бить. Провозился со мной, время потерял...

— Нет, Иван Михалыч, я пешочком. Знаешь ведь, люблю лыжи. Да и Чаре в радость по тайге пробежаться.

— Добрая собака, таежная. Ладно, — Михалыч вздохнул. — Раз решил идти, не тяни. В темноте по лесу ходить, сам знаешь...

Яркое солнце искрится на снежной белизне, заставляя щуриться, прозрачный воздух звенит от морозца, весело тенькает какая-то птица, в глубоком синем небе — ни облачка. Хорошо в тайге! Лыжи тонко посвистывают на бегу, где-то цокает белка. Строгие тени от красноствольных сосен скользят по синеватому снегу, отмеряя путь солнца и заставляя поторапливаться. Скоро незаметно наступят сумерки, а там и ночь. Зимой это быстро: не успеешь оглянуться, а черное небо уже усыпано колючими звездами.

Иван бежит по тайге то размеренно и ровно, то скатываясь в неглубокие балки и взбираясь по крутым заснеженным склонам. Чара поспешает рядом, иногда убегая вперед и скрываясь за заснеженными кустами. Но каждый раз она возвращается, заглядывает хозяину в глаза, будто поторапливая.

И вот наконец зимовье — крепко сбитая, ладная приземистая избушка с маленьким слепым окошком и открывающейся наружу дверью. Чуть в отдалении крохотная банька, вдоль нее под навесом уложены хорошо просушенные дрова. Внутри зимовья широкие нары у дальней стены, в углу буржуйка, у оконца грубый деревянный стол с парой табуреток. Под потолком в бревна вбиты большие гвозди, на которых висят пучки трав, мешочки с крупами и прочая мелочовка. На полке в дальнем от входа углу выставлены банки с консервами, бутылка масла. На столе — тщательно перемытая посуда и лампа «летучая мышь».

День клонился к закату, по тайге растеклись чернилами густые сумерки, над головой разлилась тишина. Иван быстро растопил печь, и совсем скоро она загудела, постепенно прогревая стылый воздух. Набил котелок снегом и поставил на печь рядом с уже стоящим там закопченным чайником, бросил Чаре половину буханки хлеба и принялся чистить картошку: полдня шел на лыжах, теперь очень хотелось похлебать чего-нибудь горячего...

Ночь раскинула над тайгой черные, усыпанные звездами крылья. Иван вышел из зимовья, вдохнул полной грудью вкусный морозный воздух и счастливо улыбнулся: именно за этим он сюда и приехал. Чара выскочила следом и теперь всюю каталась по снегу. Иван присел на корточки, потрепал ее по загривку:

— Что это ты, подруга, в снегу кувыркаешься? Никак буран будет?

Глянул на чистое ночное небо, пожал плечами и пошел спать.

Утро выдалось тихим и ясным, мороз чуть ослаб. Иван занялся готовкой на улице. Распалил костер пожарче и затеял свою любимую похлебку. Дел у него никаких не намечалось, торопиться было некуда. Вот наварит похлебки, растопит баньку и пойдет в тайгу — просто побродить, подышать воздухом, посмотреть на текущую вокруг жизнь. Вдруг повезет с глухарем встретиться? Иван мечтал увидеть глухаря. Почему-то эта большая птица всегда вызывала у него трепет своей мощью, гордой красотой и какой-то... древностью. Он всегда считал именно глухаря хозяином тайги, ее патриархом. В детстве заслушивался дедовыми историями про глухариные тока, про встречи с этой птицей, мечтал и на ток попасть, и просто в тайге увидеть. Нет, стрелять бы он не стал — зачем? Да и как можно такую красоту губить!

Иван как-то сказал об этом деду, и тот, сурово сдвинув брови, ответил:

— Что глухарь, что рябчик — не важно. Любая птица в тайге красивая. Так что, если ты охотник — добывай птицу. Или уж тогда никого не стреляй. А если все же добываешь — знай время и место, не иди поперек природы.

Слушал маленький Ваня деда и головой кивал, но про себя все равно решил, что глухаря стрелять не станет...

Вкусный, тонкий синий дымок вертикально поднимался над потрескивающим костром, булькал котелок, и над поляной перед зимовьем разносился умопомрачительный запах мясной похлебки. Как называется эта похлебка, Иван не знал, да и не могло быть у нее названия, — он сам ее придумал и готовил каждый раз, когда выбирался в тайгу. Чара кого-то облаивала неподалеку от зимовья, но Иван не спешил идти на зов: лай был азартный, но не означал ничего серьезного. В единственную свою встречу с медведем Чара лаяла истступленно, ярость клокотала в ее груди, да такая, что и Ивану передалось тогда ее возбуждение. А сейчас... белку, может, приметила и лает. Не дело, конечно, вот так самой убежать, бросая хозяина, но все же не охотничья она собака, да и он не охотник...

Иван вздрогнул, когда невдалеке от зимовья на поляну вымахнул сохатый. Огромный, на высоких ногах, горбатый, он бешено вращал

глазами. Иван схватил ружье — и застыл, не зная, как поступить. Стрелять? Зачем? От голода он не страдает, а убивать просто так... Да и не был он уверен, что сможет убить лося.

Следом за сохатым, увязая в глубоком снегу, с лаем выскочила Чара, и лось сорвался с места, скрылся в заснеженной тайге.

Иван свистнул, подзывая Чару, и та тут же вернулась к зимовью. Подошла, ткнулась носом в хозяйскую ладонь, виновато лизнула пальцы и устроилась у костра, положив морду на вытянутые лапы и приняюхиваясь к витающим над поляной чудным запахам.

Пока варилась похлебка, Иван растопил баньку. Жар она набирала небыстро, но потом и не остывала до самого утра. Банька маленькая, с низким потолком, — что для Ивана, с его ростом, делало помывку отдельным приключением, — но зато ароматная и пар в ней всегда легкий.

Сходил на родник, проломил ведром тонкий ледок, набрал воды. Несколько ведер ему за глаза хватало. Вода в роднике вкусная-вкусная, мягкая, он каждый раз вез домой флягу. А сейчас встал на колени, разогнал ладонью льдинки и принялся пить мелкими глотками. Ледяная, аж зубы ломит и голова болеть начинает, но оторваться не мог, пил и пил. Потом набрал большую миску для Чары и пошел проверить баньку...

Провозился до обеда. С удовольствием поел похлебки, напился чаю, подпер дверь бани, чтобы не открылась случайно, встал на лыжи, закинул за плечо ружье — и в путь. Шел без особого маршрута: здешние места им исхожены вдоль и поперек, каждую елку знает. Михалыч рассказывал ему, что неподалеку видел и глухаря, и тетерева, и Иван решил во что бы то ни стало их найти.

Широкие лыжи легко скользили по плотно слежавшемуся снегу, Чара бежала по нему не проваливаясь. Создавая удивительное светлое настроение, звонко пересвистывались какие-то птахи, названия которых Иван не знал. Хотелось, как в детстве, кричать от радости и бежать быстрее ветра, так было хорошо! Иван шел и шел, подмечая разные следы на белоснежном покрывале. Вот клест шишку бросил, выбрав все до единого семени, а вот заячий след, свежий совсем. Чара пошла было по следу, но Иван ее отозвал — стрелять косога он не хотел. Он вообще не собирался стрелять, хотел просто бродить и наслаждаться этой красотой. Он будто в сказку попал, и разрушать ее было жаль.

Сосны уступили место белоствольным березам, заросшим блестящим на ярком солнце куржаком, и от этой красоты захватывало дух. А вот и след давешнего могучего лося — размашистый, отпечатки копыт размером с хорошее блюдо. Невероятный зверь, сильный и красивый, грозный противник кому угодно. Копыта у лося заостренные, и взрослый бык одним ударом ноги способен снести небольшую сосенку толщиной в руку взрослого мужчины. А вот и лежка косуль, небольшой их табунчик здесь отдышал...

И вдруг, подняв глаза, Иван увидел метрах в двадцати от себя сидящего на березе смоляно-черного тетерева!

Иван остановился. Присел на покрытую снегом валежину и стал наблюдать. Он смотрел на тетерева, тетерев — на него... Вдруг где-то

невдалеке громко хрустнула ветка, и тетерев вспорхнул с ветки, быстро заработав крыльями. Чара рванулась было на треск, но Иван остановил ее. Холодом обдала мысль: «А вдруг шатун? Что тогда?» Он не был уверен, что сумеет убить зверя. Но вокруг царила тишина, снова зазвенели мелкие птахи, и Иван успокоился.

Поднялся легкий ветерок, он покачивал тонкие березки и гнал по насту мелкую крупу. «Пробегушь еще немного — и домой, в баньку!» — Иван даже зажмурился от предвкушения.

Чара обеспокоенно крутила носом и глухо поскуливала, глядя на хозяина.

— Ну чего ты, глупая? — Он почесал ее за ухом. — Не бойсь, медведи все спят, а больше нам с тобой опасаться некого.

Чара вывернулась из-под его руки, сделала пару шагов в сторону зимовья и остановилась, призывно глядя на Ивана.

— Домой зовешь? Давай еще пробежимся немного — и уж тогда домой!

Чара села и уставилась на него взволнованными, иначе и не скажешь, глазами. Иван вздохнул, подмигнул собаке и перевалил через край небольшого, как ему сначала показалось, оврага. Елки мелькали со все возрастающей скоростью, а конца спуска видно не было. Чара с лаем неслась следом. Поняв, что угодил на большой склон и выбираться обратно будет очень тяжело, Иван завалился набок и принялся тормозить лыжами. Остановил его раскидистый куст боярышника. Чара подбежала, принялась облизывать лицо...

Переведя дух, Иван с трудом выбрался из-под куста и с тоской посмотрел вверх — до вершины было никак не меньше сотни метров. Кто взбирался в гору по рыхлому снегу, может себе представить, что ждало Ивана. Но вариантов не было.

Время приближалось к трем пополудни. Еще пара часов — и подступят сумерки.

Вздохнув, Иван снял лыжи и полез вверх по склону. Ветер между тем крепчал. Он уже раскачивал березы, сбивая с них снежные водопады, тихонько посвистывал в оголившихся ветвях.

«Быстрее, быстрее!» Дыхания не хватало, сказывался сидячий образ жизни, который Иван вел в последнее время. Вот он, главный минус руководящей должности. Никто тебя не гоняет, самому себя гонять как-то лениво... А теперь расхлебывай. Поднявшись до середины склона, Иван основательно взмок и запыхался. Он упал в снег и попытался отдышаться, но Чара ухватила его за воротник и изо всех сил потянула, принуждая снова подняться. Иван стиснул зубы и встал.

Сделав пару десятков шагов, он огляделся — и поразился произошедшей вокруг перемене. Небо затянуло серыми тучами, из которых валил густой февральский снег, ветер разгулялся не на шутку и поднял настоящую метель. Иван понял, что если через десять минут не выберется из оврага, то так и останется на этом склоне. Собравшись с силами, он снова пошел, проваливаясь в снег, то и дело падая. Вставал, опираясь на лыжи, ставшие вдруг очень тяжелыми, и продвигался дальше.

Сколько он так шел, Иван не знал. А выбравшись наверх и оглядевшись, понял, что не знает, в какой стороне зимовье! Вьюга совершенно искадила тайгу вокруг, спрятала привычные ориентиры. Летящий хлопьями снег залеплял глаза, не давал дышать. Волна отчаяния накатила, накрыла с головой.

«Ну нет! Врешь!» — неизвестно кому прорычал Иван, встал на лыжи и побрел вперед.

Вроде бы отсюда они вышли? Но Чара ухватила его зубами за рукав и потянула в другую сторону. Иван послушно повернул за ней и через пару минут увидел ту самую валежину, на которой сидел, наблюдая за тетеревом. Обрадованный, он устремился туда. Откуда только силы взялись! Чара маячила впереди, не давая ему сбиться с пути.

«Банька... Жаркая, с чаем...» Эта заманчивая картина стояла перед глазами Ивана, заставляя сделать очередной шаг. Но сколько бы сил и здоровья в нем ни было, усталость брала свое: ноги налились тяжестью, по лицу струился пот, дыхание сбилось. Иван рухнул на снег, жадно хватая ртом воздух, глядя в беснующееся небо. «Не дойду...» — мелькнула в голове удивительно спокойная мысль.

Чара подлетела к нему, принялась лизать лицо, поскуливая, а затем вновь ухватила за воротник и потянула.

— погоди, сейчас я... Еще чуть-чуть отдохну...

Но Чара упорно тянула и тащила его вперед, теперь уже зло ворча. И вдруг Ивана осенило. Ведь Чара — маламут, а маламуты — ездовые собаки! Он подхватился, зашарил по карманам, с радостным возгласом вытащил моток крепкого нейлонового шнура. Та-а-ак, теперь привязать шнур к Чариному ошейнику, усесться на поставленные рядом лыжи...

— Чара, вперед! — крикнул он сиплым голосом.

Чара уперлась лапами в снег, пытаясь стронуть хозяина с места. Иван оттолкнулся руками изо всех сил, и лыжи покатались. Покатались! Чара упорно шла вперед, грудью натягивая кое-как связанную постромку, Иван помогал ей руками.

Погода окончательно сошла с ума. Ветер гнул деревья, бросал в лицо целые охапки снега. Солнце спряталось.

— Чара, милая, не подведи... — шептал Иван обветренными губами, пока верная собака из последних сил тащила его к зимовью.

Холод пробирал до костей, и Иван начал стучать зубами. А Чара, словно слыша его мольбу, сосредоточенно, метр за метром, пробивалась вперед сквозь сугробы. Наконец пригорки закончились, они выбрались на ровный участок. Здесь Чаре стало чуть легче, и она пошла быстрее.

...Открыв глаза, Иван сначала не мог понять, где находится. Огляделся вокруг — зимовье. Над трубой бани вьется дымок, хорошо видимый на фоне ясного звездного неба.

Буран умчался так же быстро, как и налетел.

Чара, поняв, что Иван очнулся, с радостным визгом заплясала вокруг него, прихрамывая сразу на все лапы и оставляя кровавые следы. Иван кое-как поднялся, с трудом дошел до зимовья, забросил в печь несколько поленьев, кусок бересты и принялся раздувать огонь. Угли еще

не успели остыть, и пламя занялось почти сразу. Иван подозвал Чару, поднял ее на нары, уложил на бок и принялся осматривать лапы. Подушечки были изрезаны и сочились кровью.

Иван поцеловал собаку в нос:

— А ведь ты мне жизнь спасла! Спасибо тебе...

Как лечить такие раны, Иван не знал. Но был уверен, что Михалыч поможет. Нужно только дойти до деревни...

Утром он чувствовал себя совершенно разбитым, все тело болело, во рту пересохло. В довершение всего у него поднялась температура. Чара тоже разболелась. Нос был сухим и горячим, наступать на лапы она не могла. Напоив ее, Иван через силу съел порцию каши и долго, с удовольствием пил чай с медом. Немного придя в себя, вытащил из-под крыши небольшую волокушу с днищем, покрытым листом оцинкованного железа, набросал в нее сена, вынес из избушки Чару и устроил поудобнее. Затушил печи в бане и в избушке, встал на лыжи, привязал волокушу к поясу и тронулся в путь. Чара лежала на волокуше, положив морду на вытянутые лапы, и наблюдала за своим человеком. Теперь он делал все, чтобы ей помочь.

При виде гостя, буквально ввалившегося в дом, Михалыч вскочил. Иван весь горел, его глаза, похоже, уже ничего не видели.

— Чара... — еле слышно просипел Иван. — Там...

Михалыч суетливо содрал с него куртку, обувь и усадил на диван. Метнулся на улицу. У крыльца на волокуше лежала Чара. Она вяло шевельнула хвостом и лизнула деда в лицо, когда он подхватил ее на руки и понес в дом.

Войдя в комнату, Михалыч увидел, что Иван уже спит.

— Да, друг, погулял ты по тайге!

Иван пил чай с малиновым вареньем, обхватив кружку ладонями, и наблюдал за тем, как Тайга вылизывает Чаре лапы.

— Михалыч, помоги Чару вылечить! — просипел он.

— А как тут лечить? — пожал плечами старик. — Сами и вылечат. У собак слюна получше мазей аптечных, точно тебе говорю. Пару дней — и пойдет осторожненько. А тебе самому подлечиться надо. Видел бы ты себя вчера...

— Видел бы ты меня позавчера! — невесело усмехнулся Иван. — Если бы не Чара, остался бы в тайге. Она меня вытащила.

— Она — тебя, ты — ее, — философски изрек Михалыч. — А как иначе? Друг на то и друг, чтобы вот так...

Машина катила по зимней трассе, увозя домой двух верных друзей. Иван, еще не до конца выздоровевший, временами тянул из термоса чай с малиной. Чара, по обыкновению, смотрела вперед, изредка поглядывая на хозяина и то и дело порываясь лизнуть ему руку. Сколько еще у них впереди дорог, им пока и самим было не известно. Но оба знали, что в любой дороге они друг для друга надежная опора.

Анатолий АВРУТИН

«ТАМ, ГДЕ ПУСТОШЬ...»

* * *

Там, где пустошь, василькам не цвести.
Ты сказала: «Хоть трава не расти...»
И ушла, не оглянувшись... И вот
Третий год, как здесь трава не растет.

Было небо синевы голубей.
Ты сказала: «Не гоняй голубей...»
Только это и успела сказать...
Третий год здесь голубей не видать.

Целовались, но остались на вы...
Третий год ни голубей, ни травы.
Только старая ветла, а над ней
Небеса, что синевы голубей.

Старый домик... Старый дом, отчий дом.
Третий год, как дом пустили на слом.
Третий год здесь ничего не цветет,
Третий год уже пошел, третий год...

Баба Эйдля

Баба Эйдля уехать успела
В сорок первом... В совхоз... Под Казань...
Землю рыла... Себя не жалела,
Шла доить сквозь кромешную рань.
Воротилась домой, чуть от Минска
Откатились на запад бои.
Табурет раздобыла и миску,
Услыхала: «Погибли твои...»
Обезумела?.. Нет, оставалась
Все такой же — тишайшей всегда.
Только спину согнула усталость
Да в зрачках поселилась беда.

И порою глядела подолгу,
Как оборванный пленный капрал
Нес раствор... И кусачками щелкал...
И огрызки в карман собирал.
Просто так, молчаливо глядела,
Шла домой, не сказав ничего.
И светилось немывтое тело
Сквозь прорехи в шинельке его.
Лишь однажды, ступая сутуло,
В сотый раз перерыв огород,
Две картошки ему протянула...
Немец взял и заплакал: «Майн гот!..»
А назавтра, все шмыгая носом
И украдкой дойдя до угла,
Две брикетины молча принес он,
И она, отшатнувшись, взяла.
Пусть соседи глядели с издевкой,
Бормотали, кто больше речист:
«И взяла... Ну понятно, жидовка...
И принес... Ну понятно, фашист...»
А она растопила незряче
Печку торфом, что фриц удружил...
И зашлась удушающим плачем,
А над крышами пепел кружил...

* * *

Шли за руку с мамою Лёля и Кока...
У Лёли глазищи — одна поволока.
А Кока не Кока, а мальчик Володя,
Гонявший пеструшек в худом огороде
И вечно кричавший: «Отдайте мне кока!..»
Где взять ему «кока» — большая морока.

Лепился к мосту наш базар горемычный,
Где, смешан с мазутом, плыл запах клубничный,
Где даже булыжник пропах сыродоем,
И где участковый был грозно настроен.
Он бабок гонял, неприступно-высокий,
Позволив купить все же «коки» для Коки.

А в синей пивнушке с оттенком свинцовым
Соседи любили подрагаться с Ланцовым —
За пакостность, за тараканьи усищи:
В плечо — кулачищем, под зад — сапожищем.
На драку сбегались и Лёля, и Кока,
Их дом от пивнушки стоял недалеко.

Но дрызги и драки в момент забывали,
 Узнав о беде третьеклассницы Гали.
 Ох, ноженьки-ноги! Чтоб враз обезножить!..
 В свой день именинный! Под поезд! О боже!
 В больницу, где было лежать ей без срока,
 Сам Кока принес ей три солнышка-«кока».

Товарная станция... Шпалы-ступени
 Всей лестницы жизни, презрений-прозрений.
 Где души светлели от копоти черной
 Под старую башню водонапорной.
 И помнится все до последнего срока:
 Гудки...

Переулочек...
 Лёля и Кока...

* * *

Друзья остерегутся поддержать,
 Враги оклеветать остерегутся...
 И будешь думать: «Божья благодать...»
 Всего и бед, что волосы секутся...»

И ничего — ни Даты, ни Числа
 Не вспомнить среди тысяч дат и чисел.
 Что это было?.. Женщина ушла...
 Я закричал... Но голос не повисил...

Казалось — потекли все реки вспять,
 И только годы — мчатся, мчатся, мчатся...
 Как я тогда боялся оживать!
 Ведь оживать — страшнее, чем рождаться.

Как я тогда боялся говорить,
 Чтоб не изречь провидческого слова!..
 Не сделать целой лопнувшую нить
 И не прожить все прожитое снова.

Но вот живу... Лишь слезы солоней,
 Когда на ветер выйдешь из трамвая.
 Живу, гадая — кто же из друзей
 Ударит первым, дружбу предавая?..

* * *

За что умирать? — За свободу?
 За серую пену у рта?
 За радием полную воду?
 За совесть, что так не чиста?

За что воевать? — За Отчизну?
Отчизна распалась давно.
За то, что творишь, но не признан?
За то, что на сердце черно?

Кого проклинать? — Виноватых
Сегодня не сыщешь никак.
Кто проклял? — Заброшены хаты...
Кто предал? — Порушен большак...

Вот так и бредется в печали,
А строчка подступит к челу —
И сгинет сквозь серые дали,
Исчезнет сквозь сизую мглу...

* * *

Лампа коптит... Тень из угла...
Мамина ласка...
В гемоглобин с детства вошла
Русская сказка.

Как от нее сердцу тепло
Ночью суровой!..
Сказка... А с ней в сердце вошло
Русское слово.

Слово поет... С ним по утрам
Встать интересней.
Включишь с утра радио... Там
Русская песня.

Чуть подпоешь... Выпьешь вина...
Вот и не люто.
Только б не знать, как же страшна
Русская смута!

Не виноват? — Казнь без вины,
Бой до победы...
Боже ты мой, как же страшны
Русские беды!

Бой отгремит, боль отойдет...
Вновь, без опаски,
Чей-то малец на ночь прочтет
Русскую сказку...

Александр ЖДАНОВ

ОТ ЛЕТА К ОСЕНИ

Рассказ

Дети дразнили волка. Сняли красные пионерские галстуки, трясли ими перед глазами зверя, кричали, улюлюкали. Дети думали, что не боятся хищника, — их отделяла от него решетка, точнее ячеистая сетка, которой был огорожен вольер в зоопарке.

Волк был молод и неопытен. Перепрыгнуть через ограду он не мог, и даже в отчаянии ему не удалось бы перекусить острыми зубами тонкую проволоку сетки. Он покорно терпел глумление детей. Ни отойти, ни убежать от этих красных лоскутков он не мог, как когда-то его предки там, на воле, не могли вырваться за красные флажки, которыми их обкладывали. Генетическая память сковывала движения. Зверь не кидался на обидчиков — он молчал. Только отодвинулся немного вбок, чтобы ненавистные красные лоскутки не маячили уж перед самыми глазами.

Волк передвинулся — и встретился взглядом с мальчиком. Мальчик стоял в стороне от разбуянившихся одноклассников и смотрел на волка. И увидел, что в волчьих глазах смешались ярость, недоверие и загнанная глубоко злоба к этим детям и людям вообще. Но мальчик взгляда не отвел. Он знал из книжек, что лучше не смотреть в глаза животным, особенно псовым, что они могут воспринять это как вызов, агрессию. Знал, но глядел прямо на волка. И повторял, повторял про себя фразу, которую сначала прочитал в книге, а потом услышал в мультфильме: «Мы с тобой одной крови — ты и я». Фраза мальчику придавала уверенности. Он искренне верил в то, что беззвучно повторял. А потом заметил, что взгляд зверя меняется: мрачный затаенный огонь стал потихоньку угасать. И сам волк обмяк и уже не сидел в напряжении, как вытесанный из камня. Он даже сделал короткое движение, словно хотел по-собачьи ткнуться носом в ограду, которой касалась рука мальчика, — ткнуться и лизнуть эту руку.

Мальчик не отпрянул от неожиданного волчьего движения, но зверь сам остановился, не позволил развиться минутной слабости. Он поднялся на ноги и, взглянув напоследок на мальчика, развернулся и спокойно пошел вглубь вольера. Другие дети, продолжавшие шуметь и прыгать, его не интересовали...

Много лет спустя, уже став взрослым человеком, Олег Петрович не раз думал: почему волк так отреагировал на него? Ведь его, мальчика, всегда облаивали собаки, даже самые маленькие и невзрачные шавки, — просто проходу не давали. Собак он в детстве побаивался, хотя они ему нравились и он хотел от них взаимности. Но собаки его не любили, а вот волк поверил, выбрал именно его. Почему?

1.

И почему, когда ступаешься ногой обо что-то, надо непременно удариться мизинцем?! И со всего маху! Удариться так, что остается либо задохнуться от боли, либо выдать такую многоэтажную конструкцию из непечатных слов, что потом долго недоумеваешь, как они так ловко выстроились. И хоть дал я себе зарок не сквернословить, но, когда стукнулся о плинтус, непечатная конструкция все же сложилась, а уж затем я присел и, сжав кулаки, начал резко и часто дышать.

Палец сначала покраснел, потом стал буро-лиловым, а спустя час его раздуло. Однако я все же сумел, поскуливая от боли, доковылять до прихожей и обуться. Распухший палец вызывал тем большую досаду, что в кармане у меня лежал билет на самолет и лететь надо было сейчас же.

Давно уже собирался я провести недели две-три в каком-нибудь северном селе, побродить с этюдником и спокойно поработать в деревенской тиши, а не в городской мастерской.

Друзья от поездки отговаривали. Одни уверяли, что Север давно «исписан» вдоль и поперек и что ничего нового я не открою, а лишь буду повторять уже кем-то сделанное. Другие говорили, что Севера давно нет, его угробили, как и все остальное. «У тебя сложился внутри свой образ Севера? — говорил друг. — Вот и пиши его». Но чем больше слышал я такое, тем больше утверждался в мысли: ехать надо.

Уже давно я ничего не писал. Выдохся. И уверил себя, что именно на Севере мне удастся устроить себе что-то вроде «болдинского лета» и напишу я не какие-нибудь этюды, а нечто стоящее.

Была еще причина, по которой я непременно хотел улететь. Непонятно почему стал конфликтовать и с родными, и с коллегами, жил в постоянном нервном напряжении. А уж с женой отношения испортились настолько, что мы, по обоюдному согласию, решили отдохнуть друг от друга. Тогда ткнул я наугад пальцем в карту — и купил билет.

И вот билет в кармане, в прихожей собранный багаж, этюдник, холсты, а я на ногу ступить не могу. Однако внизу ждало такси, и мне не оставалось ничего, кроме как, взвалив на себя поклажу, отправиться в неизвестность.

Дело в том, что я определился только с областью, а куда дальше ехать, понятия не имел. Решил отдаться течению, и течение принесло меня сначала в районный центр, тоже выбранный наугад в аэропорту, а потом и в деревню. Правда, деревню выбрал не я. На автовокзале в районном

центре кучковались бомбилы. Они вяло спорили о чем-то и вертели на указательных пальцах ключи от своих машин. Таксисты — самый осведомленный народ. К ним я и направился в надежде разузнать, куда бы мне лучше податься — хорошо бы в какую-нибудь глушь. Но смекнув, что странного пассажира чего доброго придется везти к черту на кулички, они поспешили от меня отделаться: мол, не нужны им мои деньги, если вечером застрянут где-то в глухомани.

Выручила стоявшая неподалеку пожилая женщина.

— Не слушай ты их, зубоскалов, — обратилась она ко мне, — влезай в этот автобус. Вместе поедем.

Пришлось вскарабкаться со всем снаряжением в неизвестно какими судьбами сохранившийся «пазик». Пассажиров в автобусе было немного, и я расположился свободно. А женщина села поблизости.

— Художник? — спросила она, когда автобус тронулся. — Раньше ваши часто к нам приезжали, сейчас что-то позабыли наши края.

— А куда едем-то?

— В хорошее место. Вот как я слезу, тебе на следующей выходить. Только от остановки потопать немного придется.

Всю дорогу женщина что-то рассказывала, о чем-то расспрашивала. Я, разглядывая окрестности, отвечал часто невпопад. Но женщину это, похоже, мало расстраивало: поговорить с приезжим — какое-никакое развлечение. Автобус, переваливаясь с боку на бок, подъехал к тому, что когда-то было крытой остановкой, дернулся и встал. Попутчица моя, легко подхватив большую корзину, направилась к выходу. Стоя на последней ступеньке, обернулась ко мне и напомнила:

— Не забудь: на следующей сойдешь. Ну, бывай, художник!

Автобус, словно почувствовав облегчение, поехал резвее и вскоре, обогнув небольшую рощицу, остановился. Водитель обернулся и сказал:

— Вам сходить. Не забыли?

Поблагодарив его, я кое-как выбрался наружу и огляделся. Никаких признаков населенного пункта вокруг не наблюдалось. Влево и вверх шла тропинка. Невольно я оглянулся на автобус. Оставшиеся пассажиры через стекло показывали на нее, давая мне понять, что туда и нужно идти. И я пошел и добрался до деревни на возвышенности. Внизу — по крутому склону спуститься надо — лежало и прямо-таки притягивало к себе идеально круглое, как блюдце, озеро. Вода в нем казалась черной, на берегу полукруглой стеной стоял лес.

Я шел с рюкзаком за спиной, на одном плече нес этюдник, на другом — огромный зонт для работы на этюдах, в руке держал чемодан и при этом неприлично хромал. Но был уверен, что с жильем трудностей не возникнет. Деревни пустеют, дома свободные есть, а подзаработать никто не откажется. И действительно, дело решилось как нельзя лучше. В первом же дворе женщина, указав рукой, сказала:

— Вон, гляди, на пригорке дом отдельно стоит. Его и занимай. Это наша «гостиница».

— В каком смысле — гостиница?

— Да это Кондратьич так назвал. Там уже лет двадцать никто не живет, а вот приезжие останавливаются.

— И много их, приезжих, бывает?

— Да каждый год почти и едут. Из Москвы даже. Муж с женой на лодках таких длинных и узких приплыли. Говорили, что ученые.

— На байдарках?

— Наверное, не разбираюсь я. Но говорили, что от самой Москвы — с речки на речку. И назад тоже на лодках отправились.

Если это было правдой, то москвичи вызывали уважение. Ладно, когда вниз по течению. А против как? Да еще волоком с реки на реку...

— И что, в хорошем состоянии «гостиница»-то ваша?

— Кондратьич приглядывает: где подобьет, где заменит что.

— Зачем?

— Как зачем? Вот чудак-человек! Да чтобы гостям удобно было! Приехали люди — пожалуйста, живите в свое удовольствие. Ни они не стесняют никого, ни сами не стесняются. Нам-то и хорошо, когда люди приезжают.

— А сколько возьмете за постой?

— Да Кондратьич и скажет. Он много не берет — только на инструменты и там материалы всякие. Краски купить...

Я вспомнил заезженную фразу о самостоятельном спасении утопающих и поразился практической сметке народа и этому, говоря нынешним языком, менеджменту. Здесь, в деревне, до которой властям всех уровней и дела нет, не знающие рыночной экономики люди рассчитали все верно. В отличие от многих скоробогатых, они не пытались выжать максимальную прибыль сейчас и сразу. Они работали на перспективу: делали свою деревню привлекательной, и их нехитрый бизнес был, так сказать, нравственным предпринимательством.

А вскоре познакомился я и с самим Василием Кондратьевичем. Он подошел и, не говоря ни слова, подхватил мой зонт и чемодан, мотнул головой: пойдём, мол, — и потопал к дому на пригорке. Дорогой, не оборачиваясь, спросил:

— Что хромаешь-то?

— Ударился. Об угол стены.

— Ну-ну.

Мы подошли к дому. Замка на дверях «гостиницы» не было. Кондратьич лишь вынул из кольца болт, какие вкручивали прежде в железнодорожные шпалы, — дверь без скрипа открылась. Очевидно, заметив мое удивление, Кондратьич довольно сказал:

— Моя заслуга: смазываю постоянно — вот и не скрипит.

Позже я узнал, что в колхозную эпоху был Василий Кондратьевич и механиком, и чуть ли не главным инженером. Его золотые руки требовались всегда и везде. С тех пор осталась у него привычка к постоянному и качественному труду, и Кондратьич реализовывал ее всеми силами. Он прямо-таки спешил что-нибудь починить, подбить, обстругать. И не за плату, а чисто из любви к делу. Часто сам предлагал помощь, иной раз

даже навязывался. Когда я узнал Кондратьича ближе, я понял, что он просто не может видеть ничего сломанного, испорченного, неработающего, вот и ремонтирует при любой возможности.

Мы вошли в дом. Я, едва скинув этюдник и рюкзак, сразу же плюхнулся на лавку, и Кондратьич потребовал:

— А ну, показывай ногу!

Я разулся, стащил носок. Кондратьич, осмотрев мой лиловый палец, крикнул. Это особенное криканье, как я позже догадался, означало, что Кондратьич озабочен, но вида подать не хочет. Сейчас он лишь сказал:

— Поздновато уже — посинел. Надо было сразу. Ну да ладно, попытаемся, — и ушел.

Вернулся он скоро с какой-то мазью и листьями. Обмазал мой палец, обложил листьями, сверху обмотал листом лопуха и приказал:

— Натягивай носок. До утра не снимай! Завтра поглядим. Ну, располагайся. Ужинать-то есть что? А то к Тимофеевне доковыляй — накормит.

Я ответил, что есть тушенка и полбуханки хлеба, поблагодарил Кондратьича и, когда тот ушел, стал готовиться к ночлегу.

Для меня ночевка на новом месте обычно дело несложное, однако на этот раз уснуть никак не удавалось. Было жарко. Я ворочался, потом раскрыл окно. Ночная прохлада принесла облегчение, но полноценный сон не приходил. В полудреме привиделись дятлы. Они долбили дерево, все громче и громче. Подумал, с чего это птицы так разошлись ночью, и вдруг понял, что это стук в дверь.

Честно говоря, я даже обрадовался: коль сна нет, так, может, с гостями повезет? Я отпер — в дверях стояла милая старушка.

— Иду, вижу — окно отворено. Не бойтесь, что кровососы налетят? — спросила она.

— Нет, меня комары почему-то не едят.

— Это ваши, городские, не едят. А от местных не зарекайтесь: съедят кого угодно!

Я усадил гостью за стол, предложил чаю. Она не отказалась. Пододвинула блюдце со стаканом к себе поближе, но во время разговора ни разу так и не отхлебнула чай, а только вертела стакан на блюдце.

— Не спится? — спросила она сочувственно. — Это с дороги. Ведь сегодня только приехали?

— Да, сегодня. А вы здесь живете?

— Жила. А сейчас в другом месте.

— Переехали, значит?

— Можно и так сказать. А зовут-то вас как? Олегом? А я вот Софья Петровна.

Мне очень понравилась Софья Петровна, и я все не мог оторвать взгляда от ее платка с очень мелкими синенькими цветочками, который она развязала, но не сняла, хотя в комнате было жарко. Платок оставался на голове, а концы свисали и покачивались в такт разговору. В конце концов, раскрасневшись от духоты, Софья Петровна все же сняла платок

и повесила его на спинку стула. Сейчас уж и не припомню, о чем мы так долго говорили с ней. Только одна история и врезалась в память.

Не припомню, когда ушла ночная гостья. Но утром я открыл глаза достаточно поздно, по деревенским меркам. Проснулся в прекрасном расположении духа, позавтракал — и лишь потом обнаружил, что платок в синий цветочек так и остался висеть не спинке стула. Станным показалось, что Софья Петровна ушла с непокрытой головой, но мало ли как бывает. Я прошел с платком по дворам, показывал его женщинам, спрашивал, где сейчас можно найти Софью Петровну и как вернуть её забытую у меня вещь. Но женщины крестились и поспешно отходили, ничего мне не отвечая.

Тогда я пошел к Василию Кондратьичу. Накануне мы общались недолго, но я был уверен, что именно с ним у меня завяжутся хорошие отношения. Тем более что для визита был повод: требовалось показать моему лекарю ушибленный палец.

Кондратьича я застал за работой. Он ремонтировал старую-престарую электроплитку.

— Добрый день, Василий Кондратьич! Где это вы такую спираль достали? Их сейчас и не выпускают, поди.

— Конечно, не выпускают. Но я запасаю в свое время. Когда сельпо расформировали, много чего скупил по бросовой цене. Решил, что пригодится, и ведь как в воду глядел! Бабки наши от микроволновок нынешних как от огня бегут, им бы что-то привычное. Приучены бережно к вещам относиться. Плиткам их лет по пятьдесят, наверное, а всё приходят: почини, Кондратьич, да почини...

— У меня к вам дело. Вчера...

Но Кондратьич перебил:

— Давай сразу на ты! Мне так сподручнее. И прежде всего — показывай ногу.

Я послушно разулся. Средство Кондратьича подействовало: боли не было, опухоль спала совершенно, я мог шевелить пальцем. Только цвет его — тускло-синий — напоминал о прошлой неприятности. И двух дней не прошло, а мне уже казалось, что было это давно, словно в другой жизни. И еще я чувствовал, что здесь я получу значительно больше, чем возможность спокойно писать, что произойдет что-то важное.

Василий Кондратьевич был старше лет на пятнадцать, но меня это не смущало. Я вырос во дворе, где кроме нас, родившихся лет через десять-двенадцать после Великой Отечественной, были ребята и гораздо старше, которые появились на свет или в конце войны, или сразу после нее. Они были нашими воспитателями, старшими братьями. Сами не имевшие нормального детства, они спешили подарить его нам, возились с малышами. Костя Масленников научил всех нас, мелюзгу, кататься на велосипеде, а Лева Торосов — играть на гитаре. При случае они могли и подзатыльник отвесить, но и защищали нас надежно. И конечно, мы все были на ты. А как иначе может быть между братьями?

Поэтому я сразу, без жеманства, согласился на предложение Кондратьича.

— А скажи, Кондратьич, где у вас до войны гумно было?

— А тебе на что? — вскинул он голову

— Да так. Историю вчера узнал жутковатую.

Я решил действовать издалека, чтобы исподволь подвести Кондратьича к разговору о Софье Петровне. Он, как мне показалось, ничего не заподозрил и лишь спросил:

— Что за история такая?

Я не стал отвечать в двух словах, а полностью пересказал то, что поведала мне Софья Петровна.

На гумне работали бабы. Судачили, перескакивали с одного на другое. Потом заговорили о смерти, о самоубийствах. Внезапно как-то разом замолчали. И в наступившей тишине одна, Анна, ни с того ни с сего спросила: «А как это люди вешаются? Что чувствуют?» И тут же предложила: «А давайте я повешусь. Как задохаться начну, дам знак — вы меня и снимете. Потом расскажу, каково это». Подруги ее, конечно, замахали руками: с ума, что ли, сошла? Но та настаивала. Ладно, нашли бабы веревку, сделали петлю, подтащили какую-то колоду и, встав на нее, подвязали веревку к балке. Подняли Анну, осторожно просунули в петлю ее голову, затянули и так же осторожно опустили.

Вдруг Нина, подруга Анны, закричала: «Ой, смотрите — заяц, заяц!»

И правда, у самой стены, сжавшись в комок, сидел серый заяц. Никто не подумал, как мог зверек появиться здесь среди дня, в разгар шумной работы, а все уставились на него. А заяц, на миг сжавшись, вдруг прынул стрелой прочь. Бабы бросились за ним. Заяц бежал прытко, они не отставали. И вдруг, метнувшись в сторону, заяц исчез. Не скрылся в траве, не убежал, а просто пропал. Ошеломленные, женщины пошли назад. По дороге они громко и возбужденно обсуждали приключение. И тут Нина вскрикнула:

— Ой, бабоньки, у нас же там Анка висит!

Когда прибежали на место, Анна была уже мертва. Ее поспешно сняли, плача, пытались привести в чувство. А потом одна из подруг подняла голову и спросила:

— Что же теперь мы делать будем? Что скажем?

— Ох, затаскает нас милиция! — заголосила другая.

И тогда молчавшая до сих пор самая рассудительная, Лизавета, уверенным голосом сказала:

— Значит, так. Про зайца молчать! Никто не поверит нам, и еще решат, что увиливаем. Говорим все одно: мол, ничего не видели, выбегали наружу, а Анка оставалась. Когда пришли, она уже висела. Не сильно погрешим. Она ведь сама предложила, значит, вроде как была готова к самоубийству. И главное: меньше болтайте всяких подробностей — запутаетесь еще.

— Ох и злая же ты, Лизавета! — сухо прошептала Нина. — Всегда ты Анку не любила. Простить не можешь, что парни больше на нее заглядывались?

— А ты добренькая? Ну иди, расскажи все! Как раз тебя и посадят за убийство. Еще и нам соучастие припишут. Кто как, а я в тюрьму не хочу. И никто из вас наверняка не хочет. Поэтому будете говорить как я сказала.

— Лизавета права, — поддержала самая старшая из женщин, Мироновна. — Анну мы не вернем, а себе жизнь испортим. И про зайца молчите, будь он неладен... — И, помолчав, добавила: — Ох, неспроста он появился! Не иначе, лукавый все это подстроил. А вы, дуры, будете знать впредь, как со смертью шутить!

Софья Петровна описала мне все так красочно, что я легко повторил ее историю почти слово в слово. Кондратьич выслушал очень спокойно и лишь сказал:

— Верно, нельзя к смерти относиться легкомысленно... А откуда ты все это знаешь?

— Софья Петровна рассказала.

— Кто-кто? Когда?

— Софья Петровна. Вчера ночью. Вот и платок забыла. Как ей вернуть его, не знаю.

Кондратьич пристально поглядел на меня:

— Вряд ли сейчас передашь... Ты вот что: не ходи по деревне с этим платком, не показывай никому. Бабам в особенности. А отнеси домой и повесь туда, откуда взял.

— А почему не показывать? Что в нем особенного?

— Не показывай. Послушайся совета.

Я послушался. Дома повесил платок на прежнее место — на спинку стула. Там провисел он целый день. Засыпая, я видел перед собой мелкие синие цветочки, которые то рассыпались по лугу, то сливались в уходящую вдаль синюю дорожку...

А утром платка уже не было.

Весь день я бездельничал. Спустился к озеру, побродил по лесу, не заходя, однако, далеко, сделал лишь несколько незначительных зарисовок — словом, отдыхал. Часто мучившие меня последние полгода в городе головные боли куда-то исчезли, но с непривычки я очень устал физически. Особенно когда пришлось подниматься в деревню от озера — последние метры я карабкался с трудом. Единственным моим желанием было поскорее перехватить что-нибудь на ужин и завалиться спать.

Но выспаться и в эту ночь не довелось.

Едва стемнело, как в окошке показалась голова старика. Заглядывавший был небольшого роста.

— Не прогонишь ночного гостя-то? — спросил он и, не дожидаясь ответа, вдруг вскарабкался на подоконник.

Я опешил от такой прыти, а старик, улыбаясь беззубым ртом, сказал:
 — Не удивляйся, не удивляйся! Там приступочек хороший, подняться несложно. Ну, будем знакомы! Дедом Антипом меня зовут.

Дед Антип уселся на лавке у окна и смешно, как-то по-мультикшному, закинул ногу на ногу. И весь он был похож на сказочного лешего — невысокого, забавного и доброго.

— Ну и как тебе наши края? Нравятся? — поинтересовался он так, словно продолжал беседу, будто он давно сидит здесь, а не влез только что в окно.

Я отвечал, что все очень нравится, отдыхаю и душой и телом.

— А грибами не интересуешься? — спросил он вдруг. — Место зна-а-аю... Сходишь, парень, к Антиповой заимке. Дорогу объясню. Наберешь столько, сколько никогда не находил.

— Антипова заимка?

— Ага. Что, странным кажется: дед Антип говорит про Антипову заимку? Ну да, в мою честь ее и назвали. Хотя никакая это не заимка, а местечко, где я любил шалаш ставить. Я же почти лесной человек, пропадаю там все время, знал каждый закуток. Да и сейчас нет-нет да появлюсь, погляжу, что и как.

Поболтав еще немного о всяких пустяках, гость засобирился и, уходя, обронил фразу, которой я поначалу не придавал значения:

— Ну, всего тебе доброго! Хороший, нужный человек у нас оказался.

Летом в этих широтах светает рано. Едва ушел дед Антип, стал заниматься серебристый северный рассвет. Было ясно, что больше мне не уснуть.

«Днем отосплюсь», — решил я и, как и советовал мне ночной гость, пошел на его заповедную заимку.

Такого количества грибов на одном месте я прежде никогда не видел! С тяжелой корзиной, предвкушая, как будут удивлены в деревне, я шел к своей «гостинице». Кондратьича встретил у ворот его дома.

— Хорошо набрал, — сказал он. — Не каждый из наших может похвастать таким, хотя места знаем наизусть. Столько набрать можно только на Антиповой заимке.

— Так я там и был.

— А откуда тебе это место известно? Ты здесь всего-то два дня.

— Да мне сам дед Антип и подсказал, как пробраться туда. Веселый мужик!

— Когда подсказал?

— Да сегодня ночью!

Кондратьич молча кивнул, пробурчал свое обычное «ну-ну» и, не проронив больше ни слова, ушел в дом. А я стал думать, куда мне деть мою добычу. Возиться с грибами что-то не хотелось. Собрать — это одно, а чистить, готовить — лень бывает. Я решил просто раздать все грибы. Но это оказалось делом непростым. Женщины — кому бы ни предложил — как-то странно замолкали, потом начинали отказываться, а

те, которые все же брали, делали это неохотно: было видно, что они просто не хотят меня обидеть.

Я догадывался, что поведение селян каким-то образом связано с моими ночными гостями, но не понимал как, и захотел непременно выяснить. Я был уверен, что и в эту ночь гости обязательно будут, поэтому решил подготовиться к встрече. Во-первых, надо было оставаться бодрым, не клевать носом. Поэтому, придя домой, я первым делом завалился спать.

Еще служа в армии, я научился засыпать и просыпаться, так сказать, по внутреннему приказу. Хорошо известно, что первые полгода — год службы у солдата две муки: постоянное чувство голода и хронический недосып. Я научился спать стоя, засыпать в любую минуту и так же просыпаться. Например, во время вечерней поверки я, встав в строй, мгновенно погружался в сон, зная, что мою фамилию старшина выкрикнет ближе к середине списка. Когда до этого выкрика оставалась одна фамилия, я вскидывался, услышав свою, бойко отвечал «я!» — и снова засыпал. Команда «отбой!» опять будила меня. Вместе с другими я бежал к койке, раздевался, аккуратно складывал одежду, нырял в постель — и еще до того момента, когда дневальный выключал в казарме свет, я уже спал.

Эти навыки и пригодились мне сейчас. Я мгновенно уснул и проснулся, когда уже начинало смеркаться. Ужинать не стал, предвидя более позднюю трапезу. Да я и подготовился к ней, даже бутылочку припас. Конечно, точного времени прихода гостей я не знал, решил просто дожидаться.

Но прождал я напрасно. Гости, как видно, «по заказу» не приходили.

Пришли они только через три дня.

Сидя за столом при свете настольной лампы, я перебирал этюды, наброски, всякие почеркушки, которые успел сделать за время пребывания в деревне, прикидывая, что из этого может получиться. Было уже очень поздно, когда я услышал, что дверь открывается. Из сеней донеслись слова:

— Идем и видим — свет в окне. Давай, думаем, зайдем на огонек. Не прогоните гостей-то полуночных, непрошенных? — В дверях стояли пожилые мужчина и женщина.

— Проходите, проходите! Не только не прогоню, а мы сейчас еще и поужинаем.

Женщина, заметив в моих руках бутылку, сказала:

— Бутылочку, если она для нас, лучше убрать. Да и самому не нужно...

Эта встреча была, пожалуй, самой легкой, интересной.

На следующий день я, конечно, помчался к Кондратьичу и с ходу выложил все. Кондратьич помолчал, потом мотнул головой, приглашая в дом:

— Ну-ка, зайдем, гость дорогой. Потолковать надо.

Я вошел, опустился устало на лавку. Хозяин сел рядом.

— Так, говоришь, Степан с Катериной приходили ночью и вы разговаривали?

— Ну да!

— И что они рассказали?

— Занятную историю. Что тебя так удивляет, Кондратьич?

Кондратьич молча встал, вышел куда-то и вернулся с поллитровкой самогонки.

— Вот что, парень. На вот, прими сегодня перед сном. Хорошенько прими! Именно этого, нашей самогонки, а не магазинного пойла. Выпей — и заваливайся спать. Ни о чем не думай.

— Да в чем дело-то? Зачем я должен напиваться? И почему здешние бабы от меня прячутся? Что-то ты недоговариваешь...

— Эх! Да что там! — сокрушенно сказал Кондратьич. — Тут такое дело. Все, о ком ты рассказал, померли давно. Нет их в живых, и приходиться к тебе они не могли! Стало быть, или ты врешь, — а ты не врешь, потому что откуда тебе знать все их истории, как не от них самих, — или к тебе мертвяки наведываются. Каково бабам-то это понимать!

Ну и как прикажете уснуть после такого сообщения?!

Самогон меня не взял совершенно. Я почти не сомкнул глаз, ворочался, прислушивался к каждому шороху. Несколько раз казалось, что слышу шаги у дверей, но потом снова становилось тихо. Мне и неуютно было от сознания, кем на самом деле были мои гости, и не давало покоя любопытство. Но в эту ночь никто ко мне не пришел.

2.

Не было гостей и в последующие ночи.

Я понемногу успокоился, вошел в привычную рабочую колею и несколько дней упоенно работал. Ходил на этюды, написал по ним три пейзажа, но особенно «пошли» натюрморты. Я написал их штук семь, расставил на стульях, на лавке, чтобы сохли.

Все это время я жил затворником и почти не общался с деревенскими. Зато с Кондратьичем сошелся еще теснее, несколько раз даже помогал ему в его ремонтных делах. Но чаще он бывал у меня. О ночных визитерах мы не говорили, зато обнаружилось у нас одно общее увлечение — шахматы. Играл Кондратьич куда сильнее меня — изошренно, со вкусом, и по-детски искренне расстраивался, когда я не поддерживал его артистичный стиль и делал топорный, на его взгляд, ход.

— Ну, так нельзя! Шахматы не столько спорт, сколько искусство, — сокрушался он.

Соответствовали этому утверждению и сами шахматы, которые он приносил с собой. То были не ширпотребовские фигурки из магазина культтоваров, а изящно выточенные из какого-то твердого дерева. Надо ли говорить, что выточил их Кондратьич сам?

В тот день мы играли уже вторую партию, и я заметил, что Кондратьич то и дело бросает взгляд на расставленные на лавке натюрморты.

— Что так тебя заинтересовало, Кондратьич?

— Да так... Ты уж извини, но какие-то они у тебя все... одинокие, что ли.

— Одинаковые? — не расслышал я.

— Не одинаковые, а одинокие.

— Как это — одинокие?

— Как люди, которым некуда идти.

— Странно... Но может, ты и прав. Я вообще люблю одиночество.

Мне хорошо одному.

— Ну, это ты врешь. Одиночество любить нельзя.

— Почему же? Знаешь такую песенку: «А умный в одиночестве гуляет кругами, он ценит одиночество превыше всего»?

— Да слышал, слышал я ее. Только все это неправда. И в одиночестве плохо всем.

Кондратьич замолчал. А потом, глядя в дальний угол, очень тихо начал:

Как стыдно одному ходить в кинотеатры
 без друга, без подруги, без жены,
 где все сеансы так коротковаты
 и так их ожидания длинные!..*

Я опешил. А Кондратьич, хитро взглянув искоса, сказал:

— Ну, что онемел? Не ожидал? Решил, наверное, что Кондратьич только с железками знает. А я тоже в школе учился. И в институте. Я ведь инженер. Журналы читал, «Юность» например, да и книги тоже. Вот сколько раз ты у меня бывал, а не заметил, что у меня книги есть! Ну ладно — не заметил так не заметил: я их и впрямь напоказ не выставляю. Но ты же и не поинтересовался, мол, что это у Кондратьича ни одной книжки нет. Только не говори, что из вежливости не спрашивал! Не вежливость это, а высокомерие. Подумал, наверное: что взять с сельского механика?

Кондратьич кусал чувствительно, и я пытался отбиваться, но получилось, что оправдываюсь:

— Да что ты, Кондратьич, я вовсе так не считаю...

— Ладно, ладно. Я не в обиде. Да и ты не обижайся. Просто я знаю — посмотрелся на одиноких людей. Знаешь, что такое одиночество? Видел Дарью Степановну? У нее сын и дочь, внуки уже взрослые — студенты. Сын живет в Архангельске, дочь — в Вологде. Под каждый Новый год Степановна вымоет-выскоблит избу, занавески чистые повесит, наготовит-напечет всего. А потом сядет и сидит. Может, и плачет. Телевизор у нее всю ночь работает, а спроси, что в нем, — поди, не скажет. О своих думает. А они... Звонят, конечно, поздравляют. Сами мобильник ей купили, чтобы всегда на связи быть. И посчитали, наверное, что мать

* Из стихотворения Е. Евтушенко «Одиночество». — *Примеч. ред.*

осчастливили и долг свой перед ней выполнили. Но Степановне все равно плохо! Она хочет нужной и полезной быть. Утром после праздника все, что напекла, детишкам раздает.

— Не знал...

— Да как ты мог это знать? Она же не кричит на всех углях. Не дай бог никому быть одиноким! Ну ладно, давай... Твой ход...

— Обожди, обожди, Кондратьич! А что, разве к Дарье Степановне никто не ходит?

— Почему же? И сама она в гости ходит, и к себе зовет. Она веселая, общительная, смеется заразительно. А ты загляни ей в глаза — вот где одиночество. Может, это самое страшное одиночество: когда ты одинок среди людей. А то, чего поэты да художники хотят, это не одиночество вовсе, а уединение. Давай ходи!

Партию мы довели до конца кое-как, играть больше не хотелось. Но и расстаться сразу было бы неправильно. И я спросил:

— Послушай, Кондратьич, ты говоришь, что инженер. А почему в городе не остался, в село вернулся?

— Ну, во-первых, инженеры и на селе нужны, не так ли? А во-вторых, не вернулся я, а приехал.

— Как — приехал?

— Очень просто. По распределению. Вернее, сам попросился сюда.

— Зачем?

— Поверил в смычку города с деревней, — усмехнулся Кондратьич. С минуту он молчал. Потом, шумно выдохнув и упираясь ладонями в колени, тяжело поднялся:

— Пошли.

Я уже научился не переспрашивать, куда да зачем, — знал, что Кондратьич может и не ответить. Поэтому послушно встал и пошел за ним. Шагали долго. Спустились к озеру, углубились в лес, там петляли. А когда вышли на небольшую лесную полянку, я ахнул: пробивающиеся сквозь высокие сосны солнечные лучи сверкали на металлической конструкции. Это был памятник.

— Ну вот, пришли. Моя работа, — сказал, указывая на него, Кондратьич. — Где-то здесь, в этом месте, погиб мой отец. Весь их взвод. Батю я никогда не видел, родился во время войны.

Да, это был памятник. Ничего конкретного: ни звезд, ни изображения оружия, — все обобщенно, почти абстрактно. Но с первого взгляда было ясно, кому посвящена необычная конструкция.

— Да ты, Кондратьич, художник!

— Скажешь тоже... Придумал-то не я, придумал настоящий художник. Также, как ты, приезжал сюда. Узнал, воодушевился — и за два дня нарисовал-начертил все. А мне пришлось помучиться — нержавейку-то варить и шлифовать... Но сделал.

— А почему здесь, почти в глуши? — спросил я. — Можно ведь было в центре поставить.

— Можно было, да не хотел я ходить по кабинетам. Поставил сам, без согласования с властями. Не хотел, чтобы здесь официальные мероприятия устраивали. Власть не возражала, а люди меня поняли и поддерживали. Пусть будет памятник всему взводу. А может, и всем погибшим здесь, на Севере.

Мы уже собрались уходить, как вдруг я почувствовал осторожное прикосновение руки Кондратьича.

— Не шевелись, — сказал он еле слышно, не поворачивая ко мне головы.

— Что такое?

— Тише. Не двигайся.

И тут я увидел эти глаза. Точнее, сначала почувствовал на себе взгляд. Из глубины леса, не мигая и не двигаясь, на нас смотрел волк. Мне подумалось, это уже немолодой и одинокий зверь. Он, видимо, был сыт и не проявлял агрессии. Так и стояли мы, разделенные двумя десятками метров и ветками кустарника, смотря друг на друга, но избегая прямого взгляда глаза в глаза. Постояв немного, волк ушел так же бесшумно, как и появился.

— Как он отреагировал — словно успокоил ты его! Понравился ты ему, что ли? — попытался пошутить Кондратьич, но чувствовалось, что он хочет скрыть волнение и вполне объяснимый испуг.

В деревню мы шли уже не ведя долгих разговоров и расстались почти молча.

Мне весь вечер не давала покоя эта встреча. А особенно слова Кондратьича, сказанные им при расставании. Я удивился, когда трезвомыслящий, не склонный к мистике Кондратьич вдруг совершенно серьезно и так, словно мы продолжали начатый раньше разговор, сказал:

— А ведь это они через тебя о чем-то предупредить нас хотят. Только о чем?

— Кто «они»? — спросил я.

Но Кондратьич не ответил.

3.

Всегда поражался, как быстро распространяются в деревне новости. Особенно же удивляло, откуда людям становится известно даже то, что всеми силами пытаешься скрыть. Ведь никому я не рассказывал о своих гостях, уверен, что и Кондратьич помалкивал. Но деревенские начали шептаться: мол, с мертвяками художник общается, — и не спешили теснее сойтись со мной. Разговоров при встречах не избегали, не прятались уже по домам, но все же были настороже.

Однако любопытство брало понемногу верх. И первыми в обороне пробили брешь, как водится, дети, которых не так уж много оставалось в деревне, где школу должны были вот-вот закрыть. Им, конечно, не терпелось посмотреть, что приезжий дядька рисует, и они зачастили ко мне. А потом и взрослые, что называется, пошли на контакт.

Первой была Дарья Степановна. Раз она буквально перехватила меня по дороге с очередного пленэра. Я шел с этюдником на плече, держа в каждой руке по этюду: в это утро удалось поработать на славу. Она стояла у своей калитки. Я поздоровался и пошел было дальше, но она окликнула меня:

— Показали бы, что нарисовали, а то и зашли бы к старухе...

Отказываться я не стал и тут же во дворе показал этюды, приставив их к забору. Дарья Степановна долго смотрела на них и только сказала:

— Красиво.

А потом вострепенулась:

— А давайте-ка завтракать! Небось не ели ничего с утра-то?

Не дожидаясь моего ответа, она взяла меня за руку и повела в дом. Признаться, я, действительно, был голоден и с удовольствием поглощал замечательную стряпню Дарьи Степановны. При этом мы много говорили, и я убедился в правоте слов Кондратьича: эта женщина была замечательным, веселым человеком. Но и у нее изменилось представление обо мне. Оказывается, поначалу меня в деревне посчитали нелюдимом, бирюком. Дарья Степановна так и сказала:

— А мы ведь решили, что вы неловкой какой-то. А на деле ничего...

Расстались мы почти друзьями.

А вскоре и остальные жители потянулись ко мне. Я продолжал работать, все написанное мною нравилось местным, и я даже устраивал кратковременные выставки прямо перед домом.

Ночные посетители мои долго не показывались.

Уже стали забываться все связанные с ними волнения, как внезапно явился новый гость. Я не был даже уверен, был ли кто у меня или это привиделось во сне. Не помню толком самого пришельца, лишь слова его загадочные засели в голове:

— Утиная заводь — плохое место. Не надо туда ходить.

Конечно, утром я рассказал обо всем Кондратьичу. Он лишь хмыкнул и буркнул под нос: мол, что бы это значило?

Но тут жители забеспокоились. Десятилетний Андрюшка еще утром ушел рыбачить и все не возвращался. На озере его не видно, куда делся малец — не ясно...

Кондратьич сообразил сразу:

— А ну давай к Утиной заводи!

Мы побежали. Кто-то еще кинулся за нами. Уж не знаю, каким коротким путем вел нас Кондратьич через заросли кустарников, но успели мы вовремя. Андрюшка стоял по горло в воде, держась рукой за единственную тонкую ветку, свисавшую над этим местом. Чуть поодаль, запутавшись в водорослях, лежала, не потонув, новая удочка, которую бабка недавно купила ему в городе. Как она оказалась там, неизвестно, но было ясно, что мальчишка полез за ней.

— Здесь глубоко для пацана и дно вязкое, — сказал Кондратьич, снимая обувь и брюки. — Держись, Андрюха! Мы сейчас!

Андрюшка слабо улыбнулся. На большее у него уже не было сил.

Мальчонку вытащили, к его радости достали и удочку. Я стянул с себя куртку, мы закутали в нее сорванца и вскоре сдали с рук на руки бабке, за что она расцеловала нас поочередно.

У самого дома Кондратьича, уже ступив на тропинку, ведущую к моему обиталищу, я спросил:

— Слушай, Кондратьич, у тебя еще есть та самогонка? Без нее сегодня никак.

— Да, выпить надо, — согласился он.

На столе у него была только банка тушенки, самогон, огурцы и нарезанный толстыми ломтями черный хлеб. Но большего нам и не требовалось.

— Вот что, — сказал Кондратьич, когда мы уничтожили все запасы, — не нужны тебе сегодня никакие гости. Оставайся-ка ты у меня. Сюда никто не придет.

А я и рад был. Кондратьич устроил мне замечательное лежбище на лавке. Измотанный всем случившимся, под парами знатнейшей самогонки Кондратьича, я буквально проваливался в сон. И сквозь дрему услышал его последние за этот вечер слова:

— Ну, теперь понятно. Они точно тебя репродуктором избрали.

— А почему именно меня — приезжего, живущего здесь без году неделя и к тому же готового в любой момент уехать? — успел спросить я.

— А вот это мне неизвестно, — сказал Кондратьич, повернулся на другой бок и захрапел.

4.

Август подкрался тихо. Все последнее время я упоенно работал, почти не замечая, что день ото дня становится прохладнее, что пропали ласточки и вообще птицы стали вести себя иначе — деловитее, как перед чем-то большим и важным.

Я писал. Я пропадал на этюдах, словно старался захватить напоследок и запасти впрок больше впечатлений.

Однажды писал уходящую зелень — кроны деревьев меняли цвет, бурели. Захватив мастихином охру с небольшим вкраплением светлого кадмия, я шлепнул эту смесь на холст, в ту самую побуревшую листву. Эта желтая прядь смотрелась как внезапно проступивший в волосах седой клок.

«Стареет природа, — подумал я тогда и решил: — Все. Пора уезжать».

Решить решил, но почему-то не торопился. Из дому звонили и настойчиво напоминали, что у меня есть семья и какие-никакие обязанности. Да, меня ждали близкие, ждала, наконец, работа. Я чувствовал, что из нашлепанных здесь этюдов вытанцовывается приличный цикл. Я даже название ему придумал: «От лета к осени».

И все же я откладывал отъезд. Что-то держало меня в этой полузаброшенной деревне.

Наконец решился, назначил себе день. Кондратьич сколотил мне легкий и очень удобный пенал-кассетник, в который я уложил написанные этюды. Позвонив в аэропорт областного центра, я заказал билет. Оставалось провести в деревне последнюю ночь. Но, как и в первую, уснуть не удавалось.

Я даже не услышал — почувствовал легкий шорох у окна. Выглянул — и увидел старушку. Она присела на скамеечке, тяжело, как мне показалось, дыша.

— Ох, устала я... — очень тихо сказала она. Затем помолчала, подняла голову, посмотрела на меня. — Клавдия Михайловна я. Может, слышал?

— Так зайдите, Клавдия Михайловна, отдышитесь, отдохните.

— И, нет. Пойду. Устала я там, в городе. У сына-то мне хорошо. И с невесткой не ссорюсь, а вот съеду, съеду от него...

Тяжело вздохнув, старушка с трудом поднялась и ушла во тьму.

Давно не приходили ко мне ночные гости, и этот визит насторожил. Опять мне что-то сообщали.

Утром я сразу же рассказал об этом деревенским.

— Ой, не померла ли Михална? — встрепелась соседка. — Три года назад к сыну уехала. Давно вестей не было. Надо моей дочке позвонить, она в том же городе живет.

Но дочь позвонила сама:

— Мам, а у нас тут тетя Клава умерла.

— Знаю, дочка, знаю.

— Откуда?

— Да так... Почувствовала, — только и ответила соседка. Не рассказывать же дочери по телефону о ночных гостях.

А я отчетливо понял, что уехать мне будет нелегко. Деревенские меня, как мне показалось, полюбили, хотя некоторая настороженность оставалась. Я уже стал им, наверное, привычен, но все же оставался чужаком. Может, со временем все и утряслось бы...

«Всему на земле свое время», — напомнила мне когда-то за завтраком Дарья Степановна. Я знал это. Помнил, что восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. И что идет ветер к югу, и переходит к северу, и крутится, крутится на пути своем, и возвращается ветер на круги своя. И что реки текут в море, но море не переполняется. И что надо ублажить мертвых, которые умерли, более живых, которые живут доселе.

Все это, написанное и сказанное, мне было известно.

Только написано и сказано это было другими и для других. А как поступить мне, я не знал.

Борис ПРОТАЛИН

СИБИРСКИЕ БЫВАЛЬЩИНЫ

Р а с с к а з ы

Бобровские

В 1786 году была основана деревня Мыльниково (позднее — Бобровка) Сузунского района Новосибирской области. Основатели — Бобровский Иван Андреевич и его сын Василий — уральские казаки, сосланные за участие в Пугачевском восстании на Сузунский медеплавильный завод. Иван Андреевич был человеком предприимчивым, занимался мыловарением. По воспоминаниям семьи, сын Василий продолжил дело и обратился в канцелярию горного начальства с просьбой продать ему для домашней надобности железо, а также чугунный мыловаренный котел весом в два с половиной пуда. Канцелярия приказала котел для В. Бобровского изготовить и продать, «чтоб в оном им мыло было варено непременно за ним смотрение и к тому принуждать неослабно». Помимо мыловарения семья Бобровских занималась земледелием, пчеловодством и коневодством. Крепко встала на ноги в Сибири. Росла и деревня, называемая в народе Мыльниково.

Как рассказывал Владимир Иванович Бобровский, дома у его отца, Ивана Севостьяновича, хранился ответ государев на прошение переименовать Мыльниково в Бобровское. Документ утерян, но деревня стала называться Бобровкой. Сейчас в деревне Поротниково Сузунского района (бывшая деревня Чируха) живет Галина Ивановна Абрамова — замечательная рассказчица. Она рассказывала мне про своего деда Владимира Ивановича Бобровского и про его большое семейство.

Пролетает

В деревне Бобровке в один из дней Владимир Иванович Бобровский сидит дома за столом, беседует с сыном Иваном.

— Эх, Ваньша! Хреновый был царь Николашка. Просвистал такую державу! А пожил бы я при нем.

— А почему, батя? — спрашивает сын.

— Да при нем все — от гвоздика до косилки-самоотвалки — купить бы я мог. А рыба красная! Ох, поел бы я, Ваньша, рыбки-то. На санях с окяна важивали, а была. А ноне — на самолетах. Да, видно, все мимо пролетат.

Куды подалась?

В 1982 году Галина Абрамова окончила школу и поехала поступать в Алтайский институт культуры. Ее дед, Владимир Иванович Бобровский, обращается к старшей сестре Галины — Татьяне:

— Таньша! Куды ето наша Галина собралась поступать? Слышал — в Барнаул поехала. Бывал я в Барнауле-то. Нищё так городок. В Николаевском-то я даже в бардаке бывал. Ты-то в Николаевском учишься на аблаката. А она куды подалася? На кого?

Татьяна отвечает:

— Дед Володя! В институт культуры поступает наша Галя.

— А хто оно тако — институт етот? Што за хренешшина?

Сам в голубой толстовке, в парусиновых штанах, в шляпе фетровой. Бородища — на Льва Толстого похож.

А Татьяна ему говорит:

— В Доме культуры работать будет. Как Зоя Васильевна Гефеле.

Она — заслуженный работник культуры.

Дед хлоп ладонью по колену:

— Тьфу! Разъязви те! Полоумная. Куды подалась? Ведь исстари ве-лося, даже в сонниках писалося, что актер снится к нишшате. Кому наша Зойка не должна? Считай, усей деревне должна и не думат отдавать. Ак несцо*, хоть и народная. Пропала наша Гальша! Пропала...

Похороны

На похороны родственника собралась вся бобровская родня. Пришла сестра жены Владимира Ивановича, Марья Дмитриевна. Бабка набожная. Сидят у гроба покойного. Скорбят.

Владимир Иванович нарушает тишину:

— Марья! Ты, смотрю, давно пришла. С утра сидишь. Ты на кого свои хоромы-то оставила?

А у той — маленькая избушка, вся иконами завешана.

Марья губы поджала:

— Нихто мои хоромы не тронет.

— Уверенная? Занеслася. Пошто ето не тронет?

— А у меня тама сторож есть.

— И хто ето к тебе подрядился сторожить-от? — продолжает выпытывать дед.

— Никола-Угодник.

— Тьфу! Разъязви те! — стукнул костылем об пол дед. — Замаяла, поди, старичонка.

Все прыснули и тут же подавились смехом. Неудобно смеяться при покойнике-то...

Гошпитальный

Жена Владимира Ивановича Бобровского, Степанида Дмитриевна, родила ему тринадцать детей. Люди смеялись — чертова дюжина! До

* Здесь: не с чего.

войны-то ребятишек было двенадцать. А с этой чертовой дюжиной целая история вышла.

Владимир Иванович на войну уходил убегом. Бросил свою Степаниду Дмитриевну, бороду сбрил, только усы оставил — и утек. По годам его на передовую не взяли, а взяли пекарем в обоз. Но даже там он умудрился оказаться раненым. На излечение был направлен в госпиталь города Бердска.

Узнав о его ранении, Степанида Дмитриевна оставила детей на родню, напекла пирогов и отправилась пешком к мужу. От Бобровки до Бердска без малого двести верст. Где пешим ходом, где на попутках — добралась. В Бердске остановилась у сестры Доры, что работала на железной дороге. Ночевала у нее, а днем хаживала к мужу в «гошпиталь». Мужики в палате были понятливые — оставляли их наедине. В общем, домой баба вернулась уже не одна. Как она говорила — тяжелая. Ему не сообщила. А через девять месяцев родила Миньку — тринадцатого.

И вот после войны соседи видят: приходит с войны Владимир Иванович. В выгоревшей гимнастерке, с медалями. А в ограде бегают тринадцать ребятишек. Отца не признают. И самый младший из них — ползает! Отец достал сахар. Сунул ребятишкам. Косо посмотрел на малого:

— А это кто?

Ребятишки говорят:

— Минька.

— Щей?

— На-а-аш.

В это время на крыльцо вышла Степанида Дмитриевна. Он расстегивает ремень:

— Ах ты курва! Потаскуха! Суразенка принесла...

И за ней с ремнем по ограде. Она юбку — в горсть, бегают по двору, увертывается. Кричит:

— Володенька! Ты ще? Это же наш — гошпитальный...

Так и прозвали Миньку потом: гошпитальный. Победоносец. В срок пятом году родился.

Клыгино

Между деревнями Чирухой и Бобровкой было озеро Клыгино. Хорошее озеро, глубокое. Теперь наполняется только тогда, когда лето бывает дождливое. В советское время додумались из него посадки на полях поливать. И оно захирело, покрылось тинной. А поблизости от озера стояли четыре деревни: Мальшево, Поротниково, Каргаполово, Тараданово. И все на это озеро приезжали отдыхать, купаться, рыбку ловить. И вот такое дело было.

Владимир Иванович Бобровский — шутник, это известно всем. А у него за околицей кони паслись, парочка. И вот пошел он за ними — запрячь да воды привезти на полив огорода. Идет он, уздечкой помахивает. Мужики на завалинке сидят разговаривают. Увидали его, говорят:

— Доброго здоровьица, Владимир Иванович!

— И вам не хворать!

— Ну ты подошел бы, сбрыхнул бы нам че-нибудь.

— Некогда мне брехать, — говорит Владимир Иванович. — Вы слышали: озеро-то Клыгино размыло. Мужики чирушенские, каргаполовские, ажно тарадановские рыбу возами прут, бочками. Вода ушла, а рыба-то на дне осталась...

И пошел, уздечкой помахивает. Мужики переглянулись. Дальше лясы точат. Через время видят: Владимир Иванович с парой коней в упряжи на телеге, где бочки гремят, подскакивают, стоймя стоит, посвистывает — мимо пролетел, слова не сказал...

Мужики переглянулись. И заспешили по своим дворам. Скоро деревня увидела, как они на телегах рванули в сторону озера. Прилетели со своими бочками. Смотрят: озеро полнешенько воды. И никаких мужиков нету. Нету и Владимира Ивановича. Поняли, что он их облапошил. Утерлись и вернулись в Бобровку.

На следующее утро идет Владимир Иванович, уздечкой побрякивает. Мужики те же самые на завалинке сидят. Увидели его, говорят:

— Эх, Владимир Иванович! Че же ты с нами вчера так поступил? Мы ведь тебе поверили, съездили на Клыгино. Озеро-то не размыло.

Владимир Иванович в ответ:

— А кой хрен его размоет? Это же чаша — озеро-то. Сами просили: сбрыхни да сбрыхни! Вот я вам и сбрыхнул...

Чужая деревня

Поехали сваты в большую деревню сватать сына Владимира Ивановича, Ваньшу, за девку Раису. Парни-дружки провожали, частушку пели:

Во своей-то во деревне
Девок не находится.
Во чужой-то во деревне
Занимать приходится.

Ладно. Приехали в «чужу» деревню, стали сватать. А Раиса Ваньше отлуп дала, отказала, значит. Расстроился Ваньша. Сватовья да старшая сестра ему говорят:

— Ваньша, братушка, не тушуйся! Мы без невесты отсюда не уедем. Эй, тетушка! Есть тут у вас хорошая невеста на выданье?

Ну, тетка рассказала, что есть девка у вдовы, у Анны Васильевны, старшая дочь — Мотя.

— Така работяшша, така приглядна, аккуратненька. Да ишшо и певунья.

Ну, пошли во двор по указанному адресу. Без подготовки, нахрапом.

— Доброго здоровьица! Мы прибыли к вам из деревни Бобровки. У вас есть товар, у нас — купец. Не отдадите ли вашу Мотечку за нашего Ванечку?

Растерялась Анна Васильевна:

— Так-то она у меня на выданье, двадцать четвертый годок уже. Но не знаю, согласится ли. На ферме она робит.

Послали за Мотей ребятишек. Приезжие тем временем поговорили с Анной Васильевной — как и что, какого роду-племени жених. Узнала она, что род у жениха большой. Пришла Мотечка. За занавеску юркнула, вид свой поправила. Анна Васильевна и говорит:

— Вот, Мотечка! Иван Владимирович из Бобровки прибыл сватать тебя себе в жены. Согласна ли ты ехать замуж во чужу-то деревню?

Та покраснела и молчит. А Иван был маленького роста, но всегда гордо говорил: «Я хоть и не хрушкый*, но Иван!»

Сделал Иван шаг вперед, положил ей руку на плечо:

— Мотя! Пойдешь за меня замуж?

И, опуская руку, скользнул ладонью по плечу. Сказал:

— А я бы взял тебя в жены.

Она подняла глаза и сказала:

— Пойду.

Тогда Анна Васильевна прошла в красный угол, сняла икону и благословила дочь на замужество. Вскоре они обвенчались. И жили счастливо.

Вот так чужая деревня Бобровка стала для Моти своей.

Фийона и Макар

Было это в пятидесятые годы. У Степаниды Дмитриевны была еще одна сестра — Фийона. А у той был муж — Макар. Маленький, лысенький — на Ленина похож. У Фийоны и Макара дом был круглый, богатый. Он бригадир в колхозе. Бригадка работала недалеко от их дома. А народ в это время как-то попивал. Фронтовики вспоминали войну и плакали. Платили мало. Фийона для поддержки хозяйства завела домашних уток. И вот на работу Макар-то бежит, а Фийоне дает наказ:

— Фийонушка! Ты как в сельпо сбегаешь, возьмишь четушечку и уточку приготовишь — сигнал мне какой-нибудь подай. Я там проведу разнарядку, сигнал увижу — прибегу. Опохмелимся.

Она говорит:

— А какой сигнал-то дать?

— Тряпицу какую-нибудь на забор кинешь — я и увижу.

Вот он смотрит: у дома высоко на шесте висит ярко-красная сатиновая рубаха. И Макар — как бык на красную тряпку. Забыл про разнарядку и засеменял домой. Да скоро так!

Потом Фийона рубаху с шеста уже не снимала: опускала и подымала сам шест. С тех пор вся деревня знала: если рубаха красная на шесте — значит, у Фийоны уже припасена бутылочка, а на плите уточка томится.

Лёньша

В Бобровке на Рождество в доме Ивана Владимировича собралось все большое семейство. Вечеряли, про стариков вспоминали. Стук в дверь. Заходит правнук Владимира Ивановича, Алексей. Он проводил своих младших сестер в клуб на танцы и заглянул к дядьям, дедам повидаться, поговорить. Выпил рюмку. И стал похваляться своей женой Татьяной:

* Не крупный, не рослый.

— Дед Иван! Не знаю, че со мной делается. Когда моя Татьяна моет пол — со мной такое бывает...

Иван Владимирович сделал важный вид. Он в кальсонах и в майке сидит на порожке. В комнате родни — человек десять. Алексей не унижается:

— Я и так на нее погляжу, я и этак. Я и слева, и справа. Я и снизу, и сверху...

При этом, показывая, он перепрыгивает со стула на табурет, с табуретки — на спинку кровати. На ней он уселся. И направо голову наклонит, и налево. Сам худенький, юркий, нос длинный. Потом с кровати спрыгивает на пол, на корточки. Вся родня хохочет. И вдруг он снова запрыгнул на свой стул и спросил:

— Дед Иван! Вот это что — любовь?

Все посмотрели на Ивана Владимировича. Он один был серьезным. Внук его по паспорту был Алексей, но все звали его Лёньшей.

— Нет, Лёньша, — сказал Иван Владимирович, — это не любовь. Это психоз. Мало того, я еще тебе скажу: ежели ты так будешь прыгать и скакать вокруг своей Татьяны — детей у тебя боле не будет. Стрясешь ты там все к едрене фене!

Семейство повалилось со смеху, и Лёньша хохотал вместе со всеми... Потом пили чай, разговаривали. Поздно вечером разошлись по дворам. А по дороге улыбались, качали головами, вспоминали, как чудил Лёньша...

Про любовь

Внучка Владимира Ивановича, Таньша, пятнадцати лет от роду, вместе со сродной сестрой, Ниншей, любили посидеть с бабой Стешей — Степанидой Дмитриевной, поговорить. Один раз стали выпытывать про любовь. Вот Нинша спрашивает:

— Баба Стеша! Расскажи, как ты деда Володю полюбила. Ты его любишь?

Она говорит:

— Ой, девки! Кака така любовь? Не знаю я никакой любви. Ну, потрусит, потрусит Володюшка передо мной кальсонами — я и затяжелела. Родила. Опять потрусит штанами — другого родила. А кака така любовь — не знаю...

А они и вправду любили друг друга. Он ей: «Стешенька!» Она ему: «Володюшка!..» И все-таки он её изменял. Бывало, она его выловит, поймает. Гонит домой от вдовушки. Он босиком в одних кальсонах бежит, одежонку к себе прижимает. А она его — палкой вдоль спины! Он бежит, оглядывается:

— Собака ты, Стеша! Собака!..

На другой день он снова ей:

— Стешенька!

Она ему:

— Володюшка!

Опять помирились...

Лариса ПОДИСТОВА

СИБИРЯК — ЭТО ЧЕЛОВЕК-ВЫЗОВ

*К 75-летию Государственного академического
Сибирского русского народного хора*

Очерк четвертый

Год стремится к закату. Сибирь накрывает снегом, в магазинах уже сверкают елочными игрушками новогодние отделы, и жители северного мегаполиса задумываются о том, как провести грядущие длинные зимние праздники... А теперь представим, что для кого-то праздник длится целый год, и нужно все это время наполнить настолько яркими, не набивающими оскомину событиями, чтобы он надолго запомнился всем близким и друзьям.

Именно таким большим и красивым праздником стал юбилейный для Государственного академического Сибирского русского народного хора 2019 год. Начавшись блистательным выступлением в Московской филармонии, он вместил в себя и художественное сопровождение делегации Новосибирской области в Республику Беларусь, и совместные с другими творческими коллективами проекты, и I Всероссийскую научно-практическую конференцию «Национальные профессиональные традиционные коллективы как этнокультурный бренд России», и участие в «Русских сезонах» в Германии, и просто множество концертов на радость зрителям родного Новосибирска. Все это, конечно, огромный труд, и почитать на лаврах юбилярам весь год было некогда.

Спрашивается, зачем так напрягаться, почему не обойтись парой-тройкой праздничных концертов и чествованиями с участием важных официальных лиц, как, случается, делают другие коллективы, отмечая круглые даты?

Глядя на то, что происходит на сцене, когда там выступают артисты Сибирского хора, получаешь ответ: не тот масштаб. Или, говоря совсем уж по-русски: не тот размах. Тесно этим добрым молодцам и красным девицам в узких провинциальных рамках, вот и выплескивается их праздник далеко за пределы родного города. Потому что они профессионалы высокого класса, и это признано на уровне страны — еще в 90-е годы коллектив получил звание академического. А главное, потому, что их призвание — традиционное национальное искусство. Балет и оперу поймет и оценит не всякий, симфоническая музыка — для избранных, число театралов тоже ограничено. А вот для национального искусства таких границ нет: его аудитория — народ.

Казалось бы...

Парадокс нашего времени в том, что традиционное искусство приходится «нести в народ» специально: целенаправленно пробуждать интерес, прививать любовь, противостоять предубеждениям, которых немало и они сильны.

— У нас ситуация с национальным искусством такая же, как с красивыми женщинами, — с горькой иронией говорит Екатерина Федоровна Ковалева, заслуженный работник культуры РФ, директор концертно-театрального центра «Евразия», где «живет» Сибирский хор. — Россия — это страна красивых женщин. Наш Новосибирск — город особо красивых женщин, это неоспоримо и очевидно. И мужчины привычно в этом живут. Ну представьте: его родила красивая мать, рядом была красивая бабушка. Потом он женился на красивой жене, у него родилась красивая дочь или сын привел красивую невестку. Он работает с красивыми сотрудницами. И мужчинам кажется, что это все естественно... Вот так же и наше русское национальное искусство. Люди растут с этими песнями, с этими танцами, и у них нет потребности как-то это осмысливать: ну есть и есть. Кроме того, в советскую эпоху народное искусство превратили в балаган. Я сама, пока не пришла в Сибирский хор, думала, что «Шумел камыш» — это песня алкоголиков. Ну потому что я помню журнал «Крокодил»: если там изображали пьяниц, те обязательно пели «Шумел камыш». А это же великое драматическое произведение, величайшее! А уж в аранжировке Вячеслава Викторовича Мочалова — просто шедевр, и это не я придумала, так говорят музыканты высочайшего класса и не только в нашем городе.

Это неумение оценить по достоинству привычное приводит к поистине трагическим несурезицам на государственном уровне. Народные хоры — это триединство: песня, музыка и танец. Таких коллективов в нашей стране всего двенадцать. Беда в том, что у них, как и вообще у всех, занимающихся национальным искусством, сегодня нет определенного профессионального статуса. В результате и общественность, и даже творческое сообщество не видят разницы между ансамблем песни и пляски, вокально-инструментальной группой, которая поет стилизованный репертуар, самодеятельным фольклорным ансамблем — и профессиональным концертным коллективом. Не говоря уже о том, что у нас обычно декларируется превосходство академического искусства над народным. Вряд ли кто-то спутает симфонический оркестр с оперными певцами, все понимают разницу. Что касается русского национального искусства, то его воспринимают как нечто единое, однообразное и, скажем так, не первого сорта.

Такое отношение связано с тем, что и сами исполнители не до конца понимают, кто они и какая огромная, важная задача перед ними стоит, считает Е. Ф. Ковалева. Чтобы определиться с этим и обсудить множество других важных вопросов, в сентябре нынешнего года эксперты профессионального традиционного и академического искусства собрались в Новосибирске на I Всероссийскую научно-практическую конференцию. Ее тема — «Профессиональные национальные традиционные коллективы как этнокультурный бренд России», а организаторами выступили министерство культуры Новосибирской области, Сибирское отделение Российской академии наук, Новосибирская государственная консерватория им. М. И. Глинки и государственное учреждение культуры «Концертно-театральный центр «Евразия»». Конференция была приурочена к 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора и стала еще одним значительным событием юбилейных торжеств.

— Сегодня Сибирский хор — это очень серьезное и ответственное сообщество, — говорит Е. Ф. Ковалева. — Наши артисты прекрасно понимают, что они делают и для чего они на сцене. Они не балаганят. Они исполняют и драматический, и лирический, и шуточный репертуар, есть и разгуляй-песни. Но форма подачи — всегда достоинство, всегда отстраненность от того, что мы называем застольщиной, цыганщиной и так далее. Они очень дистанцированы от этого. Почему? Из-за понимания собственной значимости. Каждый знает,

что да, он артист, он исполняет репертуар, но у него есть еще и другая задача. Он должен обозначать, что за ним Сибирь, Россия и генетический код нации. Поверьте, это не пафос — это реалии. Артисты это четко осознают.

Например, мы едем по районам — на автобусе, разумеется. А дороги-то у нас еще те! И вот представьте: автобус сполз с трассы, его тракторами вытаскивают, а артистам через полчаса выходить к зрителям. Когда автобус кренится в канаву, понятно, какие у человека мысли: у кого дети, у кого мама больная и так далее. А потом этот человек, зная, что его ждали, все равно выходит на сцену и делится со зрителями всем, что в нем есть. Это, кстати, тоже особая черта артистов — во всяком случае, нашего жанра, — вот эта наполненность. Они себя постоянно наполняют событиями, переживаниями, эмоциями... Это достаточно тяжело, но они без этого не могут: им тогда не с чем будет обратиться к зрителю. Артист не может выйти и просто что-то «изобразить». Наши, например, не могут петь под фонограмму. Почему? Потому что живая энергетика русского человека, сибиряка, насмерть «зарубается» этой искусственной фонограммой, нет развития ощущений и представлений, а главное — чувств. Нашим нужен живой диалог, для них это важно. Я иногда на концертах испытываю очень мощные эмоции, отчасти даже чувство вины. Идут овалы, а я понимаю: эти люди сейчас домой вернутся, а им нечего предложить ни детям, ни мужу, ни жене, ни родителям. Они все по-честному отдали вот этому залу, который перед ними. Это говорит об их величайшей внутренней ответственности за то, что они делают. И это не слова, это жизнь. Придите на наши концерты, вы это сами ощутите.

Да, энергетика на концертах Сибирского хора особая. И дело не только в том, что артисты полностью выкладываются на сцене, но и в той манере подачи, которую коллектив и его руководители когда-то сознательно выбрали и которой придерживаются вот уже восьмое десятилетие. Запоминающееся, узнаваемое «сибирское лицо» творческого коллектива отмечают везде, куда бы ни привела гастрольная дорога. Достоинство — но не чопорность, открытость — но не заигрывание со зрителем, по-сибирски основательная проработка музыкальных и танцевальных деталей... Что еще можно отнести к нашим региональным особенностям, которые накладывают отпечаток на выбор репертуара и исполнение?

— А вы сами сибирячка? — издали подступаю я с вопросом к Екатерине Федоровне. — «Сибирский характер» — это для вас не просто слова?

— Да, я скорее сибирячка. Сказать, что я русская, не могу, потому что у нас в семье очень много всего намешано. У меня ментальность каторжанки, ссыльной, переселенки. Беглых, правда, у нас в роду не было, а вот все перечисленные — имеются, как, наверное, почти в каждой сибирской семье. И это, конечно, не могло не определить мое отношение к сибирской ментальности, к сибирскому характеру, понимание того, что есть сибиряк. Прийти сюда, на территорию, которая была едва освоена, и превратить этот край в город науки, культуры, инновационных технологий — кто это мог? Только интеллектуалы, отчаянные головы, люди, которые смогли преступить некие границы, пусть даже границы закона, бросить вызов царскому правительству, покинуть насиженные места. Сибиряк — это человек-вызов, человек-протест, но протест во имя созидания. Вот что я поняла. Нашим предкам нужно было здесь выживать, и они не просто выжили, а их симбиоз — смешение национальностей, социальных групп и так далее — сформировал тот образ, о котором теперь говорит весь мир.

Мы сибиряки, Новосибирск — центр Сибири, современный город, и это для нас, для нашего творчества, чрезвычайно важно. Поэтому мы такое большое значение придаем и адаптации репертуара к восприятию современным зрителем, и сценическим костюмам, и форме подачи. У нас подача — это вызов

I Всероссийская научно-практическая конференция «Национальные профессиональные традиционные коллективы как этнокультурный бренд России». Выступает заслуженный работник культуры РФ, директор КТЦ «Евразия» Е. Ф. Ковалева. Слева — художественный руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, народный артист РСФСР, профессор В. Г. Захарченко (в 1964—1974 гг. главный хормейстер Сибирского хора)

ради созидания. И наши артисты успешно с этим справляются: ведь если не у половины, то у большей части коллектива точно такая же история. Все помнят и знают, откуда их предки, как это было. В советское время, конечно, об этом молчали, но семейные предания неминуемо из-под спуда наружу просачиваются.

У многих в нашем российском творческом сообществе я наблюдаю отношение к русскому национальному искусству как к явлению как бы «не нашего уровня». Этим, например, отличается Питер — имперский город. Или, например, Самара — город научный, там ракеты строили. Когда мы в Самаре гастролировали, директор филармонии была потрясена тем, что у нас зал полон и как нас зрители принимали. Ну не принимает Самара так русское национальное искусство.

Кстати, ведь новосибирская история с питерской переплетена теснейшим образом. Во время Великой Отечественной войны в Новосибирск приехала питерская интеллигенция и музейные работники. У нас питерская история театральная и художественная, выставочная. Какие уж тут частушки? Какие русские народные песни? Потом в 60-х годах — научный десант на строительство Академгородка. Какое вам народное искусство? Там бардовская история началась... Такое смешение народной, коренной культуры с пришлой и имперской, салонной, сформировало особые, очень высокие требования к народному искусству. Безвкусицы наш зритель не приемлет. И это предопределено исторически.

Сценические костюмы Сибирского хора — это отдельная тема, к которой можно возвращаться бесконечно. «Как они царски одеты! — услышала я однажды в антракте разговор двух зрительниц. — А это точно русские народные костюмы?» Как выяснилось, этим вопросом задаются не только непосвященные, но и некоторые специалисты.

— Мы очень часто наталкиваемся на такого рода непонимание и удивление. Говорят: «Это не сибирский костюм. Вот это от польского, вот это от еврей-

ского, это от казахского...» Ну так посмотрите, кого к нам ссылали! Костюм-то конгломерировался. Я сама в руках держала голландский фартук, вышитый руками белоруски, — тюльпаны на черном, с черными кружевами! Как ей такое в голову пришло? Да в соседях была голландская семья, несколько человек, их тоже выслали сюда. Вот и все.

Сибирь — это взаимопроникновение культур. Даже такой простой пример, из песни: «Довела меня тропка дальняя до вишневого сада». Какой у нас вишневый сад-то? У нас стежка по снегу до зеленого бора! Просто одно на другое наслаивалось. Или откуда, скажем, наша с вами красота? Вот там, где сейчас площадь Трубникова, была пересыльная тюрьма. Туда мог прийти мужик-вдовец, у которого пятеро детей остались без матери, дать тихонько монету надсмотрщику и взять к себе в дом женщину из заключенных. Он что, страшенькую, что ли, брал? Он брал статную, породистую, чтобы она работать могла на его пятерых детей и как женщина красотой ему служила. А какой она народности, из какой местности — дело десятое.

Мне недавно один чиновник говорит: «А что это у вас за головной убор такой странный?» Я говорю: «Ну, курских ссылали, поэтому такой головной убор». Он дальше: «А вот не было у нас таких воланов и таких полос. Не было у нас такого костюма русского!» Русского, может, и не было. Но есть в Сибири и другие серьезные нации. У них все просто: износилось платишко — они раз заплатку. Износилось еще — они вторую. И в результате их костюм дошел до нас таким. Почему отделка по низу? Да потому что девка вырастала, а денег на новую одежду не было. Ей надшивали подол юбки или платья, а на шов ставили бейку. Если рассматривать русский национальный костюм в Сибири, то этот прагматичный подход, эконом-подход к одежде, очевиден. Сибирячки черные подъюбки носили — потому что грязь, белые стирать замучаешься. И сапоги были черные, красные модельные сапожки могли себе позволить только очень богатые люди. Ботиночный вариант редко носили — знаете почему? Потому что холодно, носочек пододеть надо... Здесь очень много нюансов, чисто сибирских. Нас сейчас некоторые специалисты обвиняют: мол, что это у вас за кавказские

Концертно-театральный центр «Евразия»

головные уборы. Да накомарник это! Шапки, обвитые марлей, чтобы мошка не заела. Ну, у нас это, конечно, стилизация, мы же концертный коллектив. Учитесь считать символы в костюмах, дорогие зрители...

После слов о многонациональной Сибири и взаимопроникновении культур наш разговор естественно переходит к концертно-театральному центру «Евразия», которым руководит Екатерина Федоровна. Центр открылся в 2015 году и на тот момент был единственным учреждением культуры межнационального профессионального искусства в России. За прошедшие четыре года адрес «Селезнева, 46» стал знаковым для любителей традиционного искусства в Новосибирске и для гостей из других городов. На сцене «Евразии» побывало уже немало иногородних ансамблей и хоров, здесь же проходят совместные концерты Сибирского хора с другими коллективами в рамках юбилейного проекта. Признаться, когда я попала сюда впервые, мне трудно было узнать в красивых, хорошо отделанных интерьерах полутемные коридоры и закоулки прежнего учреждения. Но главное, изменилась атмосфера. Чувствуется, что красоту здесь наводили не только ради эстетики. За всем этим стоит большая идея, какая-то важная цель. Какая же?

— Идея эта носилась в воздухе, — рассказывает Екатерина Федоровна. — Ее сформулировал тогдашний директор филармонии Александр Геннадьевич Назимко. Он предложил нам сделать народную филармонию. У любителей оперы и балета есть оперный театр, драматических театров в городе роскошная палитра, музыкальные — пожалуйста, кукольные — ради бога. У всех есть своя территория, знаковые места. А куда пойти любителю национального — и не только русского — искусства? Тогда и возникла идея под брендом русской национальной культуры создать место для трансляции концертных и театральных форм межнационального искусства. Мы прекрасно сотрудничаем с концертными коллективами. У нас уже побывали Певческая капелла Санкт-Петербурга, хор имени Пятницкого, Северный и Омский хоры, мы очень дружим с Красноярским ансамблем танца Сибири имени М. С. Годенко. К нам приезжали Уральский, Волжский, Оренбургский хоры. У нас был Государственный театр танца Калмыкии «Ойраты», Тувинский национальный оркестр, коллективы из Алтайского края, Монголии и многие другие. У нас прекрасный по звучанию зал, есть кое-какое сценическое оборудование. Из театральных форм сейчас к нам привозят современные спектакли. Например, приезжал Московский независимый театр с постановкой «Мастера и Маргариты», Сергей Астахов и Ярослав Бойко — с комедией «Как попасть в рай», театр «Балет Москва» привозил спектакль «Кафе Идиот». На нашей площадке спектаклем «Марат/Сад» финской группы артистов сразу из трех театров: Klockriketeatern, Sirius Teatern, Teater Mestola — прошло закрытие Международного фестиваля актуального театра «Хаос». Мы проводим творческие встречи с известными актерами и музыкантами, последними приезжали Геннадий Гладков, Александр Михайлов, Юлий Ким. К нам очень любят приглашать своих профессионалов армяне, татары, башкиры, казахи, и эти концерты пользуются большим спросом.

Наша главная мечта: приехали, например, артисты из Таджикистана, а в зале — татары, армяне, узбеки, евреи, немцы... Чтобы каждый видел, что таджик, который работает у него на даче, не безродный и безымянный — вот его великое искусство, вот его великая культура. И так со всеми. Это как раз то, что объединяет и общества, и государства, — умение слышать, видеть, понимать друг друга.

Когда мы только въехали в это здание, нам неожиданно выделили деньги на ремонт, причем крупную сумму — и ее надо было немедленно освоить. А это же

торги и всякие долгие процедуры, а времени очень мало... Но организация, которая выиграла тендер, оформила все очень быстро. Наш зал приводили в порядок молдаване, таджики, узбеки, украинцы и многие другие. И когда мы презентовали наш Центр, мы четыре ряда отдали тем, кто строил, кто успел эту красоту сделать. Эти строители пришли с женами, многие в национальной одежде. Обычно у нас концерты не прерываются, но здесь мы специально сделали акцент и объявили со сцены, что благодаря вот этим людям, которые сидят в первых четырех рядах, мы успели преобразить наш зал для зрителей к новому сезону. Мы попросили этих людей встать, вручили им сувениры. И весь зал встал! Это была очень сильная, мощная эмоция, такое единение, такая благодарность зала вот этим четырем рядам! Вот оно — межнациональное содружество, когда люди уважают друг друга.

Именно эту задачу мы сегодня выполняем. Это задача государственного масштаба, и мы понимаем свою ответственность. У нас всегда аншлаги. Мы два концерта хора имени Пятницкого устроили вообще без затрат на рекламу — билеты ушли влет, так внимательно за нами следят наши зрители. И мы им очень благодарны. Нам вообще повезло. Рядом метро, парковки, и здесь огромное число жителей — молодые семьи. Это люди обеспеченные, с амбициями, они могут позволить себе путешествовать, они ориентированы на усвоение культурных ценностей. Они идут к нам сами, приводят своих родителей, детей. Кстати, неожиданное открытие: у нас в зале очень много пар. В театр приходишь — там все женщины, женщины, женщины. А у нас — пары, пары, пары... Это правда, мы это все фиксируем, изучаем, мы с этим работаем. Это лестная для нас статистика. Может, на крупных совещаниях на уровне России и говорят, что современная публика никогда не пойдет на концерты русского традиционного искусства, только люди старше шестидесяти лет, но это невежество в чистом его проявлении!

У нас есть разные произведения. Например, «Баллада»: «Брат пошел на брата...» Когда в Украине начались военные действия, мы как раз выпустили казачью программу, и там вот это: «Ты прости, братишка, разглядеть не смог. Что скажу я мамке?...» Вы бы видели, что с залом было! Мощная энергетика сострадания накрыла и зал, и артистов. Потому что это народное искусство. Мы несем честную идеологию, исторически честную.

Я очень горжусь нашим Сибирским хором. У меня есть и другие успешные проекты, но этот — особенный, потому что это русское национальное культурное наследие. Я это понимаю не только сегодняшним своим умом, я вот отсюда это понимаю, из сердца, от предков своих. Во мне нет русской крови, но я знаю, насколько это значимо.

О значимости национального искусства сейчас говорят все чаще, в том числе и на государственном уровне, о чем свидетельствует проект «Русские сезоны» в Германии, в котором принял участие Сибирский хор. Возможно, за этим последуют еще какие-то действия и благодаря им многие проблемы, с которыми сейчас сталкиваются народные коллективы, будут решены.

А Сибирский хор строит планы уже на следующий год, и на последующий... У его руководителей много идей и четкая стратегия. Зрителей ждут новые программы, новые проекты, встречи с новыми и уже успевшими полюбить песнями. И если вы увидите где-нибудь на афише: «Выступает Государственный академический Сибирский русский народный хор», — отправляйтесь на концерт. Будет достойно!

Сергей ВЛАДИМИРОВ

СЛУЖА РОССИИ И ЗАКОНУ

Из истории новосибирского ОМОНа

С чистого листа

Судьбоносный приказ № 206 от 3 октября 1988 года для руководства новосибирской милиции стал неожиданностью. Создание отряда милиции особого назначения было для Сибири делом абсолютно новым. Как именно формировать, обучать и тренировать отряд? На эти вопросы не было однозначных ответов.

По воспоминаниям ветеранов ОМОНа, отряд милицейского спецназа официально создавался как региональный, а его комплектованием доверили заниматься УВД города Новосибирска.

Сразу стало понятно, что командовать подразделением с таким специфическим набором задач может только имеющий высочайший авторитет у коллег честолюбивый и волевой офицер милиции с безупречным послужным списком. К тому же он должен был быть незаурядным спортсменом, способным поднять на небывалый прежде уровень спецподготовку личного состава.

Начался поиск подходящих кандидатур. Их было не очень много. Некоторые офицеры от предложенной должности сразу отказались, понимая, что работа по созданию отряда предстоит по-настоящему каторжная.

Когда возглавить новое подразделение предложили начальнику отдела охраны общественного порядка УВД Новосибирской области Юрию Зайцеву, он согласился без колебаний. Опытный, авторитетный офицер милиции, мастер спорта по классической борьбе — его кандидатура подходила по всем критериям. К тому же именно охрана общественного порядка представлялась в то время приоритетной целью создаваемого ОМОНа.

Теперь уже сам Зайцев начал подбирать себе команду из надежных и проверенных коллег и товарищей. Должность замполита отряда занял Виктор Кох, начальником штаба стал Виктор Кретинин, на ключевую позицию специалиста по кадрам пришел Сергей Проскураков.

Одновременно началось комплектование четырех взводов отряда. Здесь были свои сложности. Приказ МВД однозначно предписывал отпускать в ОМОН любого сотрудника, если он сам этого хотел. Непосредственное начальство не вправе было препятствовать переводу. На деле же никто не был расположен разбрасываться ценными кадрами и хороших сотрудников всеми способами старались удерживать.

Тем не менее вскоре удалось собрать костяк отряда из действующих милиционеров, а затем набор продолжился за счет привлечения кадров не из системы

правоохранительных органов. В отряд приходили военные, среди которых было довольно много ветеранов-афганцев, а также спортсмены.

Брали далеко не всех. Упор делался на наличие спортивной и боевой подготовки, соответствующих психологических качеств. Обязательными требованиями были высокий морально-волевой уровень кандидатов и отличные характеристики с мест их предыдущей службы или работы.

Как вспоминали потом командиры, жесткий отбор в новосибирский ОМОН смог пройти лишь каждый четвертый претендент. В особенности это касалось первого взвода, который сразу стал считаться элитным. Его командир Николай Фризен рассказывал, что, прежде чем он набрал первых 27 бойцов, горнило отбора прошли 120 кандидатов.

В итоге промежуточная численность отряда составила 151 человек.

Теперь отряд надо было готовить к выполнению задач, тренировать, обеспечивать необходимой экипировкой и техникой. Практически весь груз самых разных забот лег на плечи командного состава.

Помимо обучения бойцов, требовалось срочно решать вопросы материально-технического обеспечения. Не было помещений, базы для тренировок.

Первоначально отряд ютился в здании отдела охраны общественного порядка на Владимировском спуске. Там ОМОНу выделили несколько кабинетов и заброшенный подвал, который бойцы своими силами переоборудовали в тренажерку. Места катастрофически не хватало, и в 1989 году отряду было передано старое ветхое здание на улице Тополевой. Когда-то здесь располагались школа и общежитие, а теперь именно здесь должна была разместиться база новосибирского ОМОНа.

Бойцы и командиры приводили в порядок бывшую школу самостоятельно, в свободное от несения службы время. Базу отремонтировали, но, к сожалению, здесь не было места для теплого гаражного бокса. Техника стояла на улице, и зимой ее приходилось постоянно прогревать, поскольку она должна была быть готова к оперативному выезду в любой момент.

С техникой, кстати, тоже не сразу все наладилось.

Первоначально новосибирский ОМОН выезжал на задания и операции на обычных автобусах, практически как в культовом фильме «Место встречи изменить нельзя».

В 1989 году отряд получил адаптированные к специальным требованиям грузовые машины ЗИЛ. Это сразу добавило мобильности. Грузовики собирались в Чехословакии. Они были оборудованы решетками, выдвигаемыми лестницами и иными необходимыми спецподразделению вещами.

Благодаря новому транспорту на улицах Новосибирска ОМОН сразу стал узнаваем. Таковую технику ни с чем не перепутаешь. Позднее, в 1993-м, отряд получил автомобили УАЗ-425.

Если грузовики способствовали узнаваемости на операциях, то УАЗы, раскрашенные подобно машинам скорой помощи, наоборот, позволяли быть незаметными. Это расширяло арсенал тактических приемов.

Что касается оружия и спецсредств, то изначально на вооружении отряда были штатные пистолеты системы Макарова, дубинки-«демократизаторы», баллончики с «Черемухой» и прочие средства, привычные для обычных милиционеров перестроечной поры. Лишь в 1991 году отряд был оснащен специальным стрелковым оружием, соответствующим стандарту спецподразделения. У бойцов появились современные радиостанции и иная амуниция.

Руководству отряда удалось решить сложнейшую задачу по подготовке умелых и опытных бойцов-профессионалов — без методических материалов, без учебной литературы и отработанных годами программ обучения. В СССР их просто не было. А значит, трудную науку быть лучшими среди лучших приходилось постигать самостоятельно.

Общий уровень спортивной и физической подготовки бойцов только что сформированного отряда на начальном этапе оставлял желать лучшего. Безусловно, среди них были отлично подготовленные спортсмены-профессионалы, но этого было недостаточно. Каждый сотрудник спецподразделения обязан быть на голову сильнее уличного хулигана, дебошира или бойца криминальной бригады.

На начальном этапе, помимо общефизической подготовки и легкоатлетических кроссов, омовцы занимались в тренажерном зале лишь один раз в неделю. Позже число еженедельных занятий увеличилось до четырех.

Командование отряда долго решало, какие именно навыки единоборств нужны бойцу-омовцу. Пробовали традиционные восточные — не пошло. Как вспоминал замполит отряда Виктор Кох, решили, что они не приспособлены для русского человека, поскольку «на Востоке семеро одного не бьют, а у нас бьют».

В итоге остановились на боксе и рукопашном бое, который в отряде долгое время преподавал инструктор по БСП* Андрей Краснов. Значительный вклад в подготовку товарищей в тот период внесли и другие спортсмены ОМОНа.

В обязательную программу тренировок входила стрелковая, тактическая, а также альпинистская подготовка. В последнем случае большую помощь товарищам оказывал пришедший в отряд позднее Марк Гаврилов. Опытный альпинист мог рассказать и показать очень многое: крепления, веревочные узлы, технику спуска и подъема по стенам высотных зданий.

Постепенно бойцы подразделения превращались в настоящих профессионалов-универсалов, способных решать любые поставленные задачи.

С «терновым венком» за демократию

Решать задачи по обеспечению общественного порядка во время проведения массовых мероприятий новосибирским омовцам пришлось довольно скоро. Конец 80-х — начало 90-х годов в разваливающемся СССР ознаменовались небывалыми «демократическими вольностями».

Так, в феврале 1990 года только в РСФСР власти получили заявки на проведение ста митингов в 77 регионах. Причем в 12 областях обстановка складывалась критическая — звучали «демократические» призывы к захвату власти. Пока в Политбюро ЦК КПСС решали, что делать с назревшей проблемой в глобальном смысле, на плечи омовцев и других сотрудников правоохранительных органов легла вся тяжесть ответственности за недопущение массовых беспорядков и кровопролития.

Новосибирск к числу лояльных власти и беспроблемных городов в то время не принадлежал, а значит, противостояние омовцев и борцов за демократические свободы было неизбежным.

Довольно скоро митингующая вольница поняла: творить все, что заблагорассудится, во время уличных акций из-за эффективного противодействия ОМОНа не получится, и развернула против спецподразделения настоящую

* Боевая и специальная подготовка.

информационную войну. Справедливости ради надо сказать, что то же самое происходило практически по всему Советскому Союзу.

Вот как описывала демократическая пресса в мае 1990-го обычную операцию ОМОНа по пресечению беспорядков в очереди за спиртным, которое в ходе антиалкогольной кампании разрешалось продавать лишь пять часов в день:

6 мая десант отряда милиции особого назначения был выброшен у магазина № 4 Ленинского продторга для ставшего традиционным в результате антиалкогольной политики ленинской партии «успокоения» очереди за водкой. Разгоряченные выполнением партийного задания громилы, побросав алкашей в автобус, решили обшарить прилегающий район в поисках дополнительных жертв. («Пресс-бюллетень», № 22, 20.05.1990)

Далее демократическое издание со смаком расписывает «бесчинства омовцев», щедро рассыпая эпитеты: «штурмовики», «бандиты», «партийные бандиты», «профессиональные коммунистические убийцы», «преступники», «цепные псы», «бандитские формирования». В глазах демократического общества бойцы отряда олицетворяли партийную верхушку страны, «отчаянно цепляющуюся за власть».

Одно из самых памятных противостояний между ОМОНОм и митингующими произошло в октябре 1990 года. В День памяти жертв политических репрессий демократическая коалиция запланировала масштабный митинг, в ходе которого предполагалось возложить к памятнику Ленина «терновый венок» из колючей проволоки. Митинг был несанкционированным, что в те годы никого из участников акции не смущало.

30 октября колонна из 60 человек появилась на площади Ленина со свечами и венком из колючей проволоки. Их встретили около десятка офицеров и сотрудников милиции Центрального РОВД Новосибирска. ОМОН был неподалеку наготове, но не предпринимал активных действий. Офицеры вежливо попросили участников акции разойтись. Развернулись дебаты.

Видя, что митингующие настроены решительно, омовцы встали возле памятника Ленину в оцепление. Жестко, но в то же время предельно корректно они пресекли две попытки прорыва к монументу. Возложить венок из колючей проволоки не удалось, и участники акции неохотно разошлись.

Подобных эпизодов в то время хватало. Очень скоро активные митингующие и омовцы уже знали друг друга в лицо. А командир отряда Юрий Зайцев получил у «демократической вольницы» и в криминальных кругах прозвище Черный Подполковник. Причем с его профессиональной деятельностью оно было никак не связано. Дело было совсем в другом.

«Пивные душманы»

Начало сентября 1989 года. В стране близится к бесславному завершению антиалкогольная кампания. У обычного городского пивного ларька огромная очередь — не меньше двухсот человек.

Ажиотаж связан с тем, что пиво остается самым доступным алкогольным напитком в свободной продаже.

Очередь двигается медленно. В хвосте ворчат. Ближайшие к окошку в радостном предвкушении готовят банки и канистры.

Внезапно возле киоска возникает оживление. Непонятно откуда взявшаяся сплоченная группа из десятка крепких мужчин оттесняет очередников от выделенного окна.

— Душманы, — разочарованно вздыхает очередь.

Пришельцы привычно просовывают в окошко принесенную тару. Вскоре она полна, но уходить «душманы» не торопятся. Они намерены заработать.

Такой способ пивного рэкета для Новосибирска тех лет был вполне привычным. Теперь купить пенный напиток очередники могли только при посредничестве «душманов», при этом переплачивая рубль-два за заполненную емкость.

Каждый любитель пива знал: противостоять беспредельщикам бесполезно. Они физически сильны, жестоки и решительны. Любое недовольство и противодействие будут жестоко подавлены с помощью грубой силы.

Правда, на одну силу всегда находится другая.

— ОМОН!

Миг — и «пивные душманы» исчезают в ближайших кустах, словно их тут никогда и не было.

Очередь жизнерадостно гогочет.

Омоновский автомобиль некоторое время стоит у пивной точки. Бойцы из него не выходят. Нет необходимости. «Душманов» давно и след простыл. Как раз тот случай, когда репутация идет впереди отряда.

Впрочем, сначала все было не так просто.

О том, что ОМОНу было поручено навести порядок у городских пивных киосков, «душманы», естественно, не знали. До сих пор у них хватало наглости на то, чтобы бросать вызов обычным нарядам милиции. Столь же нахальными они попытались быть и с омоновцами.

Первая же попытка противодействия была решительно пресечена бойцами отряда, которые доказали свое превосходство. Беспредельщики были задержаны. После нескольких стычек «душманское» сообщество уяснило, что связываться с ОМОНОм — себе дороже, и его представители впредь, едва завидев транспорт отряда, стремительно обращались в бегство.

Задача была выполнена. Порядок у пивных киосков наведен. Правда, на этом «пенная» история не закончилась.

Через некоторое время руководству отряда стали поступать жалобы от граждан и грозные директивы от руководства новосибирской милиции. Якобы бойцы ОМОНа злоупотребляют своей подготовкой, проявляют излишнюю жестокость у пивных киосков и не только там.

Стали разбираться.

Вскоре выяснилось, что репутацией ОМОНа стали беззастенчиво пользоваться сотрудники патрульно-постовых подразделений, наводя порядок в проблемных точках не самыми гуманными методами и без разбора.

На руку им было и внешнее сходство с бойцами спецподразделения. Дело в том, что форма ОМОНа практически не отличалась от стандартной формы милиции. На ногах бойцы носили ботинки-берцы, в которые заправляли форменные брюки. Куртку подпоясывали ремнем, а на голову надевали кепи вместо фуражки. В начале девяностых на такую же форму одежды стали переходить все подразделения милиции, а значит, отличить их от бойцов спецподразделения стало достаточно сложно. Это была проблема. Решить ее удалось довольно быстро.

Командир взвода Александр Скоропупов пришел к замполиту отряда Виктору Коху с идеей. Он предложил купить 200 комплектов обычной армейской «афганки», а затем покрасить ее в черный цвет.

Так и сделали.

Черные береты Скоропулов достал у знакомых морпехов, а Кох придумал для новой формы особенный нарукавный шеврон, на котором были изображены щит и меч, а также надписи: «ОМОН» и «Новосибирск». Новая форма отряда кардинально отличалась от повседневной формы милиционеров, и вскоре инциденты с «перепутками» сошли на нет.

В то же время веяния новосибирской форменной моды быстро получили известность. Другие отряды ОМОНа по всей стране переходили на такое же обмундирование.

А командир новосибирского отряда Юрий Зайцев получил то самое прозвище — Черный Подполковник.

Беспредел на «сибирском Черкизоне»

Еще одной памятной историей времен становления отряда стала операция по наведению порядка на Гусинобродском вещево́м рынке.

К началу 90-х годов «сибирский Черкизон» (как его стали называть впоследствии) был главным вещево́м рынком за Уралом. Именно сюда стекались все товары из Китая, чтобы затем отправиться в соседние регионы. Деньги здесь крутились огромные, и ни у одной из организованных преступных группировок не хватало ресурсов, чтобы надежно контролировать территорию рынка. Зато мелких рэкетиров, карманников, наперсточников и беспредельщиков от криминала здесь было хоть отбавляй.

Обычные подразделения милиции не могли эффективно защищать торговцев от бандитов, поэтому задача наведения порядка на барахолке была поставлена перед новосибирским ОМОНОм.

Больше всего торговцы рынка страдали от заезжих «бригад» из Кузбасса. Крепкие «братки» в спортивных костюмах по воскресеньям приезжали на вещево́й рынок из Кемерово и Новокузнецка как на работу. Действовали они по-разному. Иногда разбивались на небольшие звенья и шныряли по рядам, просто-напросто забирая понравившийся товар: куртки, костюмы, борсетки, сумки. Иногда работали большой группой, по цепочке. То есть первый «браток» хватал товар с прилавка, передавал следующему и так далее. Через несколько секунд беспредельщик с товаром просто растворялся в толпе, а предъявить что-то зачинщику было сложно, поскольку самой улики на руках у него уже не было.

Кузбассовцев побаивались даже новосибирские рэкетеры и не решались с ними связываться, несмотря на то что торговцы платили «своим» за «крышу».

Однако в один прекрасный день заезжих гастролеров ждал неприятный сюрприз. Разошедшихся по рядам беспредельщиков одного за другим скручивали крепкие парни в гражданском. Это была операция ОМОНа. В тот день торговцы на вещево́м рынке впервые вздохнули спокойно.

Между тем «кузбасские» не сразу поверили, что барахолочная вольница закончилась. В очередной раз они прибыли на рынок большой группой на нескольких машинах и попытались действовать уже привычным образом. Однако омовцы уже отследили и вычислили незваных гостей и приступили к задержанию. «Кузбасские» решили дать отпор. В ход пошли газовые баллончики, кастеты, ножи, обрезки труб, нунчаки, железные прутья. Омовцы, даже без применения табельного оружия, быстро показали, кто в городе хозяин.

Не раз и не два после этих событий гастролеры пытались снова хозяйничать на барахолке. Заканчивалось это для них всегда одинаково, то есть — за решеткой. Причем часто в машинах приезжих находили холодное и огнестрельное оружие, спецсредства, наркотики.

«Кузбасские» пытались менять тактику, переодевались, маскировались. Бесполезно. Их автомобили заранее вычислялись, и часто до самого рынка они просто не успевали добраться: ОМОН задерживал их раньше.

В конце концов «кузбасские» смирились с тем, что вещевой рынок под надежной защитой, и прекратили свои набеги.

В свою очередь, избавление от конкурентов очень обрадовало новосибирских рэкетиров, продолжавших делить сферы влияния на рынке. Однако радовались они напрасно. Любые силовые столкновения на территории «сибирского Черкизона» сразу же пресекались ОМОНОм. Зайцев и его команда вскоре заработали себе здесь такую репутацию, что жулики и рэкетеры, едва завидев транспорт отряда или его бойцов в торговых рядах, предпочитали сворачиваться и не будить лихо. Этому обстоятельству были бесконечно рады торговцы и покупатели.

Конечно, Гусинобродский вещевой рынок до самого своего закрытия являлся центром притяжения криминальных сил, оставивших в его истории длинный и иногда, к сожалению, кровавый след. Однако ОМОН сумел сделать главное: прекратил открытый беспредел в отношении рядовых торговцев. А преступники лишний раз уяснили, что в открытое противостояние с бойцами Юрия Зайцева лучше не ввязываться.

Улицы разбитых фонарей

В конце 80-х — начале 90-х годов Новосибирск уверенно входил в десятку самых криминальных городов России. На улицах, особенно в спальных районах, было небезопасно. Частенько шли «стенка на стенку» молодежные группировки, процветали грабеж и разбой. Наводить на улицах порядок снова пришлось ОМОНу.

При патрулировании зон ответственности омовцы были значительно эффективнее других подразделений милиции, а спецоперации отряда позволяли предотвратить очень крупные неприятности.

Начало 1989 года. Новогодние праздники. Вволнованные новосибирцы наперегонки набирают «02». К главной елке города движется толпа агрессивных нетрезвых подростков — больше ста человек. «Первомайские» собираются отомстить «центральный» за какие-то обиды.

На пути толпы встает ОМОН. Задержано больше 30 человек. У них изъяты ножи, биты, кастеты, нунчаки и другие смертоубийственные предметы. Если бы стычка состоялась, жертв, скорее всего, было бы не избежать.

Август 1991 года. День десантника. Около полудня изрядно подвыпившие «голубые береты» числом немалым двигаются в сторону Центрального рынка. Собираются проучить «зажравшихся коммерсов» и торговцев с юга.

ОМОН готов к выполнению задачи, но команды нет. Мол, патрульно-постовая служба сама справится.

Не справилась. На Центральном рынке хаос и разгром. И только тогда на место «славной баталии» выдвигаются омовцы. Вскоре горе-десантники с

рынка выбиты. Но праздник продолжается. Тревожные сигналы поступают с разных концов города. Где-то разбиты стекла, где-то десантура бесчинствует у пивных ларьков.

Ирония в том, что многие омовцы сами прошли суровую школу ВДВ и сегодня у многих из них тоже праздник. Одни бывшие десантники защищают покой горожан от других бывших десантников, находясь по разные стороны баррикад. Увечий и жертв удается вновь избежать только благодаря ОМОНу.

Часто бойцам отряда приходилось работать «в поле». Переодевались в гражданскую одежду, патрулировали улицы. Метод был эффективен, например, против «шапошников» — так называли грабителей, которые срывали шапки с прохожих и убегали. Иногда только за одну смену ловили до четырех преступников.

Случались и курьезы. Однажды такой патруль в гражданском начал подпирать машина с «братками». Сигналили, требовали освободить дорогу. В итоге терпение «братков» лопнуло. Выскочили из машины, кинулись в драку. Итог закономерен — все нарушители правопорядка были задержаны. Грехов нашлось за ними немало.

В другой раз, в марте 1994 года, боец ОМОНа Александр Ферцев мирно ехал в автобусе с дежурства. На одной из остановок в салон ввалились два пьяных пассажира и принялись буяннить. Омоновец не стал тратить время на воспитательные беседы и задержал обоих. Потом выяснилось, что один из буянов находился в розыске за убийство.

Впрочем, такие курьезы были редкостью, поскольку очень скоро «братва» и омовцы уже узнавали друг друга в лицо. Да и как не узнавать? ОМОН плотно работал с оперативниками уголовного розыска, а одним из самых распространенных способов поимки преступников были милицейские облавы.

Например, оперативники узнавали о том, что в каком-то из ресторанов гуляет «братва». Вызывали ОМОН. Ресторан оцепляли и проводили зачистку с задержаниями. Так удавалось поймать многих преступников, которые числились в розыске.

Облавы, конечно, были опасны. Обычно представители криминального мира оказывались вооружены, но чаще всего не успевали или не осмеливались пустить оружие в ход.

Отдельная статья — борьба ОМОНа с наркоторговцами.

В те годы значительную часть этого смертельного бизнеса в Новосибирске контролировали цыгане. Оперативники собирали информацию, вычисляли места хранения и сортировки наркотиков, а потом в дело вступал ОМОН.

Одна из самых крупных операций против цыган-наркоторговцев состоялась в апреле 1992 года. Тогда было задержано больше 70 подозреваемых и захвачена крупнейшая партия наркотиков. И подобных операций, пусть меньших по масштабу, было множество.

Как ни удивительно, вскоре цыгане стали испытывать к бойцам отряда Юрия Зайцева нечто вроде боязливого благоговения. Так, например, при проверке помещений известного цыганского «барона» беременные цыганки с надеждой спрашивали: «А Коля сегодня работает?» Они имели в виду командира первого взвода Николая Фризену, обладавшего богатырским телосложением и высоким ростом. Дело в том, что, по цыганским поверьям, если до такого громадного человека дотронется беременная женщина, то ребенок тоже родится большим и сильным.

Впрочем, благоговение это распространялось исключительно на омоновцев.

Был случай, когда четверо оперативников решили самостоятельно проверить подозрительный цыганский коттедж. Закончилось тем, что их обезоружили и избili. К счастью, одному из оперов удалось вырваться и вызвать помощь. Приехали бойцы ОМОНа. Незадачливых сотрудников милиции вызволили.

Но чаще всего ОМОН использовали в тех случаях, когда, кроме бойцов отряда, справиться не мог никто. Например, при задержаниях особо опасных вооруженных преступников.

Однажды в управление уголовного розыска поступила информация о месте нахождения известного в криминальных кругах рецидивиста по кличке Гусь, который давно находился в розыске. Отправлять на захват обычных милиционеров было опасно. Преступник — бывший десантник и, скорее всего, вооружен. Его подозревали в убийстве таксиста. Статья тяжелая, и терять преступнику нечего. Вызвали группу захвата ОМОНа.

Ворваться в берлогу преступника решили с двух сторон. Часть бойцов штурмует входную дверь, а другие с крыши на веревках спускаются на балкон.

Гуся удалось застать врасплох. Как только омоновцы ворвались в квартиру, он вскочил с дивана и попытался оказать сопротивление. Отбиваясь от бойцов, он старался пробраться к шкафу, где лежало оружие, но был схвачен.

В другой раз в одной из квартир Ленинского района омоновцы провели операцию по освобождению заложницы. Четверо преступников удерживали здесь несовершеннолетнюю девочку и требовали выкуп, угрожая сжечь ребенка.

Группа захвата выбила дверь и ворвалась в квартиру так стремительно, что ни заложница, ни бойцы не пострадали. Чего нельзя, конечно, сказать о преступниках.

Еще один памятный случай произошел на улице Бориса Богаткова. Хозяин квартиры ни с того ни с сего вдруг принялся палить по прохожим из охотничьего ружья, ранил сотрудника милиции. Приехал ОМОН. Снайпер занял позицию и доложил, что готов обезвредить преступника. Решили иначе, пошли на захват. Горе-стрелок был задержан. Никто из омоновцев не пострадал.

Гораздо печальнее могла закончиться история с задержанием преступника в гостинице «Обь».

В припаркованном у гостиницы автомобиле заметили оружие и окровавленный нож. Прибывшие бойцы отправились за водителем. Но тот, заметив ОМОН, выхватил гранату и стал угрожать взрывом.

Ситуация сложилась тревожная. На переговоры с преступником пошел сам командир отряда Юрий Зайцев. Но преступник на уговоры сдаться не поддавался и только взвинчивал себя.

В какой-то момент боец ОМОНа увидел, что преступник разжимает руку, намереваясь подорвать себя или бросить гранату в омоновцев. Медлить было нельзя. Прогремел выстрел. Бандит был убит. Граната все-таки взорвалась, но никто не пострадал.

Позже выяснилось, что иногородний преступник совершал разбойные нападения на своих приезжих земляков и как раз в этот день жестоко убил одного из них. Бойцы новосибирского ОМОНа положили конец кровавой цепи его преступлений.

Особенности новосибирской рыбалки в зимний период

В начале девяностых в Новосибирске просто не было спецподразделений, равных ОМОНу по выучке, сплоченности, готовности решить любую задачу, пусть даже никак не связанную с противостоянием криминалу.

27 ноября 1991 года едва не стало днем большой трагедии в жизни города.

Около 14 часов дня в дежурную часть УВД поступил крайне тревожный сигнал. На Обском водохранилище от берега оторвалась огромная льдина, на которой оказались больше шестидесяти рыбаков. Погода в тот день была плохой. Сильный ветер и метель. Льдину неумолимо несло к плотине ГЭС, а толщина льда была всего около восьми сантиметров. Он мог разломиться в любой момент, что означало бы верную гибель людей.

Никаких частей МЧС, естественно, в то время еще не было. Ни военные, ни «осоводвцы» тоже не успевали ничего сделать, а счет шел буквально на минуты.

Оперативный штаб УВД, городские и областные власти справедливо рассудили — помочь может только ОМОН. Бойцы отряда стремительно погрузились в два вертолета, которые взяли курс к месту происшествия.

15:20. Первый вертолет, который пилотирует Владимир Афонин — пилот-спасатель с Чкаловского завода, приближается к злополучной льдине. Ветер усиливается. Перед пилотом сложнейшая задача — зависнуть над льдиной так, чтобы омовцы десантировались и помогли собрать и посадить в вертолет рыбаков. На всякий случай бойцы ОМОНа готовят веревочные лестницы и тросы для подъема людей.

Вертолет зависает буквально в десяти сантиметрах над ледяным полем, и бойцы начинают чуть ли не силой загонять рыбаков на борт. Напуганные любители зимнего лова в шоке, дезориентированы. Некоторые отказываются приближаться к вертолету. Им помогают.

Наконец на борту 49 спасенных. Он поднимается и берет курс на берег. Омовцы остаются на хрупкой льдине, собирая оставшихся людей.

Еще 14 человек чуть позже забирает вторая машина. ОМОН покидает ненадежный лед последним.

Трудности смутного времени

Если с выучкой, подготовкой и самоотдачей в отряде в начале 90-х годов все было хорошо, то с материальным обеспечением личного состава — не очень. Зарплату бойцы получали с перебоями. Была она невеликой, и ее ни на что толком не хватало.

Впрочем, так в то время жила почти вся страна. Переход к свободному рынку дался недавней супердержаве тяжело. Стоят предприятия, чудовищная инфляция, стремительный рост цен, безработица.

Конечно, руководство отряда пыталось решать материальные проблемы личного состава. Организовывали централизованное питание в столовых, командир Юрий Зайцев разрешил бойцам подрабатывать в свободное от службы время. Омовцы в частном порядке дежурили охранниками в коммерческих фирмах, что давало возможность хоть как-то сводить концы с концами. Немного доплачивали бойцам и городские власти. Сумма смешная — около 30 или 40 рублей, но все же лучше, чем ничего.

И все-таки порой доходило до нелепостей.

Несколько раз случались ситуации, когда омоновцы в общественном транспорте предъявляли служебные удостоверения и оказывались непонятыми.

«Вы же не милиция! Вы — ОМОН!» — заявляли кондуктора и требовали оплатить проезд.

А оплачивать было нечем. Выходило неловко.

Пытались в отряде искать и централизованную подработку.

Был период, когда ОМОНу было поручено следить за порядком в общежитиях новосибирских вузов. Здесь хватало эксцессов. В те годы в общежитиях царили буйные нравы. Бойцы ОМОНа пресекали любые вольности и проявления хулиганства. Иные студенты были недовольны методами спецподразделения, а вузовские корпоративные молодежные газеты выдавали про охранников-омоновцев немало ядовитых материалов. Зато в общежитиях был порядок.

Из-за нехватки зарплатного фонда отряд не мог позволить себе привлечь нескольких важных специалистов. Так, например, в те годы в ОМОНе не было своего штатного медика.

Трудности тех лет, к сожалению, стойко перенести смогли не все. Некоторые бойцы ушли из отряда. Началась перманентная, хотя и не массовая текучка кадров.

А в 1993 году отряд ждал по-настоящему серьезный удар. «Отец-основатель» отряда полковник Юрий Зайцев был назначен в только что созданный Специальный отряд быстрого реагирования (СОБР). В СОБРе зарплаты были значительно выше омоновских. Вслед за Зайцевым из отряда ушло еще около двадцати человек.

Но выяснилось, что эти трудности только сплотили бойцов. А новый командир Виктор Грехонин достойно продолжил дело, начатое Черным Подполковником. Место ушедших заняли новые бойцы и командиры, а профессиональный уровень отряда оставался столь же высоким.

Впереди ждали новые испытания.

От Москвы до южных до окраин

Осенью 1993 года вся страна затаив дыхание следила за разрастающимся внутривластным кризисом в столице.

Президент и его сторонники против большей части народных депутатов и членов Верховного Совета — сюжет немислимый еще несколько лет назад.

В Москве неспокойно. Гремят первые выстрелы. Наконец, когда становится понятно, что мирное решение конфликта невозможно, в столице объявляют чрезвычайное положение.

Новосибирский ОМОН, как и другие спецподразделения по всей стране, поднят по тревоге. В аэропорту Толмачево отряд ожидал спецборт. На посадке почти весь личный состав. На базе осталось лишь около пятнадцати бойцов для несения караульной службы. Вскоре отряд уже в Москве.

Столица дышит тревогой. На вокзалах и в аэропортах полно людей. Многие, в том числе и представители криминала, хотят убраться куда подальше в предчувствии грядущих тщательных проверок.

Прямо с борта новосибирских омоновцев везут к Белому дому.

На прилегающих к зданию улицах полно военной техники и солдат. Слышны выстрелы. Обстановка сложная и пока непонятная. Некоторую ясность вносит

высокий чин из МВД, который встречает новосибирцев. Он поясняет, что задействовать новосибирский ОМОН в военных операциях не будут. Задача — обеспечить порядок на московских улицах, не допустить разгула криминала.

Отряд временно размещается в одном из московских кинотеатров, затем перебирается в гостиницу «Севастополь».

К этому моменту в городе введен комендантский час.

Спецподразделения из разных регионов страны поделили территорию столицы на сектора. Новосибирскому ОМОНу достается район Зюзино на юго-западе Москвы. Начинаются вечерние и ночные патрулирования.

После наступления комендантского часа любые передвижения по улицам столицы были запрещены. Исключение — лишь для тех, у кого есть специальный пропуск. В эти дни такие пропуска выдавались на каждом московском предприятии сотрудникам вечерней смены.

Остановленные патрулями граждане без пропуска сопровождалась в специальные пункты для проверки личности. Таким путем, кстати, было выявлено немало преступников, которые находились в розыске.

Эффективность работы омовцев в столице в те тревожные дни говорит сама за себя. Если до этого в Москве, например, совершалось по 250 угонов автомобилей за сутки, то теперь — лишь один-два угона. Совершенно исчезли уличные преступления, хулиганство, грабежи. Притихли домушники и щипачи-карманники.

Москвичи быстро оценили работу ОМОНа по достоинству, и первая настороженность сменилась признательностью. Часто горожане приносили на временную базу отряда продукты, угощали патрульных бойцов хлебом и молоком.

Словом, те две недели, пока московские улицы контролировал ОМОН, были для москвичей временем спокойствия, несмотря на происходящие громкие события. Не случайно тогдашний мэр Москвы Юрий Лужков выходил на руководство МВД с ходатайством оставить омовцев в городе на больший срок, обещая обеспечить материальное содержание за счет городского бюджета. Руководство вроде бы было не против, но сама жизнь решила иначе.

Массовые беспорядки продолжались в Осетии — последствия вооруженного осетино-ингушского конфликта. В республику в срочном порядке прямо из Москвы был переброшен взвод новосибирского ОМОНа во главе с командиром отряда Виктором Грехониным. Бойцам предстояло провести там почти год.

Несмотря на то что вооруженный конфликт в Осетии уже был позади, работы омовцам хватало: бойцы отряда изымали незаконное оружие и следили за порядком.

В Новосибирск омовцы вернулись в конце 1994 года. Тогда мало кто из них мог подумать, что первая командировка на Кавказ станет лишь небольшим начальным эпизодом предстоящей многолетней кавказской эпопеи, предвестницей трагических и грозных событий, потрясших страну. И в этой эпопее новосибирскому ОМОНу была отведена весьма значимая роль.

В Чечню

В июне 1991-го сепаратисты провозгласили независимость Чеченской Республики. Продолжающийся распад Советского Союза сделал невозможным в тот момент наведение порядка на территории региона. Целых три года непри-

Первые «уловы» на зачистках не заставили себя долго ждать. Бойцы находят незаконное оружие, задерживают боевиков и их пособников. Вскоре такие выходы в боевых условиях стали привычной каждодневной работой.

Параллельно как могли устраивали быт.

Как и везде в прифронтальной зоне, возле пункта временной дислокации действовали товарно-обменные отношения. В обмен на мыло у соседних подразделений можно было, например, разжиться дровами.

Как потом вспоминали участники первой командировки в Чечню, сильно поражала беспомощность в бытовом плане многих военнослужащих войсковых подразделений. Солдаты-срочники даже палатку не могли толком поставить, не говоря уже о более сложных вещах. Омоновцы подсказывали, помогали, а порой и подкармливали соседей, хотя и сами часто страдали от нехватки продуктов.

Так начиналась первая 45-дневная чеченская командировка новосибирских омоновцев.

Кровники

К тому моменту, когда сопротивление части боевиков-сепаратистов было подавлено, а часть оттеснена в горы, отряд получил приказ передислоцироваться в Грозный, в Старопромысловский район.

Город являл собой страшную картину.

Практически на каждом перекрестке, на каждой улице — сгоревшая бронетехника. Большинство зданий разрушено. И погибшие. Сотни тел погибших солдат, которые еще не успели вывезти.

Только теперь в полной мере стало очевидно, насколько плохо была продумана операция по штурму города, насколько действия различных частей были несогласованными, а координация со стороны штабов — недостаточной.

Командиры отряда Валерий Копарев и Виктор Кох дали себе обещание: невзирая ни на какое давление сверху, ни в коем случае не привлекать отряд к операциям, если они детально не продуманы и выглядят авантюрами. Забегая вперед, можно сказать, что слово они сдержали и во многом благодаря этому первая командировка отряда обошлась без потерь.

Омоновцы заняли под пункт временной дислокации здание столярной школьной мастерской в Старопромысловском районе. Бытовые условия несколько улучшились. Появились матрасы. Соорудили баню. К слову, сооружение бани в дальнейших командировках было взято за твердое правило, поскольку от гигиены в полевых условиях зависит очень многое.

Баня вышла на удивление отличная. Настолько, что соседи из войсковых частей постоянно просились «на помывку».

Новосибирскому и омскому ОМОНу была поставлена задача контролировать Старопромысловский район. Развернули четыре КПП, на которых постоянно дежурили бойцы. Проверяли проезжающий транспорт и всех проходящих. Также выдвигались на точечные зачистки по наводке разведчиков. Промахов с зачистками ни разу не было.

Вскоре новосибирские омоновцы удостоились «высокой чести». За задержание родственника Джохара Дудаева глава сепаратистов объявил их своими личными кровниками. Это означало, что никакой пощады от боевиков с этого момента ждать не придется. Узнав о заявлении Дудаева, бойцы продолжили нести службу, хотя меры предосторожности были усилены.

В повседневной службе хватало трагических событий.

Однажды в промышленной зоне района омовцы наткнулись на страшную находку. В подвале одного из зданий обнаружили около тридцати тел зверски убитых десантников. Здесь боевики безжалостно расправлялись с пленными. Тела погибших находились в подвале уже давно. Забирать их пришлось команде в специальном снаряжении и противогазах. Десантники были из части, которая была одной из первых брошена на неподготовленный штурм Грозного и практически полностью уничтожена.

В ходе одной из зачисток омовцы в первый раз увидели и так называемых чеченских рабов. Самая настоящая работорговля за три года до начала первой кампании в самопровозглашенной республике превратилась в доходный бизнес. «Живой товар» тайком вывозили из России и в Чечне продавали полевым командирам и их родственникам. Рабов за еду заставляли выполнять всю черную работу. Держали в ямах, на цепи.

Когда омовцы освободили сограждан, вчерашние рабы не хотели никуда уходить — настолько эти люди свыклись со своим существованием. Многим из них возвращаться было просто некуда.

Зима 1995-го по местным меркам выдалась холодной. Ночами температура опускалась до минус пятнадцати. Личный состав на блокпостах разводил костры, после разгребали угли и устраивались спать на теплой земле.

Срок первой командировки подходил к концу. Вскоре ждали замену. При этом родные омовцев даже не знали, что наши бойцы несут службу непосредственно в Грозном, и были уверены, что отряд дислоцирован в тыловом Моздоке. Даже сменщики поняли, что едут непосредственно в самое сердце Чечни, только в последний момент. Вообще о происходящем в республике остальная страна знала далеко не в полной мере. Из новостных выпусков ТВ и прессы поступала тщательно дозированная информация. Только с возвращением первых «чеченцев» россияне стали понимать, что на Северном Кавказе идет настоящая и далеко не победоносная война.

Первая команда встречала своих сменщиков — 80 бойцов во главе с командирами Виктором Грехониным и Сергеем Проскуряковым — хлебосольно. К их приезду в огромном котле сварили половину коровы. Встреча с земляками вышла радостной, но недолгой. Забирать бойцов должен был тот же транспорт, который привез второй отряд.

Боевые будни и первая потеря

Новая смена новосибирских омовцев выполняла те же задачи, что и их предшественники, — дежурство на блокпостах, точечные зачистки. Правда, штурмовой группе отряда вскоре пришлось поучаствовать и в полноценной войсковой операции.

В марте 1995-го федеральные части атаковали последний оплот боевиков в Грозном — район Черноречье. В операции участвовали и новосибирские омовцы.

Боевики под командованием самого печально известного Шамиля Басаева оказывали наступающим войскам упорное сопротивление, но все-таки были выбиты со своих позиций. Практически Грозный был полностью взят именно в этот момент.

Тогда же, в марте, в отряде случилась первая боевая потеря.

В тот мартовский день четыре сотрудника — Андрей Гусевской, Сергей Чуров, Евгений Высотин и Константин Зайцев — отправляются на грузовике за продуктами для отряда.

Туда доехали нормально. Возвращение на блокпост. Сзади грузовик начинает обгонять МТЛБ*. Машина с бойцами прижимается к обочине. В этот момент сидящие на броне МТЛБ открывают огонь по грузовику. Пуля попадает Сергею Чурову в бок, между пластинами бронезилета. Тяжелораненого везут в ближайшую воинскую часть, но не успевают. Боец погиб.

Старшина милиции Сергей Васильевич Чуров похоронен в городе Обь. Он посмертно награжден орденом Мужества. Приказом МВД России Сергей Чуров навечно зачислен в списки личного состава оперативной роты ОМОНа при ГУВД Новосибирской области.

И сегодня, спустя много лет, омовцы не забывают про семью погибшего товарища. Отряд помог его матери с получением квартиры. Ежегодно в годовщину гибели Сергея семью героя навещают его бывший командир Валерий Копарев и другие ветераны той чеченской кампании.

Отряд тем временем набирался боевого опыта и постигал премудрости партизанской войны.

Так, например, саперы отряда практически ежедневно обезвреживали заложенные боевиками мины и фугасы. Вскоре это превратилось в своего рода смертельное состязание. Боевики все изощреннее маскировали свои смертоносные сюрпризы, а саперы-омовцы настойчиво эту маскировку раскрывали. Доходило до того, что изворотливые сепаратисты маскировали взрывные устройства с помощью нечистот. Но чаще всего эти хитрости не помогали. Саперы отряда выигрывали состязание с явным преимуществом.

Всего же за первую чеченскую кампанию сменные отряды новосибирского ОМОНа выезжали в зону боевых действий семь раз.

Рыжий

На войне любая жизнь приобретает особую ценность.

Откуда к омовцам в Чечне прибился смешной щенок, сегодня никто толком не помнит. Однако однажды он появился, был обласкан и получил прозвище согласно масти — Рыжий.

Рыжий бегал по расположению отряда и добровольно взял на себя охранные функции. Неизвестно почему, но Рыжий терпеть не мог местных жителей. Он безошибочно отличал своих от чужих и к незванным, по его мнению, пришельцам был беспощаден.

Так, например, его жертвой однажды стал местный участковый, который частенько заглядывал в пункт временной дислокации ОМОНа.

В один из своих визитов участковый был безжалостно покусан, а его форменные брюки порваны. Командиру Валерию Копареву пришлось звонить знакомым в Новосибирск и просить, чтобы участковому прислали новую милицейскую форму.

Собаке долго объясняли, что участковый — свой и кусать его строго воспрещается. Рыжий вроде бы понял, но сам участковый с тех пор, появляясь в пункте временной дислокации ОМОНа, неизменно просил убрать собаку куда-нибудь подальше.

* Многоцелевой транспортер легкий бронированный.

Другой замечательной способностью Рыжего была борьба с «растяжками». Так называют приспособления из проволоки, при прикосновении к которым активируется спрятанная граната или мина.

Рыжий частенько при зачистках бежал впереди бойцов и, что называется, «брал» все растяжки на себя. Нет, специально обнаруживать гранаты его никто не учил. Он просто-напросто на бегу задевал натянутую проволоку. Предохранительная чека гранаты выдергивалась, следовал характерный щелчок.

С этого момента у Рыжего было несколько секунд, чтобы со всех лап убежать как можно дальше, что он с успехом и проделывал.

Сложно сказать, скольких бойцов Рыжий таким образом уберег от ранений, а то и от гибели.

Однажды пес не успел убежать на безопасное расстояние, его ранило осколком. Весь отряд моментально пришел в беспокойство. Хвостатому герою обработали рану, перевязали и отвели лучшее место в расположении для скорейшего выздоровления. Бойцы взялись откармливать Рыжего, жертвуя самые вкусные куски из своего рациона.

Хитрый пес моментально оценил преимущества своего лазаретного статуса. Если в расположении никого не было, полагая, что его никто не видит, Рыжий вольготно всюду разгуливал. Но как только в поле зрения пса появлялся кто-то из бойцов, он моментально падал на свою лежанку и притворялся тяжело больным.

Позже, покидая Чечню, омовцы не захотели расставаться с хвостатым боевым товарищем и взяли Рыжего с собой в Новосибирск.

Пес некоторое время жил на базе, но потом заскучал и убежал. В отряде все, конечно, очень расстроились.

Однажды в ходе одного из рейдов по рынку бойцы увидели знакомого пса, разгуливающего по мясным рядам. Рыжий был моментально опознан и увезен на базу. Там пес всех облизал, но оставаться в расположении не пожелал и вскоре опять ушел, теперь уже навсегда.

Возможно, и сегодня в Новосибирске живут хвостатые потомки Рыжего, даже не подозревающие о славном боевом прошлом своего предка.

Окончание первой кампании. Несправедливое обвинение

В начале 1996 года боевики пытаются переломить ход кампании и вынудить российских военных уйти из Чечни.

Одной из ключевых операций сепаратистов стал налет на Дагестан. Несколько больших групп боевиков проникли на территорию соседней республики, пытались атаковать вертолетную базу федеральных сил, а затем совершили нападение на город Кизляр, где захватили родильный дом и больницу, а также взяли в заложники больше 3000 человек.

10 января, после переговоров с руководством Дагестана, боевики покинули город организованной колонной, захватив с собой в качестве «живого щита» около ста заложников.

Проникнуть обратно в Чечню они планировали через территорию приграничного села Первомайское.

На следующий день средства массовой информации раструбили на всю страну, что боевикам в Первомайском без сопротивления сдался в плен отряд новосибирского ОМОНа — 37 человек.

Те омовцы, которые находились на базе в Новосибирске, сразу же связались со своими товарищами в Чечне. Те в полном недоумении отвечали, что у них все в порядке и речь идет о какой-то ошибке или дезинформации.

Действительно, даже высокие военные чины позже в своих мемуарах утверждали, что в плен сдались именно омовцы из Новосибирска, что было неверно и лишний раз доказывало, насколько военное руководство не владело информацией о происходящем в районе рейда боевиков.

Обычные слухи и сплетни в устах уважаемых журналистов привели к тому, что на репутации новосибирского ОМОНа на долгие годы появилось незаслуженное клеймо. До сих пор официально и во всеуслышание никто не попытался эту ошибку исправить.

В действительности дело было так.

На окраине Первомайского стоял блокпост с милиционерами из Новосибирска. Это был сводный отряд, в основном из сотрудников патрульно-постовой службы. Ни одного бойца новосибирского ОМОНа там не было.

Боевики потребовали от милиционеров сдаться в плен, угрожая в противном случае убить заложников. И милиционеры, действительно, сдались, чтобы сохранить жизни мирных граждан. Откуда взялась версия, что это была группа новосибирского ОМОНа, — до сих пор остается загадкой.

Некоторые ветераны первой чеченской кампании в своих воспоминаниях утверждают, что слух этот специально распустили боевики, которые испытывали к новосибирским омовцам, как к кровникам Дудаева, особые чувства.

Как бы то ни было, аукался бойцам отряда этот случай еще долго.

В первую очередь насмеялись коллеги из других спецподразделений. Приходилось доказывать, что новосибирский ОМОН не имеет к случившемуся никакого отношения.

После того как пленные милиционеры вернулись в Новосибирск, они тут же были награждены орденами и медалями. У ОМОНа же от представления к награде до награждения проходило не меньше года.

За время первой чеченской кампании бойцы отряда обнаружили десятки схронов с оружием и боеприпасами, обезвредили множество взрывных устройств, сорвали немало планов боевиков, а среди задержанных отрядом был даже так называемый эмир — человек, осуществляющий финансовую подпитку бандформирований, отвечающий за организационную сторону операций и идеологию.

В августе 1996 года были заключены Хасавюртовские соглашения. Сепаратисты на тот момент сумели добиться своего. Российские войска были временно выведены из Чечни, а вопрос о статусе республики отложили до конца 2001 года.

Покинул Чечню и отряд новосибирского ОМОНа, но все понимали, что рано или поздно сюда придется вернуться.

И вновь продолжается бой

Хасавюртовские соглашения в основном оставались соглашениями лишь на бумаге. В течение трех следующих лет отряды чеченских полевых командиров продолжали свои рейды на российскую территорию — похищали заложников и автотранспорт, торговали рабами. На подпольных заводах в республике тоннами производился бензин для незаконной продажи на территории России.

Боевики все время старались прощупать позиции военных на сопредельных территориях. Продолжались вооруженные столкновения. Гибли люди.

В августе 1999 года спецслужбы получили информацию, что боевики готовят крупный прорыв на территорию Дагестана, где эмиры вовсю вели пропаганду, призывая дагестанскую молодежь вставать под знамена джихада.

Новый президент Чечни Аслан Масхадов, сменивший ликвидированного Джохара Дудаева, к слову, так и не рассчитавшегося со своими кровниками, осуждал деятельность боевиков лишь на словах. На деле у него просто не было инструментов контроля над отрядами полевых командиров.

Вскоре боевики, действительно, пошли на прорыв в Дагестан, но их расчеты не оправдались. Население соседней республики не только не примкнуло к ним, но и оказало ожесточенное вооруженное сопротивление.

При поддержке федеральных войск боевики были отброшены назад на территорию Чечни. На это потребовалось больше месяца. После того как в сентябре террористы взорвали жилые дома в Буйнакске, Москве и Волгодонске, президент Борис Ельцин подписал указ «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Указ предусматривал создание объединенной военной группировки на Северном Кавказе. Это означало, что новосибирский ОМОН, который в перерыве между чеченскими кампаниями обеспечивал порядок на территории родного региона, вскоре вновь должен был отправиться в полыхающую Чечню.

К этому моменту у омовцев был изрядный опыт военных командировок, поэтому роли, помимо боевых, в отряде распределялись заранее: тыл, связь, саперы, повара. Каждый раз при заступлении на дежурство один из взводов должен был обеспечивать полный порядок в пункте временной дислокации и выполнять все хозяйственные работы.

Впрочем, до более или менее постоянного пункта временной дислокации еще предстояло дожить. За первые недели новой командировки отряд несколько раз менял зону ответственности.

В первоочередные задачи входили все те же патрулирования, зачистки в населенных пунктах, обеспечение требований особого режима.

К слову, находилось место и приятным моментам.

1999 год. Щелковской район. Станица Старо-Щедринская. Вокруг разгорается новая война, но местное население ни за что не хочет отказываться от идеи провести районные спортивные соревнования. Еще бы. Это первые мирные состязания в регионе с 1991 года. А между тем находящийся в прифронтной полосе район закрыт. Омовцам пришлось сопровождать команды к местам ристалищ.

В составе отряда — Александр Устинов, спортсмен-профессионал, спарринг-партнер известного боксера Кличко. В нескольких дисциплинах он решил продемонстрировать местным, что такое спортсмен-омовец. Как позже вспоминали бойцы: «Саша всех рвал».

В благодарность за яркие спортивные победы местные жители поставили омовцам целых два ящика водки и очень удивились, что от алкоголя бойцы отказались. Во время командировок в отряде действовал жесткий «сухой закон». К этому вынуждал в том числе опыт. Как рассказывали бойцы, половина потерь в войсках происходила как раз из-за пьянства.

Через пару часов к блокпосту ОМОНа подъехал автомобиль с полным багажником фруктов для бойцов. Это было совсем другое дело. И после местные часто выражали признательность, привозя в отряд продукты.

Тем временем объединенная группировка войск за два с небольшим месяца взяла под контроль всю равнинную часть Чечни. 26 декабря начинается осада Грозного и подготовка к его штурму. В штурме примет участие и новосибирский ОМОН.

Героев памяти верны

К 26 декабря 1999-го Грозный был полностью окружен силами объединенной группировки федеральных войск численностью до 20 000 человек. Им противостояли от трех до пяти тысяч боевиков, которые хорошо укрепились в городе. Началась активная фаза штурма.

Как вспоминали потом бойцы, контраст со штурмом 1995 года был разительный. Значительно улучшилась координация действий наступающих частей. Огневые стычки между своими стали крайне редки. Четко работала авиация и артиллерия. Уроки первой кампании не прошли даром. Впрочем, и боевики стали воевать гораздо профессиональнее и выбивать их из укрепрайонов было делом нелегким.

Вскоре в отряде появились первые раненые и контуженые. К счастью, обошлось без потерь. Зато начались проблемы с водой и провизией. Сухой паек перед началом операции бойцы взяли на трое суток, но штурм затягивался. Выходило, что в целях экономии один боец потреблял только полбанки каши (170 граммов) в день. И все это на фоне тяжелейших нагрузок. Например, только боекомплект весил до 60 килограммов.

По воспоминаниям участников штурма, сводило ноги, падала до 35 градусов температура тела. Когда через десять дней основная фаза штурма закончилась и омовцев впервые привезли в баню, они поражались себе и товарищам — до того исхудали. Но все поставленные задачи были выполнены.

Военные историки подсчитают потом, что по количеству выпущенных снарядами в городских сражениях в Грозном пуль и снарядов эти бои можно приравнять к Сталинградской битве.

Боевиков выжали из Грозного, и они стали спешно отступать на юг в горы. Попытались укрепиться в крупном горном селе Шатой. Но в конце февраля их выбили и оттуда.

Отступающим и фактически окруженным боевикам удалось прорваться и захватить село Комсомольское. В этом населенном пункте засели до тысячи головорезов-профессионалов. Штурмовали Комсомольское поначалу около 800 бойцов объединенной группировки при поддержке артиллерии и систем залпового огня. До 12 марта все попытки взять село оказывались неудачными. К этому времени командование подтянуло к месту сражения новые резервы. В том числе и новосибирский ОМОН.

В Комсомольском 13 марта погиб пулеметчик Вячеслав Суханов — спортивная гордость отряда, чемпион мира по боксу среди военнослужащих. Погиб в последнем по-настоящему крупном сражении второй чеченской кампании.

Группа новосибирских омовцев под командованием Игоря Колмакова в тот день участвует в штурме. Продвижение идет тяжело. Боевики отчаянно сопротивляются. Омовцы идут вперед под прикрытием бронетехники. Броня приданного танка — надежная защита от легкого стрелкового оружия.

В какой-то момент наступление приостановлено. Дан приказ отойти назад. В этом случае задача пулеметчика — прикрывать отход. Последним пятится

танк. В какой-то момент то ли гусеница попала в колею, то ли еще что, но танк забуксовал, и Вячеслав Суханов остался без броневого прикрытия. Пулеметчик боевиков, укрывшийся в подвале одного из домов, дал очередь. Боец ОМОНа погиб.

Позже на этом же участке наступления большие потери понес ОМОН из Екатеринбурга.

Старший прапорщик милиции Вячеслав Николаевич Суханов за проявленную отвагу и героизм награжден орденом Мужества (посмертно). Приказом МВД РФ навечно зачислен в списки личного состава оперативной роты ОМОНа при ГУВД Новосибирской области. Вячеслава и сегодня с теплом и гордостью вспоминают в отряде. В память о нем бойцы каждый год 13 марта собираются на кладбище. Также в память о Вячеславе Суханове ежегодно проводятся боксерские турниры среди юношей.

В сражении за село Комсомольское большие отряды боевиков либо разгромлены, либо отеснены в горы. Но мелких бандформирований, снующих повсюду, хватает. Боевики переходят к тактике партизанской войны. Минирование дорог, нападение на небольшие группы российских военнослужащих, ночные атаки блокпостов. Безопаснее в Чечне не стало.

В этих условиях новосибирский ОМОН продолжает нести службу и выполнять поставленные задачи.

В августе 2000-го был тяжело ранен командир отправленного в Чечню отряда — Виктор Кох. По дороге из Грозного в Ханкалу автомобиль калужского ОМОНа, в котором ехал и Виктор Иванович, подорвался на фугасе. К счастью, командир остался жив.

День 15 июня 2001 года мог стать черным днем в истории отряда. Колонна новосибирских омоновцев попала в засаду, когда выдвинулась в Ханкалу для получения горючего для техники. Засада боевиков поджидала омоновцев примерно в километре от базы.

Впереди колонны из УАЗа и двух грузовых «Уралов» идет автобус с гражданскими. Автобус боевики пропускают, а УАЗ подрывается на фугасе. По колонне открывают ураганный огонь. Три бойца отряда в УАЗе серьезно ранены, управляемая машина катится под откос. Водителю Сергею Фоссу удается остановить падение. Бойцы выскакивают из «Уралов» и немедленно вступают в бой с боевиками. На помощь подоспели товарищи из московского СОБРа. Боевики отступили, получив серьезный отпор.

Самые тяжелые ранения получил старший инспектор боевой и специальной подготовки отряда капитан Анатолий Рожков. Особенно пострадали ноги. Он попал сначала во владикавказский госпиталь, потом в ростовский и наконец — в окружной 333-й госпиталь СибВО в Новосибирске.

Весь отряд принимал участие в спасении товарища. Собирали деньги, доставали дефицитные лекарства. В итоге ноги удалось сохранить. Более того, согласно распоряжению высшего руководства МВД, Анатолию Рожкову в порядке исключения было разрешено продолжить службу. Он вернулся в отряд и продолжил тренировать бойцов. Ныне на парадном кителе майора милиции Анатолия Александровича Рожкова — два ордена Мужества, медали «За заслуги перед Отечеством» I и II степени, «За отвагу», «За охрану общественного порядка» и ряд других наград.

Третьего своего товарища отряд потерял в Чечне в ноябре 2003 года. 3 ноября группа бойцов на «Урале» возвращалась на пункт временной дислокации из Ханкалы. Из полуразрушенного дома грузовик обстреляли. Одна из пуль смертельно ранила прапорщика Илью Погребнякова, который прикрывал собой другого раненого товарища. Врачи боролись за его жизнь, сделали восемь операций, но 4 ноября прапорщик милиции Илья Геннадьевич Погребняков скончался. Пятая командировка в Чечню стала для него последней. За самоотверженность, мужество и отвагу, проявленные при исполнении служебного долга, прапорщик милиции Илья Погребняков награжден орденом Мужества (посмертно). Приказом МВД России навечно зачислен в списки личного состава ОМОНа при ГУВД Новосибирской области.

Сегодня бойцы отряда свято чтят память своих погибших товарищей. В их честь на базе новосибирского ОМОНа установлен мемориал.

Профессионализм и взаимовыручка

Нельзя не сказать, что потери новосибирского ОМОНа в Чечне, по сравнению с многими другими спецподразделениями, не так велики. Объясняется это несколькими обстоятельствами.

Высокий уровень физической и специальной подготовки позволял отряду оставаться эффективным и в высшей степени боеспособным в любой обстановке.

Командование отряда не только отстаивало его интересы при планировании операций на высшем уровне, зачастую вопреки перспективам карьерного роста, но всегда умело правильно организовать распорядок внутренней службы и проживания в экстремальных фронтовых условиях.

Оборона занимаемых объектов, будь то пункты временной дислокации или блокпосты, всегда тщательно планировалась и организовывалась. Объекты укреплялись мешками с глиной, рылись окопы, по всем канонам военной науки оборудовались стрелковые гнезда. На работах были задействованы все бойцы, и велись эти работы постоянно. Это было важно и с психологической точки зрения, отвлекало от мрачных мыслей. Также в свободное от службы время для всех сотрудников были обязательны занятия спортом — от физподготовки до игровых видов. Это способствовало сплоченности отряда и также снимало психологическое напряжение.

Особое внимание уделялось быту. Пункты временной дислокации неизменно были в полном порядке и обеспечивались продовольствием. Так, например, на ПВД держали живность: гусей, поросят, которых специально привозили из Минеральных Вод.

Выходы без нужды за территорию пункта временной дислокации не разрешались. Это тоже было важным, поскольку значительный процент потерь в других подразделениях был связан с нападениями боевиков на небольшие группы военнослужащих или одиночек. Например, можно было зайти за чем-нибудь в торговый киоск и получить автоматную очередь буквально из-за прилавка. Если в такой киоск или магазин заходили бойцы новосибирского ОМОНа, все заранее тщательно проверялось, контролировались окрестности, все страховали друг друга.

И конечно — «сухой закон», о котором уже упоминалось. Алкоголь в Чечне был под полным запретом.

Таким образом, за двенадцать командировок непосредственно в зону боевых действий потери отряда были сведены к минимуму.

После 2001 года активные боевые действия в республике прекратились. Служба стала чуть спокойнее. Стала увеличиваться длительность командировок. Если сначала она составляла 45 дней, то затем три месяца и даже полгода.

В 2009 году контртеррористическая операция в Чечне была завершена. Честно выполнивший свой долг отряд, получивший бесценный боевой опыт, еще больше сплотившийся, был готов решать новые задачи уже в мирной жизни, в родной Новосибирской области.

Служба продолжается

За то время, когда значительную часть службы отряда составляли кавказские командировки, изменилась не только страна. Много изменилось в отряде.

В 2001 году Валерий Копарев сменил Виктора Грехонина на посту командира подразделения.

С ростом экономики страны начало улучшаться и материально-техническое обеспечение ОМОНа. Ушли в прошлое перебои с заработной платой, приблизившейся к вполне достойному уровню.

Важно и то, что у ОМОНа появился новый дом, собственная современная база. Еще в 1993 году на ее строительство были выделены первые деньги, но тогда в количестве явно недостаточном: хватило только на рытье котлована под фундамент. Потом средства поступали с переборами, поэтому лишь в июле 2000 года здание наконец-то было сдано.

Это был просторный комплекс с автостоянкой на 24 единицы транспорта, спортивными залами, помещением дежурной части, рабочими помещениями и кабинетами. На этой базе новосибирский ОМОН несет службу и сегодня.

ОМОН по-прежнему был крайне востребован там, где обычные милиционеры могли не справиться: освобождение заложников, обеспечение задержаний рецидивистов и представителей ОПГ. Как обычно, без отряда не обходилось проведение многих массовых мероприятий.

Тридцать лет спустя

И десятилетия спустя после основания репутация ОМОНа* по-прежнему заставляет преступников остерегаться любого открытого противостояния с бойцами подразделения.

Правда, сегодня изменились и сами преступники — стали более наглыми и дерзкими. Они юридически подкованы и готовы использовать любой промах бойцов отряда для жалоб в надзорные органы. Без таких жалоб сегодня не обходится практически ни одно крупное и успешное задержание. Любой синяк или царапина у задержанного рецидивиста — повод сетовать на излишнюю жестокость омовцев. Порой доходит почти до абсурда.

Был случай, когда при захвате особо опасного преступника оперативники попросили омовцев: «Ребята, только действуйте поаккуратнее. У него здоровье слабое и куча справок. Не дай бог какие-то телесные повреждения — полгода рапорты отписывать будем». Омовцы справились.

* Сегодня, после ряда переименований, привычная аббревиатура сохранена, но расшифровывается иначе: «отряд мобильный особого назначения».

Очень любят выставлять ОМОН в неприглядном свете и члены футбольных фанатских группировок.

С начала двухтысячных, когда новосибирские хоккейная и футбольная команды вышли на достаточно высокий уровень, ОМОН стали регулярно привлекать для обеспечения порядка на стадионах и вокруг них. Если с хоккейными состязаниями все было относительно благополучно, то с футбольными баталиями хлопот хватало.

Несколько раз в Новосибирск приезжали известные на всю страну своей агрессивностью фанаты питерского «Зенита». В свой первый визит в наш город они по привычке попытались показать норы. Однако омоновцы их корректно, но достаточно жестко успокоили. Одного раза хватило. Питерские фанаты поняли, что в Новосибирске лучше вести себя прилично.

Были проблемы и с болельщиками «Урала», но больше всего беспокойства доставляла непримиримая вражда новосибирских и томских фанатов. Разнимая потасовки и нейтрализуя агрессивных томичей, рвущихся в драку, омоновцы и представить не могли, чем все это обернется.

Вскоре по Интернету и СМИ разлетелись видеоролики, в которых омоновцы безжалостно атакуют томских болельщиков и, в частности, бьют одного из них дубинками. Зрителям дают понять, что этот человек — инвалид. Вот камера снимает как поднимается дубинка омоновца, а вот уже беспомощный фанат корчится от боли. Продвинутые технари из Томска так сумели смонтировать ролик из разных кусков записи, что выглядело все достоверно. К счастью, параллельно свою видеозапись вел и ОМОН, так что скоро все разобрались, что никакого беспощадного избиения и близко не было.

Внедрение методов специальной подготовки для работы на спортивных объектах имеет в новосибирском отряде свою историю.

В начале двухтысячных в Москве Анатолия Рожкова познакомили с бывшим активным участником фанатской группировки ЦСКА. Парень с годами остепенился, но знал очень многое о приемах фанатов-боевиков, о методах провокаций и т. п. Своими знаниями бывший фанат поделился с бойцами отряда. Так впервые омоновцы начали отрабатывать методы противодействия околоспортивным беспределщикам: выявление потенциальных зачинщиков, установление контроля над ситуацией, вытеснение наиболее агрессивных фанатов с трибун.

Потом по итогам футбольных матчей в отряде проводили подробный разбор: что получилось, что — нет, что можно использовать, а что — заменить более эффективными приемами.

Отдельная тема — пресечение беспорядков во время митингов, демонстраций и шествий. Также специфика нового времени — спецоперации по борьбе с нелегальными казино, игровыми автоматами, точками продаж контрафактного алкоголя и табака. Никуда не делась и борьба с наркоторговцами.

Сложно поверить, но в Новосибирске и области до сих пор находят много боеприпасов времен Гражданской войны. Снаряды, гранаты, патроны. При обнаружении таких сюрпризов на место выезжают специалисты ОМОНа.

Разве что для патрулирования улиц омоновцы в гражданской одежде больше не привлекаются, поскольку подразделения патрульно-постовой службы сегодня значительно усилены.

Ни дня без спорта

С самого первого дня существования отряда спорт и боевая подготовка шли рука об руку. За тридцать лет отряд принял и воспитал множество славных спортсменов.

Погибший в Чечне Вячеслав Суханов, настоящий богатырь, пришел в отряд чемпионом России по кикбоксингу в тяжелом весе. Тогда для нашей страны эта дисциплина была довольно экзотичной. Так как в отряде поощрялись занятия классическим боксом, Вячеслав вскоре увлекся и этим видом спорта, стал делать большие успехи. Как говорили тренеры и товарищи — рос не по дням, а по часам. Стал мастером спорта. Выиграл чемпионат России в тяжелом весе, завершив три боя из четырех нокаутом. Затем стал чемпионом мира среди военнослужащих и правоохранителей.

Уже упомянутый Александр Устинов, так поразивший своими достижениями спортсменов-любителей в Чечне, стал заслуженным мастером спорта, чемпионом мира по тайскому боксу и чемпионом мира по классическому боксу.

Десятки бойцов отряда показывали выдающиеся спортивные результаты в самых разных спортивных дисциплинах на областных и всероссийских соревнованиях. И это далеко не только единоборства, но и легкая атлетика, стрельба, гиревой спорт, лыжные гонки, футбол, волейбол.

Отряд неизменно занимает призовые места на региональных и всероссийских ведомственных соревнованиях. Кстати, самым непримиримым соперником в борьбе за них всегда является местный СОБР. Так что соперничество здесь идет с переменным успехом.

Как считают в отряде, такой дух состязательности должен быть обязательно. Он ведет к профессиональному росту.

Итоги и перспективы

С момента создания отряд прошел большой путь, на котором были, как водится, трудности, радости, горести, потери и победы.

В сплоченном коллективе неизменно живет дух омовского братства. Это — постоянная взаимовыручка, наставничество, помощь друг другу, совместное решение проблем. Это братство нерушимо и не зависит от того, служит сегодня в отряде боец или нет.

В 2003 году был создан некоммерческий благотворительный фонд помощи ОМОНу имени Андрея Первозванного. Бывшие бойцы, стоявшие у истоков создания новосибирского ОМОНа, и другие участники фонда по мере возможности помогают отряду.

Ежегодно 2 декабря, в день очередной годовщины создания отряда, все бывшие и действующие сотрудники собираются вместе, обсуждают насущные вопросы, способствуют их решению.

Много времени омовцы посвящают работе с молодежью. Выезжают в школы и техникумы, рассказывают о своей профессии, участвуют в патриотическом воспитании.

В 2016 году отряд вошел в структуру Росгвардии. Изменилась форма, обеспечение, но прежней осталась тесная связка со структурами МВД. Работают вместе на благо Родины.

Гражданская война в Сибири

Михаил ЗАНКЕВИЧ

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ КОЛЧАКА

Занкевич Михаил Ипполитович (1872—1945) — русский генерал, военный агент в Румынии и Австро-Венгрии, герой Первой мировой войны. В январе 1917 года временно исполнял обязанности начальника русского Генерального штаба, в феврале — начальник военной охраны Петрограда. Летом 1917-го назначен представителем Ставки Верховного главнокомандующего и Временного правительства во Франции. В июле 1919-го прибыл в Россию и присоединился к Белому движению в Сибири. С ноября 1919 до января 1920 года — начальник штаба Ставки Верховного главнокомандующего адмирала Колчака. Эмигрировал во Францию, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Текст публикуется без изменений по: «Советские архивы», 1966, № 1, стр. 48—54.

К началу ноября 1919 года армия правительства Колчака фактически уже перестала существовать, потеряв всякую способность к дальнейшему сопротивлению. Совершенно деморализованная, плохо одетая, она стихийно катилась назад, оставляя в руках противника богатую военную добычу и большое число солдат, передававшихся красным. Резервов, способных восстановить бой, не было.

Положение на фронте было совершенно безнадежно. Не лучше было оно и в тылу.

Вся огромная страна между Омском и Владивостоком находилась в состоянии сильнейшего революционного брожения, а целые ее области, расположенные вдали от магистрали, как то Барнаульский, Кузнецкий и Минусинский районы, северные уезды Забайкалья и часть Приамурья уже перешли в руки большевиков.

Ясно было, что революция на магистрали и захват ее с важнейшими центрами Сибири большевиками — вопрос самого короткого времени. Правительство адмирала Колчака доживало свои последние дни.

12 ноября, поздно вечером, верховный правитель, адмирал Колчак, покинул город Омск. 14 ноября утром Омск, после непродолжительного боя, был занят большевиками.

На протяжении от Омска до Тайги поезд адмирала Колчака двигался в непосредственной связи с армией, с штабом Главнокомандующего. На всех больших станциях поезд останавливался на продолжительное время. Адмирал совещался с командным составом армии, с местными властями. Все это до чрезвычайности замедляло движение поезда.

На ст. Тайга адмирал решил отделиться от армии и возможно скорее продвинуться в Иркутск, дабы предупредить надвигающуюся в этом городе революцию.

Но было уже поздно.

За ст. Тайга пошли новые затруднения, поезда адмирала вошли в район эвакуации чехов, фактически захвативших всю железнодорожную линию в свои руки. Чехи спешили возможно скорее уйти из угрожаемой большевиками зоны. На почве открытого отказа чехов пропустить вне очереди поезда адмирала вышел целый ряд острых конфликтов с чешскими военными властями и войсками, что имело результатом огромные задержки в движении поезда адмирала. Так, в Красноярске чехи задержали адмирала на 6 дней, в течение которых шли бесконечные переговоры с ними о дальнейшем пропуске адмиральских поездов вне очереди; на 6-й день чехи, наконец, согласились пропустить вне очереди поезд с адмиралом и поезд с золотым запасом, остальные же поезда адмирала всего числом до 5-ти так и застряли где-то за Красноярском.

Адмирал, жестоко страдая морально от постоянных недоразумений с чехами, приказал атаману Семенову воздействовать на них угрозой не пропуска их эшелонов через Забайкалье; атаман Семенов, не отдавая себе отчета в слабости своих сил, слишком энергично принялся за воздействие на чехов и, к сожалению, довел впоследствии дело до вооруженного с ними столкновения, окончившегося неудачно для войск Семенова. Чехи, неправильно отождествляя действия Семенова с адмиралом, прониклись большой к нему неприязнью. Атаман Семенов своими действиями адмиралу не помог, а только сильно восстановил против него чехов, а частью и союзников, что и послужило одной из роковых причин его гибели.

Прибавлю к этому, что отношения между адмиралом и чехами давно уже имели весьма натянутый характер.

Недостаток угля, паровозов и постоянные недоразумения с чехами продолжали донельзя тормозить движение адмирала и за Красноярском, и только в 20-х числах декабря его поезд, равно как и поезд с золотым запасом, подошли к станции Нижнеудинск (1100 верст от Иркутска).

К этому времени обстоятельства уже приняли чрезвычайно трагический оборот для адмирала.

Через три дня после отъезда адмирала из Красноярска им была получена телеграмма от командира 1-го Сибирского корпуса, генерала Зиневича, в которой этот генерал, захватив с группой эсэров г. Красноярск, требовал от адмирала немедленного созыва Земского Собора и отречения от власти. Вместе с тем, распоряжением Зиневича была прервана связь адмирала с армией. Через несколько дней после этого события 1-я Сибирская армия, находившаяся в районе Красноярска, почти в полном составе перешла к большевикам. Армии правительства адмирала Колчака уже не было.

Не могу не упомянуть здесь еще об одном обстоятельстве, тоже имевшем тяжелые последствия для адмирала.

В начале октября началась эвакуация чехов от ст. Тайга. В конце сентября было приступлено к эвакуации Омска, откуда было выпущено около 300 эшелонов. За ст. Тайга головные эшелоны омской эвакуации уперлись в хвостовые эшелоны чехов, которые, стремясь скорее уйти на восток и совершенно уже перестав считаться с правительством адмирала и с самим адмиралом, отказались пропустить вперед русские эшелоны; это вызвало сначала приостановку движе-

ния русских эшелонов, а потом захват их большевиками; лишь около половины этих эшелонов были заполнены материальной частью — остальные эвакуировали, главным образом, семьи офицеров, а частью и солдат. Многие из этих семей погибли в ужасных условиях от голода, холода и сыпного тифа еще до захвата их большевиками. Гибель эшелонов с семьями нанесла огромный моральный удар офицерству армии и была одной из главных причин быстрого и окончательного ее разложения. Офицерство открыто роптало на адмирала. Адмирал обвинял чехов в предательстве. Чехи обвиняли адмирала в непредусмотрительности, заявляя, что еще в конце июля они довели до сведения правительства, что их эвакуация, которая должна была поглотить всю ничтожную провозоспособность жел. дор., начнется с 1 октября. Адмирал же говорил мне, что о предстоящей эвакуации чехов он узнал только в начале сентября.

Катастрофа с русскими эшелонами еще больше обострила и без того уже вконец испорченные отношения между адмиралом и чехами.

Остается пожалеть, что эвакуация Омска была начата столь поздно. Мне известно, что адмирал хотел начать эвакуацию Омска еще в конце июля; однако эта мысль встретила решительную оппозицию в Совете Министров, который в своей слепоте, совершенно не отдавая себе отчета в обстановке, вынес приблизительно такую формулу по сему вопросу: «Эвакуация Омска дурно отразится на моральном состоянии армии, к тому же в ней не встречается и необходимости, ибо Омск не может быть сдан и не будет сдан».

К сожалению, адмирал, вопреки своему убеждению, подчинился мудрому решению сих государственных мужей.

Не менее трагичны были и события внутри страны.

Иркутск, после нескольких дней боя, перешел в руки новой революционной власти, именовавшей себя правительством политических бюро, по существу то были эсэры, но уже дышавшие на ладан под угрозой скорого захвата власти большевиками; все города и важнейшие поселения на магистрали к западу от Иркутска перешли во власть местных правительств, явно большевистского типа. Самая же магистраль в это время всецело находилась в руках чехов, единственной организованной вооруженной силы, с которой все эти новоявленные правительства очень и очень считались.

При такой обстановке рано утром, в 20-х числах декабря, поезд адмирала подходил к ст. Нижнеудинск. В версте от ст. поезд был остановлен сигналом. Дежурный офицер с паровоза доложил мне, как начальнику штаба адмирала, что ко мне явился чешский майор в сопровождении 2-х офицеров и сообщил, что согласно полученному им из штаба союзных войск в Иркутске приказанию поезд адмирала и поезд с золотым запасом должны быть задержаны на ст. Нижнеудинск до дальнейших распоряжений.

На мой вопрос, как надлежит понимать это распоряжение и что предполагает он предпринять во исполнение полученного приказа, чешский майор (командир чешского ударного батальона, майор Гассек) заявил мне, что он намерен разоружить конвой адмирала. Я ответил ему, что абсолютно не согласен на эту меру и предложил майору запросить по прямому проводу дополнительных указаний и разъяснений штаба союзных войск.

Адмирал, которому я немедленно доложил о происшедшем, одобрил мои распоряжения. Через несколько часов майор Гассек явился ко мне и сообщил дополнительные инструкции, полученные им из штаба союзных войск от генерала Жанена. Инструкции эти заключались в следующем:

- 1) поезда адмирала и с золотым запасом состоят под охраной союзных держав;
- 2) когда обстановка позволит, поезда эти будут вывезены под флагами Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехословакии;
- 3) станция Нижнеудинск объявляется нейтральной. Чехам надлежит охранять поезда адмирала и с золотым запасом и не допускать на станцию войска вновь образовавшегося в Нижнеудинске правительства;
- 4) конвой адмирала не разоружать;
- 5) в случае вооруженного столкновения между войсками адмирала и нижнеудинскими разоружить обе стороны; в остальном предоставить адмиралу полную свободу действий.

Последний пункт ясно указывал, что союзники уже не рассматривали адмирала как Верховного правителя.

Одновременно с этим майор Гассек передал мне телеграмму генерала Лохвицкого на имя адмирала, в которой генерал Лохвицкий советовал адмиралу приостановить дальнейшее движение в Иркутск. (Вскоре по оставлении Омска, генерал Лохвицкий был послан адмиралом в Иркутск с поручением организовать войска Иркутского гарнизона.)

Начался период нижнеудинского сидения, продолжавшийся около двух недель.

Чехи окружили станцию своими караулами, непосредственная же охрана поездов адмирала и с золотым запасом неслась чинами адмиральского конвоя. К этому времени никакой связи ни с фронтом, ни с тылом, ни с союзниками у нас уже не было, и все сведения о происходившем, весьма притом скудные, получались нами от охранявших нас чехов. Высокие комиссары были еще в Иркутске. Там же находились французская и японская военные миссии, все же остальные военные миссии уже уехали на Дальний Восток.

Еще до прихода в Нижнеудинск, адмирал, получив сведения о восстании в Иркутске, отдал атаману Семенову приказание занять город Иркутск и ликвидировать восстание. Бои в Иркутске шли сначала с переменным успехом, потом успех окончательно склонился на сторону восставших.

В это-то именно время чехами была получена новая инструкция из Иркутска из штаба союзных войск, а именно: если адмирал желает, он может быть вывезен союзниками под охраной чехов в одном вагоне; вывоз же всего адмиральского поезда не считается возможным. Относительно поезда с золотым запасом должны были последовать какие-то дополнительные указания.

Это новое распоряжение поставило адмирала в чрезвычайно трудное положение.

В поезде адмирала находилось около 60 офицеров (конвоя, штаба, чиновники) и около 500 солдат конвоя. Ясно, что разместить всех людей в одном вагоне возможным не представлялось...

При создавшемся положении оставался еще один выход — правда проблематичный — уйти в Монголию. От Нижнеудинска к границе Монголии идет старый почтовый, ныне почти заброшенный, тракт длиной в 250 верст; границу этот тракт переходит по перевалам, высотой до 2,5 тысяч метров, — почти непроходимым в зимнее время: по ту сторону границы на тысячи верст простирается огромная пустыня Гоби, где нет ни сел, ни городов, а лишь изредка встречаются кочевья монголов. Возникла мысль искать спасения в походе в Монголию.

Адмирал был горячим сторонником этой идеи. Я должен был принять на себя начальствование этой экспедицией. Переговорив конфиденциально, по поручению адмирала, с майором Гассеком, я получил от него заверения, что со стороны чехов никаких препятствий нашей экспедиции сделано не будет; мало того, чехи дали нам сведения о силах большевиков, занимавших тракт, в предвидении нашей попытки пробиться на Монголию.

Адмирал глубоко верил в преданность солдат конвоя. Я не разделял этой веры тем более, что большевики Нижнеудинска засыпали конвой прокламациями, требуя его перехода на их сторону. Адмирал собрал чинов конвоя и в короткой речи сказав им, что он не уезжает в Иркутск, а остается здесь, предложил желающим остаться с ним, остальным он предоставляет полную свободу действий.

На другой день все солдаты конвоя, за исключением нескольких человек, перешли в город к большевикам. Измена конвоя нанесла огромный моральный удар адмиралу, он как-то весь поседел за одну ночь.

Решено было пробиваться на Монголию с одними только офицерами. Поздно вечером я собрал старших офицеров в вагоне адмирала, чтобы отдать распоряжения для похода, который был решен на следующую ночь.

Когда распоряжения были отданы и я уже хотел отпустить офицеров с разрешения адмирала, один из старшин морских офицеров (моряки обслуживали броневик, охранявший поезд адмирала) обратился к адмиралу со словами: «Ваше Высокопревосходительство, разрешите доложить». «Пожалуйста». «Ваше Высокопревосходительство, ведь союзники соглашаются Вас вывезти». «Да». «Так почему бы Вам, Ваше Высокопревосходительство, не уехать в вагоне, а нам без Вас гораздо легче будет уйти, — за нами одними никто гнаться не станет, да и для Вас так будет легче и удобнее». «Значит, Вы меня бросаете», вспылал адмирал. «Никак нет, если Вы прикажете, мы пойдем с Вами».

Когда мы остались одни, адмирал с горечью сказал: «Все меня бросили». После долгого молчания он прибавил — «Делать нечего, надо ехать». Потом он сказал: «Продадут меня эти союзнички». Я ответил адмиралу, что отданные союзниками до сего времени распоряжения не дают оснований для таких предположений, но что если у него есть сомнения, я самым настойчивым образом советую ему этою же или ближайшею ночью переодеться в солдатское платье и, взяв с собою своего адъютанта лейтенанта Трубочанинова, скрыться в одном из проходивших чешских эшелонов. (Эвакуировавшиеся чехи беспрепятственно принимали и вывозили в своих эшелонах спасавшихся от большевиков наших офицеров.)

Для большей верности, я предлагал адмиралу в течение 48 часов скрывать от всех его исчезновение. Адмирал задумался и после долгого и тяжелого молчания сказал: «Нет, не хочу я быть обязанным спасением этим чехам».

Я ответил адмиралу, что если у него есть сомнения, я еще раз настойчиво советую ему прибегнуть к указанному мною способу уйти от большевиков. Но после долгого внутреннего колебания, адмирал все же решил ехать в вагоне.

Я составил телеграмму на имя г-на Като, что адмирал ввиду изменившейся обстановки согласен на выезд в одном вагоне.

Дабы разместить адмирала и 60 офицеров пришлось взять пульмановский вагон 2-го класса, в коем адмиралу было отведено маленькое купэ, а в остальных купэ по 8—10 человек помещались офицеры; некоторым пришлось за неимением места разместиться в коридоре на полу. Вагон с адмиралом был прицеплен к эшелону 1-го батальона 6-го чешского полка. К этому же эшелону был под-

цеплен и вагон председателя Совета Министров В. Н. Пепеляева, который по пути со ст. Тайга присоединился к нам в Нижнеудинске.

Перед отъездом из Нижнеудинска, я получил от Като телеграмму, в ответ на посланную мной, с просьбой адмирала о вывозе всего его поезда, а не одного только вагона. Телеграмма Като гласила, что Высокие Комиссары сделали все, что могли; большего сделать они не могут ввиду все осложняющейся обстановки, громадности расстояний и общего возбуждения в Иркутске, вызываемого действиями войск Семенова.

В заключение своей телеграммы г-н Като сообщал, что вместе с сим Высокие Комиссары выезжают из Иркутска на Восток. Перед самым отходом поезда в Иркутск, начальник чешского эшелона, к которому был подцеплен вагон адмирала (майор Кровак), сообщил мне следующие, полученные им из штаба союзных войск, инструкции:

- 1) вагон с адмиралом находится под охраной союзных держав;
- 2) на этом вагоне будут подняты флаги Англии, Северо-Американских Соединенных Штатов, Франции, Японии и Чехословакии;
- 3) чехи имеют поручение конвоировать вагон адмирала до Иркутска;
- 4) в Иркутске адмирал будет передан Высшему Союзному командованию (т. е. генералу Жанену).

Действительно, битком набитый людьми вагон с адмиралом вскоре изукрашился флагами перечисленных наций и, в таком виде, в хвосте чешского эшелона, двинулся в Иркутск.

Путешествие до Иркутска длилось 6 или 7 дней и сопровождалось большими трудностями. На всех главнейших станциях большевики собирались в значительных силах, требуя от чехов выдачи адмирала, угрожали взрывом железнодорожного пути и нападением на эвакуировавшиеся чешские эшелоны. Железнодорожники грозили забастовкой. По мере приближения к Иркутску возбуждение на линии и в самом Иркутске все росло и росло. При таких условиях было ясно, что чехи не повезут нас дальше Иркутска. Но мы знали, что в Иркутске находятся два батальона японцев и твердо рассчитывали, что дальнейшее конвоирование вагона с адмиралом будет возложено на японцев. Так же думали и чехи, нас сопровождавшие.

15 января, по прибытии на ст. Иннокентьевская, чехи объявили нам, что поезд пойдет в Иркутск только на следующий день, так как ст. Иркутск забита и принять нас не может.

Я написал письмо генералу Жанену, в котором благодарил его за оказанные им услуги по охране адмирала и сообщал, что по приезде в Иркутск не премину зайти к нему. Должен сказать, что еще в Нижнеудинске адмирал просил меня проехать к генералу Жанену для выяснения обстановки.

Адмирал был очень обижен тем обстоятельством, что Жанен прекратил всякую связь с нами, адмирал неоднократно говорил, что сам он первым к Жанену не пойдет. Я обратился тогда к чехам с просьбой устроить мне поездку к Жанену, но они почему-то тянули ответ и так и не дали его мне до самого нашего отъезда из Нижнеудинска. Написав письмо, я просил чехов тотчас же отправить его Жанену.

Поздно вечером чехи вернули мне это письмо обратно, сказав, что оно не могло быть передано Жанену, так как он еще на рассвете уехал из Иркутска на Восток. Когда я передал об этом адмиралу, он выразил свое сожаление, что мне не удастся видеть Жанена.

Хотя чехи нас сопровождавшие и относились к нам в высшей степени любезно, но далеко не всегда держали нас в курсе того, что происходило, приходилось каждый раз обращаться к ним с просьбами об ориентировке, посылая к ним офицера.

Ввиду приближения к Иркутску и все усиливавшейся нервозности среди лиц, окружавших адмирала, я лично зашел к чехам и просил начальника эшелона немедленно сообщать мне все распоряжения штаба союзных войск, касающиеся адмирала. (Вагон штаба эшелона находился в голове длинного 120-осного поезда чехов, вагон адмирала — в хвосте.)

Уже к ночи начальник эшелона прислал ко мне офицера, который сказал, что в данное время происходят какие-то переговоры по прямому проводу между генералом Сыровым (командиром корпуса чехов), находящимся на ст. Иркутск, и Жаненом; переговоры идут об адмирале, но их суть пока неизвестна.

Я отнесся спокойно к этому заявлению, полагая, что переговоры эти связаны вопросом о передаче вагона адмирала японцам, и спросил чеха, не известно ли им, куда будет направлен вагон с адмиралом — в Харбин или во Владивосток, — вопрос этот очень интересовал как адмирала, так и его окружающих; чех ответил, что по слухам, во Владивосток и прибавил: «Но мы вообще не знаем, пойдет ли вагон с адмиралом дальше Иркутска».

Тогда я попросил чеха сказать мне с полной откровенностью, имеются ли у них какие-нибудь данные, указывающие на возможность выдачи адмирала. Чех, по-видимому, с большой искренностью ответил, что таких данных у них нет, но что ввиду моей просьбы держать нас в курсе всего происходящего, они считают необходимым довести до моего сведения им вышеизложенное.

Я спросил чеха — где находится Жанен. «На ст. Байкал». (60 верст от Иннокентьевской.) «Можете ли вы устроить мне теперь же поездку к генералу Жанену». «Думаю, что можем». Я просил чеха зайти ко мне по выяснении этого вопроса и отправился к адмиралу.

В его купэ сидела в это время одна дама, ехавшая в нашем вагоне и находившаяся в очень нервном состоянии. В кратких чертах я передал адмиралу мой разговор с чехом. Адмирал просил меня проехать к Жанену и прибавил: «А вдруг он Вас не примет, — всего можно теперь ожидать». Я ответил адмиралу, что раз мне удастся доехать до генерала Жанена, я не сомневаюсь в том, что он меня примет.

Спустя короткое время, улучив момент, когда адмирал остался один, я снова зашел в его купэ и текстуально передал ему мой разговор с чехом. Адмирал был вполне спокоен. Было условлено, что я буду ждать адмирала на ст. Байкал...

Уже поздно ночью за мной зашел чешский офицер, с которым мы отправились в штаб эшелона. В штабе я узнал, что генерал Жанен находится не на ст. Байкал, как мне ошибочно сообщили чехи, а на ст. Танхой, т. е. не в 60-ти, а в 260-ти верстах от Иннокентьевской.

Ехать к генералу Жанену этою же ночью смысла уже не имело.

Я спросил чехов, кончены ли переговоры между Жаненом и Сыровым. Мне ответили, что переговоры еще не окончены, но что Сыровой обещал тотчас же по их окончании позвать к прямому проводу начальника эшелона; вызов ожидается с минуты на минуту. Я решил выждать окончания переговоров; чехи обещали мне сейчас же сообщить об их результатах.

Прошел час, два; я задремал. Когда я проснулся, было уже совсем светло; передо мной стоял начальник эшелона, который сказал мне, что Сыровой только

что вызывал его к прямому проводу и сообщил ему, что вопрос об адмирале решен, но в каком смысле он сообщит по прибытии поезда в Иркутск; начальник эшелона добавил также, что только что со станции Иркутск запросили номер вагона адмирала.

Я спросил, когда мы выезжаем в Иркутск; начальник эшелона ответил, что тотчас же.

Слова начальника эшелона не вызвали во мне беспокойства; мне представлялось, что если бы было решено выдать адмирала, Сыровый мог бы свободно сообщить об этом начальнику эшелона по прямому проводу, не опасаясь огласки, так как если бы это решение и стало известным на линии, оно могло бы вызвать только успокоение умов, это было бы именно то, чего так жаждали враги адмирала; наоборот, решение передать адмирала японцам требовало соблюдения строжайшей тайны, во избежание самых острых конфликтов с большевиками и железнодорожниками, номер же вагона адмирала был необходим станции при любом из решений, которые могли быть приняты.

Подумав, однако, я написал генералу Мартьянову, начальнику гражданской канцелярии адмирала, такую записку: «Положение неопределенное, но крайне тревожное».

Когда эта записка была уже передана мною начальнику эшелона, я просил его вернуть ее мне обратно, мне казалось, что я слишком стусил краски и мне хотелось ее переработать, но записка была уже отправлена по назначению.

Сейчас же вслед за сим, поезд медленно двинулся вперед, задерживаемый по пути загруженностью линии.

Было уже почти темно (вероятно, часов около 4—4,5 дня), когда поезд пришел на ст. Иркутск.

Начальник эшелона почти бегом направился к Сыровому. Спустя короткое время он вернулся и с видимым волнением сообщил мне, что адмирала решено передать Иркутскому революционному правительству; сдача назначена на 7 часов вечера. Я настойчиво просил начальника эшелона сейчас же предупредить об этом адмирала и его окружающих. Он ответил, что это им уже сделано, немедленно по выходе от Сырового он послал в вагон адмирала своего адъютанта.

Между 5—7 часами вечера многим офицерам, сопровождавшим адмирала, удалось уйти из его вагона, пользуясь темнотой и тем обстоятельством, что окружавшие вагон адмирала чехи беспрепятственно пропускали всех выходивших из вагона офицеров; вооруженные большевики держались в это время еще поодаль и от них было нетрудно скрыться на забитой вагонами станции.

Иркутское правительство просуществовало не больше десяти дней, после чего, в сознании своей слабости, добровольно передало свою власть большевикам, в руках которых и оказался таким образом адмирал Колчак.

Распоряжения, отданные Высшим союзным командованием перед вывозом вагона адмирала давали, казалось бы, твердую уверенность, что адмирал не будет выдан своим врагам на жестокую расправу, а напротив будет вывезен под охраной союзников из Сибири.

Принимая близко к сердцу трагическую участь адмирала, я приложил много стараний, чтобы выяснить причины неожиданной для нас всех выдачи адмирала. Опросом ряда лиц — русских, французов и чехов — мне удалось до известной степени восстановить картину этого печального события, но не имея никаких документальных подтверждений приводимым мною ниже фактам, я не могу ручаться за их достоверность.

Вот что мне удалось выяснить.

Вопросом о спасении адмирала занялись Высокие Комиссары под председательством японского представителя г-на Като. Решив принципиально спасти адмирала, Высокие Комиссары возложили вывоз адмирала из Сибири на Главнокомандующего союзными войсками генерала Жанена, которому были подчинены все союзные войска в Сибири, кроме японцев. (К осени 1919 года из союзных войск в Сибири, кроме японцев, находились только чехи, поляки и сербы, на Дальнем Востоке были небольшие контингенты американцев.)

Генерал Жанен отдал чехам приказание сначала охранять (в Нижнеудинске), а потом вывезти адмирала в Иркутск.

Еще до выезда адмирала из Нижнеудинска генерал Жанен вошел в переговоры с Иркутским правительством о беспрепятственном пропуске адмирала.

7 января (за верность этой даты не ручаюсь) в 2 часа дня было достигнуто соглашение и в 6 часов вечера акт о беспрепятственном пропуске адмирала за пределы Сибири должен был быть подписан обеими сторонами. Но в 6 часов вечера представители Иркутского правительства заявили, что ввиду изменившейся обстановки, каких-то недоразумений с войсками Семенова и зверств ими произведенных, они берут первоначальное свое решение назад и акта не подписывают, что они и исполнили.

Самый факт вывоза чехами адмирала вызвал сильное против них движение среди большевиков и железнодорожников.

Эвакуировавшиеся чешские эшелоны тянулись в это время лентой почти от Красноярска до Иркутска, причем хвостовые их эшелоны уже вели арьергардные бои с наступающими большевиками. (Бои эти не могли быть серьезными, — потери чехов были совершенно ничтожны.)

Сильно озабоченные участью своих эшелонов и обуреваемые одним только желанием возможно скорее и без новых боев уйти из Сибири, чехи не пожелали осложнять своего положения дальнейшим вывозом адмирала за Иркутск. Огромную роль при этом, конечно, сыграла и явная неприязнь чехов к адмиралу, отношения с которым приняли у них особенно острый характер в последнее время.

Встретив отказ чехов, генерал Жанен счел себя вынужденным санкционировать решение о выдаче адмирала.

По прибытии вагона адмирала в Иркутск, помощник генерала Жанена полковник Марино, находившийся тогда еще в Иркутске, обратился к японцам с предложением принять адмирала от чехов; японцы ему в этом отказали, ссылаясь на неимение на то инструкций.

Если изложенные мною факты верны, остается пожалеть, что союзники (или генерал Жанен) с самого начала не заявили адмиралу просто и прямо, что меры к его спасению ими принимаются, но они далеко не уверены, что им удастся спасти адмирала.

Это открыло бы глаза адмиралу и его окружающим. При принятом же союзниками образе действий и при полном отсутствии связи с ними, адмирал, несмотря на овладевавшие им сомнения, все же имел вполне, как казалось, обоснованную надежду, что он не будет выдан своим врагам.

Генерал-лейтенант — ЗАНКЕВИЧ

Влада БАРОНЕЦ

КАК СДЕЛАТЬ КУКЛУ ИЗ ТРЯПОЧКИ И ПОЛУЧИТЬ «НАЦБЕСТ»

Цель премии — вскрыть невостребованный иными средствами рыночный потенциал отличающихся высокой художественностью и/или иными достоинствами прозаических произведений.

Создание абсолютно новой и абсолютно открытой процедуры является важным, если не важнейшим моментом НБ и гарантией выбора истинно лучшего произведения, созданного в прозе на русском языке в течение года.

Положение о премии «Национальный бестселлер»

У хорошего писателя из отдельных приемов, образов, сюжетов вырастает цельный мир. Хороший критик через изучение конкретных произведений и авторов выходит в объединяющее или разграничивающее их пространство явлений и тенденций. Можно было бы еще порассуждать, например, о тенденции к использованию национальных исторических тем или русского фольклора в современной литературе. Правда, для этого нужно, чтобы сначала эту современную литературу кто-то написал.

* * *

Жюри «Нацбеста», которое, если верить вышеприведенным цитатам, ищет «лучшие произведения в прозе», в этом году нашло роман Андрея Рубанова «Финист — ясный сокол» и присудило премию ему. В романе, написанном по мотивам русской народной сказки, чрезвычайно активно эксплуатируются не только мифологические сюжеты и персонажи, но и исторические реалии, атрибутика славянского язычества.

Чего там только нет: ведьма с приметами Бабы Яги, русалки, пляски с бубнами, древние идолы, волхвы, небесный город! Но больше всего там нет литературы...

В Сети можно прочесть интервью с автором «Финиста», где он называет свое творение славянским фэнтези и уверяет, что «люди, увлекающиеся историей древних славян, будут заинтересованы». Я думаю, любители славянской истории будут даже заинтригованы, когда прочтут: «Брага шибанула в нос, я тут же окосел». И здесь же: «Итак, каждый человек должен знать, что земля под ним есть распрямленная, освободившаяся сущность». Одним словом — да здравствует славянское фэнтези и стилевое единство!

Создается такое ощущение, что автор сам есть «освободившаяся сущность», да не одна — он все не может определиться, кого же хочет изобразить: или «славянского» сказочного Ивана, или склонного к самолюбанию романтика, или же философа-любителя... Иначе непонятно, чем объясняется неспособность автора тщательно проработать реплики героев, чтобы из них отовсюду не торчали сочинительские уши.

Итак, в начале романа повествование ведется от лица скомороха Ивана. Кстати, Рубанов в интервью заявляет, что «первая часть написана устным сказом», но попытки передать речь сказителя неловки

и зачастую ограничиваются куцыми, назойливо повторяющимися фразами вроде этой: «Ничему не удивляйся, просто слушай и получай удовольствие. Понимаешь меня? Хорошо. Тогда слушай». Автор постоянно разрушает сказ, перебивая Ивана своими «слушай и получай удовольствие» или «вот до каких пределов сложности додумался человек в наши сложные, но совершенно бесчувственные времена».

Но вот в Иване (или в авторе?) внезапно просыпается романтик: «А ночью мы двое, молодые, лежали без сна, глядя в звездное небо, задыхаясь от счастья — так хорошо было нам жить на белом свете, так больно кололи глаза небесные огни в черном днище верхнего мира. Так горько пахло цветами и теплой водой. Так завораживали мечты о будущем».

А потом перед нами вдруг возникает Иван-философ: «Всего было меньше. Штанов, ножей, еды, здоровья. Но в скудости есть острота ощущения». Острота ощущения в скудости штанов — вот такое философское открытие предлагается читателю!

К вышеперечисленным ипостасям Ивана стоит добавить псевдоученого зануду, который то и дело прерывает повествование долгими скучными лекциями по истории своего народа, естествознанию и пр. Вот, к примеру, рассуждение, похожее на отрывок из передачи «В мире животных»: «Как хотите, а я цепных собак не люблю. Цепные псы — самые несчастные звери из всех, кого люди склонили к сожительству».

Чтобы цепной пес был злее и внимательнее — у него отнимают всё. Его держат на привязи, его мало и плохо кормят, его не случают с самкой. Цепные собаки сходят с ума и превращаются в безжалостных чудовищ. От голода, неволи и тоски нюх у цепного пса двукратно обостряется; такой пес чувствует летучих мышей и кротов, вылезających из нор».

Для кого это все? Слушатель незнаком с цепными псами? И почему — «как хотите»? Или Иван ожидает, что его аудитория сплошь состоит из любителей цепных собак?

Рассказчик все время что-то повторяет и объясняет, будто не верит в ин-

теллектуальные способности слушателя или страдает обсессивно-компульсивным расстройством: «Так мы продолжили путь втроем: я, Кирьяк и Митроха, двое молодых и один немолодой».

При этом читателю уже давно известно, что путников трое, как известен и примерный возраст Ивана и Кирьяка, а на предыдущей странице дано подробное (традиционно путаное) рассуждение о Митрохе и его старости — но Ивана это не смущает! Видимо, многократное повторение очевидного — одна из любимых славянских забав...

Помимо прочего, рассказчик еще и ужасно многословен — видимо, автор пытается компенсировать шаткость созданного им «славянского» мира количеством деталей: «Митроха дернул меня за рукав, мы свернули резко, как будто убежали, и зашли за скрипучую калитку, и там ухмыльчивая рябая баба — кабатчица — налила нам по кружке крепкой браги и насыпала каждому жменю жареных тыквенных семечек, и мы что-то опять заплатили, но платил Митроха; я, как и было сказано, только рот разевал во все стороны, олух олухом».

Калитка у автора обязательно «скрипучая», баба — «ухмыльчивая», а брага, естественно, «крепкая». А читатель тем временем тоскует: зачем столько эпитетов, зачем герои свернули так резко, зачем объяснять, кто платил, зачем повторять про разинутый рот и зачем читателю все это знать?

Вот еще одна попытка повествования на «славянский» лад: «Благодарю, что приютили. И за еду, и за питье. Давно не спал так крепко, как после вашей браги. Забористая брага. Может, вы в нее чего добавляете? Да мне все равно, я не в обиде. Добавляйте, что хотите, хоть мухоморы. Мое нутро луженое, принимает любой харч. Я по полгода на березовой каше могу сидеть. Я даже ежей варить умею. Только скверные мяса не ем, падальщину всякую, мослы гнилые — к такому отродясь не подожму. А остальное — пожалуйста».

Читаешь, и ясно представляется, как при произнесении этого монолога стариком слушатели потихоньку расходятся.

Во второй части романа рассказчиком становится кожевник по имени Кожедуб, а в третьей — Соловей, разбойник из рода птичеловеков. Однако, если бы это не объявлялось в начале каждой части, персонажей местами можно было бы спутать друг с другом: их речь так же стилистически непоследовательна, а многие высказывания так же нелепы, как и у Ивана. Но если в случае с Кожедубом автор еще продолжает неловкие попытки создать у читателя ассоциации с миром древних славян, то к третьей части вовсе оставляет их...

Очевидно, что славянского фэнтези у Андрея Рубанова не получилось — усы слишком часто отклеиваются. Но не все потеряно! Ведь в уже не раз упомянутом интервью автор объясняет: ему, мол, хотелось большего, чем какое-то там фэнтези, а именно: выйти за рамки жанра, написать большой роман, из которого можно иногда выглядывать, как Лев Толстой, чтобы изречь какую-нибудь мудрость... Может быть, нужно оценивать «Финиста» именно с этой точки зрения?

Похвально, что автор ставит перед собой цель размером с Льва Толстого. Загвоздка только в том, что для этого нужна та самая «высокая художественность», о которой написано на сайте «Надбеста», — она создается, например, цельностью художественного мира и его образов, присутствием внутренней логики в событиях, в действиях героев. Но ведь смастерить ходули и поставить на них готовый сказочный сюжет намного легче, чем выписывать образы и добиваться психологической точности, не так ли? И складывается ощущение, что Рубанов выбирает первое...

Из повествования Ивана: «В свои двенадцать лет я знал имена и отчества примерно пятидесяти князей, сидевших по берегам семи рек от Серпухова до Можая. На самом деле их было больше, под три сотни — но я всех не помнил. Это было неинтересно».

С кем не случилось: решишь выучить триста имен, пятьдесят запомнишь, а потом раз — и неинтересно...

В первой части романа Кирык предлагает Ивану идти в город Резан, чтобы

играть на бубнах. Тот сначала радуется, что туда позвали именно их, потом рассуждает о своей мечте устроить для людей особенное веселье и вдруг походя рассказывает о том, что о Резане вообще-то ходит дурная слава и ему страшно туда идти. Где логика?

А вот Иван попадает в город и видит птичелова с вороном в клетке: «В моей селитьбе воронов не ловили. Ловить ворона — все равно что ловить волка или медведя. Нехорошо, неправильно. Когда увидел этого ворона — понял, что про Резан говорили верно: это действительно черная поляна в черном лесу, опасное гнездо, где люди живут — и ни во что не верят».

Это все из-за одного ворона? Кто тут у нас любитель поспешных выводов?

И здесь же: «Но, конечно, эта толпа, суета, этот размах, эти дубовые, сплошь покрытые резьбой двери с тяжелыми засовами, на толстых, обмазанных жиром кожаных петлях, этот скрип твердого дерева под ногами, этот смех, эти раскрашенные девки — все казалось мне сладкой песней моей великой славы».

Опасное гнездо и сладкая песня славы — что они делают рядом?

А вот рассуждение Кожедуба о крылатом змее во второй части: «От его крика люди впадали в тоску и тревогу, дети плакали и по ночам плохо спали, а у женщин скисала еда в горшках. <...> Хорошие были времена. Хорошая была долина. И крики гада, доносящиеся издалека, почти не портили удовольствия от жизни. <...> Конечно, все мы ненавидели этого гада и ждали, когда он подохнет и перестанет орать».

Читатель снова тоскует и просит у рассказчика пояснений: что это за хорошие времена, когда у тебя под боком живет ежедневно кричащее чудовище, а люди впадают в тоску и тревогу?

В третьей части Соловей говорит: «Мне понравился край, где выросла Марья... <...> ...Эти земли обширны и богаты, покрыты смешанными лесами и благодатными лугами с жирной почвой; люди, живущие в этих землях, сыты и счастливы; их процветанию мешают только длительные холодные зимы, болезни и бесконечные междоусобные конфликты,

в которых гибнет самое активное и крепкое мужское население».

Мужское население погибло, болезни, холод — а так все сыты и счастливы!

Описывая княжеского сына, Соловей называет его «едва оперившимся юнцом» и сейчас же добавляет: «высокий, очень крепкий... осанистый» — ничего себе птенчик!

Таких примеров в тексте столько, что их можно обнаружить, наугад раскрыв книгу в любом месте. Тот же кавардак творится и в отношении психологической оправданности поступков любого из героев. Марья, едва знающая Ивана, почему-то именно к нему приходит с вопросами о нелюдях. После ночи, проведенной с Финистом, Кирьяк пытается напасть на Финиста, устроив ему ловушку, а когда получает отпор, Иван идет вместе с ним искать Финиста, чтобы «по закону» дать ему сдачи: «На каждый удар должно содеять ответный удар». Но ведь Кирьяк первый попытался напасть, разве нет?

При обсуждении плана нападения Иван вдруг скептически высказывается о самой идее поимки птичечеловека, который гораздо сильнее и защищен броней. Тогда зачем Иван сам только что поддерживал эту идею?

«Высокохудожественный» язык романа заслуживает отдельного упоминания. Вот, например, отрывок из описания старшей дочери кузнеца: «Старшая — кровь с молоком, уже начинающая перезревать, — все кусала полные губы, комкала платок в сильных пальцах и поправляла ожерелье на мощной груди».

Полный набор банальностей, напоминающий пыльный сервиз на полке серванта: и кровь с молоком, и полные губы, и мощная грудь. Девушка, перезревающая буквально на глазах у читателя, успевает одновременно что-то кусать, комкать и поправлять, как будто автор посчитал фразу недостаточно перегруженной.

А теперь немного о плюсах (если сравнивать с тем, о чем говорилось выше). Нужно отметить, что в третьей части Рубанов все-таки делает попытку психологически оправдать действия героев во всем романе, для чего заставляет

ведьму произнести монолог о том, чем держится и движется мир. Этот монолог — одно из немногих мест в романе, где встречаются живые, точные мысли, не похожие на описанных в романе безликих тряпичных кукол, слышится кое-где такая мудрость, которую действительно можно воспринимать как народную: «Выверни мужскую природу — там женская. Выверни смерть — там жизнь».

Но оправдания происходящему все равно не получается: одним монологом роман не вытянуть. Кроме того, фраза «девка... появилась — и два громадных народа с места стронула» — это декларация, а не обоснование. Читатель уже знает, что стронула, но не понимает, почему события завертятся именно вокруг Марьи и почему все главные герои очарованы ею настолько, что помогают ей искать ее возлюбленного во вред себе самим. Образ Марьи не просто не объясняет этого — он в романе практически отсутствует. Эта героиня дана как некий постоянный элемент, появление которого рядом с рассказчиком всегда автоматически означает, что тот влюбится и бросится ей помогать.

Уже ко второй части эта формула становится очевидной, говоря читателю: все предрешиено, не будет ни живых образов, ни их развития. Будет лишь растянутый на несколько сотен страниц сюжетный штамп, для привлечения внимания и оправдания эксплуатируемого сюжета напичканный славянизмами. Да и развития действия здесь тоже нет: роман имеет композицию дешевого сериала длиной в вечность, где читателя дразнят появлением ведьм и драконов, как осла морковкой, — только бы тот шел дальше.

К «Нацбесту» же вопрос один: поскольку, на мой взгляд, художественность в романе «Финист — ясный сокол» и не пролетала, какие такие иные достоинства, потянувшие на премию, удалось обнаружить жюри? Вообще, если произведения с подобным уровнем качества могут получить эту награду, хорошо бы прекратить называть ее литературной. А литературные премии лучше приберечь именно для литературы — и до того момента, когда она появится.

Минченков А. М. В дебрях урмана: роман. — М.: Вече, 2019. — 288 с.

Книга А. Минченкова продолжает серию «Сибирский приключенческий роман» московского издательства «Вече». События романа разворачиваются в конце XX века в окрестностях Магадана, где в тайге моют золото старатели-одиночки и небольшие артели. Трое приятелей, недавно отсидевшие кто за кражи, кто за разбой, решают тоже податься в старатели, надеясь потом утаить от государства большую часть золота. Но кроме тяжелого труда и тревожного таежного быта их ждут и другие испытания. В тайге можно встретить не только хищных зверей, но и уголовников, готовых на убийство ради наживы. Да и сами герои, по старой привычке, ищут способ разбогатеть быстро и без труда...

Гербер Д. В. Заблудшие: роман. — М.: Вече, 2018. — 288 с.

Философско-приключенческий роман Дениса Гербера переносит читателя в Сибирь XIX века, где православные церкви соседствуют с дацанами, а хижины старцев-христиан — с пещерами буддийских отшельников. Герои переживают опасные и необычные приключения как в реальном мире, так и в мире духов. Подросток Никита, послушник из монастыря у подножия Саянских гор, путешествует по поручению своего духовного отца. Бельгийский каторжник Степан проходит почти всю Сибирь, сохраняя надежду вернуться к женщине, которую полюбил. Их пути на первый взгляд напоминают беспорядочные блуждания, но судьба ведет обоих к пониманию того, что для них главное в жизни. Книга издана в серии «Сибирский приключенческий роман».

Иванова Т. И. Сага о роде и Родине. — М.: Беловодье, 2019. — 292 с.

Родовая память — та нить, которая незримо связывает времена и поколения. Знание истории своей семьи дарит человеку ощущение устойчивости, укорененности в земной жизни, чувство причастности к событиям настоящего и прошлого. В книге новосибирского журналиста Татьяны Ивановой нет ничего вымышленного, она основана на архивных материалах и семейных преданиях. Восстанавливая историю своей семьи, исследуя судьбы близких и дальних родственников, автор сделала 1250 запросов в разные инстанции, не считая звонков и почтовых отправок. «Я присоединяюсь к высказыванию классика, — пишет Т. Иванова, — что душа человека не взялась из пустоты, она — отголосок многоголосого хора наших родовых предшественников. Каждый из нас не сам по себе, не просто человеческая единица, а порода — достойная, славная, благородная или гнилая, никудышная...»

Книга издана по благословению преосв. Тихона, митрополита Владимирского и Суздальского.

Гилева Е. В. Желтые вертолеты. Книга стихов. — Кемерово: Кузбасский центр искусств, 2019. — 64 с.

Имя Екатерины Гилевой знакомо читателям, и не только в Новосибирске. Ранее у нее уже вышли три книги поэзии и прозы. Год назад, в декабрьском номере, «Сибирские огни» публиковали путевые заметки Екатерины и ее мужа Александра «Ехать, пока не кончится материк». Мы рады сообщить о выходе нового сборника стихов и прозы Е. Гилевой, изданного кемеровским журналом «После 12»

в рамках проекта «ЛитерА, Советский, 40 — адрес сибирской поэзии».

Мы: антология поэтов Донбасса / сост. Карен Джангиров. — М.: Беловодье, 2019. — 472 с.

Сборник знакомит читателей с поэтическим миром Донецкой и Луганской республик. Несмотря на все попытки украинизации Донбасса, авторы антологии чувствуют себя наследниками великой русской литературы. Длющаяся уже несколько лет война не принудила их забыть о творчестве. Наоборот, у них появилось стремление громче говорить о любви к своей земле, о человеческом достоинстве, о желании сохранить русскую идентичность. И они говорят об этом не лозунгами, а стихами. Под одной обложкой собрано несколько десятков имен, это люди разных поколений, пишущие в разной манере. Читатель найдет здесь и классические рифмованные стихи, и верлибры. Сборник посвящен «памяти всех погибших на этой войне за Свободу и Возвращение».

Бабанская А. Акустика. Сборник стихов. — М.: Арт Хаус медиа, 2019. — 98 с.

«Всё между строк, всё между строк», — пишет в одном из своих стихотворений Алена Бабанская, и это в какой-то мере ключ к ее творчеству. За незатейливой внешне формой внимательный взгляд уловит напряженную, плотную, словно сгущенную внутреннюю жизнь. В ритме этих коротких вещей есть что-то наивно-простое, как будто автор начинает с детской считалки, чтобы потом привести нас к совсем не детским, часто трагическим смыслам. Алена Бабанская — автор «Сибирских огней», подборка ее стихотворений вышла в № 2 за 2019 год.

Лариса Подистова

Поселок сибирской монеты: Сузуну — 255 лет (1764–2019) / Под ред. В. Д. Гахова, С. А. Кондрашовой. — Новосибирск, 2019. — 520 с.

«Поселок сибирской монеты» — так называется книга об истории одного из рабочих поселков нынешней Новосибирской области — рабочего поселка Сузун, которому в 2019 году исполнилось 255 лет со дня основания. В ней в наглядной форме представлена масштабная картина образования и развития поселка как история зарождения и развития металлургического производства и монетного дела в Сибири.

Без преувеличения можно назвать данное издание грандиозным — как по охвату представленной в нем проблематики, историческим сведениям, так и по тем историческим источникам, на основе которых оно создано. Его авторы — историки, филологи, сотрудники библиотек и архивов Новосибирска, а составители — сотрудники отдела архива администрации Сузунского района, в первую очередь С. А. Кондрашова и В. Д. Гахов, которые являются также авторами ряда статей и редакторами книги. Трудно преувеличить тот огромный труд, благодаря которому книга увидела свет.

Издание в полной мере раскрывает историю Сузунского завода, монетного двора и поселка Сузун. В нем можно выделить ряд блоков, посвященных производственной деятельности завода, формированию и развитию самого поселка, образованию, языку, культуре Сузуна, появлению первой горнозаводской школы и сельских училищ, книжным собраниям Нижнесузунского завода и первого госпиталя, строительству храма Вознесения Господня и т. д. Все это вехи того исторического пути, по которому шло развитие поселка Сузун, как во многом и других подобных населенных пунктов на территории Сибири. Поэтому исследования, представленные в книге, отражают не только историю формирования, экономического и культурно-исторического

развития Сузуна, но и историю развития Сибири в целом. В сузунской истории, как в зеркале, отражается и история формирования и развития русского языка в Сибири, первоначально в его устно-разговорной форме, в виде русских народных говоров.

Одним из основных достоинств книги является то внимание, которое авторы уделяют первоначальным Сузуна, людям, участвовавшим в деятельности медеплавильного завода и монетного двора: офицерам и чиновникам, управляющим, мастеровым и работным людям, чьим тяжелым трудом крепилась экономическая мощь Сибири. Биографические очерки посвящены не только отдельным личностям, но и целым семьям.

Особую ценность представляют архивные материалы, которые в большом количестве приведены как отдельными блоками (как, например, «Исповедные росписи Нижне-Сузунского завода» за

разные годы), так и в составе авторских статей. Огромная заслуга составителей и авторов книги в том, что эти уникальные материалы обнаружены и введены в научный оборот. Они, несомненно, окажутся большим подспорьем для тех исследователей, особенно молодых, которые продолжат изучение истории Новосибирской области и Сибири в целом.

Достоверность изысканиям авторов книги придадут не только архивные документы, но и наглядный материал, который, без преувеличения, очень украшает книгу: многочисленные фотографии, планы, реестры, таблицы и т. д.

Еще раз хочу поблагодарить составителей книги за тот огромный, благородный, нужный, ценный труд, который они вложили в подготовку к печати и издание «Поселка сибирской монеты». Это бесценный подарок как жителям самого поселка Сузун, так и сибирской науке и культуре.

Нина Лукьянова,

*доктор филологических наук,
профессор Новосибирского
государственного университета*

Владимир ЧИРКОВ

**ГЕННАДИЙ РАЙШЕВ:
АВТОХТОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
ХУДОЖНИКА КАК ИСТОЧНИК
УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ЕГО ИСКУССТВА**

Искусствоведческие письма

Геннадий Степанович Райшев родился в 1934 году в деревне Сивохребт Самаровского района Остяко-Вогульского автономного округа (теперь — Ханты-Мансийский АО в Тюменской области). В профессию художника Райшев шел долго: сначала — филфак Ленинградского пединститута, затем параллельно — занятия в изостудиях и натуральных классах Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, изучение классического европейского и отечественного искусства в Эрмитаже и Русском музее...

В 1962 году Геннадий Степанович оказался в Карпинске (Свердловская область), где работал художником-оформителем в местном кинотеатре и впервые принял участие в художественной выставке. И лишь в 1998 году по приглашению тогдашнего губернатора ХМАО Александра Филиппенко Райшев переезжает в Ханты-Мансийск, где постановлением окружного правительства учреждается Галерея-мастерская художника Г. С. Райшева, которая с 2011 года размещается в специально выстроенном по проекту московского архитектора и художника-монументалиста Сергея Горяева здании.

Эта биографическая справка, конечно, далека от полноты, и самое главное — она не затрагивает сути очень непростого для понимания творчества Райшева, являющегося крупнейшим мастером современного отечественного искусства. И сегодня я попытаюсь до этой сути добраться...

**Письмо первое.
Откуда интерес?**

Творчество Г. С. Райшева в контексте современного отечественного искусства стоит особняком, можно даже сказать, что у него нет аналогий. Почти нет...

«Что значит — “почти”?» — спросит пытливый читатель или зритель. Что ж, с удовольствием отвечаю...

В Сибири в начале и середине XX века бытовало уникальное художественное явление, которое называли по-разному: «сибирский стиль», «северный изобразительный стиль»; на его возникновение повлияли археологические открытия великих древних культур этносов Сибири, что вызвало не только интерес ученых, но и привлекло внимание пытливых художников — таких, например, как омич Николай Третьяков, впитавший с детства интерес к алтайским древностям и мифам, или красноярец Владимир Капелько, годами не слезавший с Шалаболинской писаницы на правом берегу реки Тубы, впадающей в Енисей. Затем, уже в последней трети века, этот стиль ярко проявился в творчестве художников, составивших крепкий костяк «сибирской неoarхаики»: в Красноярске — Николай Рыбаков, в Новокузнецке — Александр Бобкин, в Нижнем Тагиле — Владимир Наседкин, в Томске — Сергей Лазарев, в Барнауле — Лариса Пастушкова, в Горно-Алтайске — Сергей Дыков, в Омске — Владимир Бугаев, Евгений Дорохов... Я сознательно привожу весь географиче-

ский разброс имен, чтобы показать «сибирскую неоархаику» как направление экстерриториального характера, захватившее всю Сибирь.

А первые шаги по этому пути ученые и художники, составлявшие костяк сибирских отделений Русского географического общества и движения «областничества», сделали еще во второй половине XIX века — и с той поры не прекращался интерес к «питающему ландшафту» (Л. Н. Гумилев) местных (автохтонных) народов, их культуры и их архетипов. На этой питательной почве и взросло уникальное творчество Г. С. Райшева.

Письмо второе.

О ранних работах и линогравюрах Геннадия Райшева

В свое время серия работ под названием «Мужички салымские» (1972) произвела очень сильное впечатление — как негативное (примитив, самодеятельность!), так и позитивное (авангард!), но сейчас кажется, что оба мнения страдают излишней субъективностью, так характерной для эмоциональной художественной публики.

В этой ситуации прислушаемся к словам самого автора: «Меня иногда называют авангардистом, примитивистом или пытаются поместить еще в какой-нибудь из “блоков”. Но я отвечаю: личность вмещает все... У меня нет разделения на реальное, абстрактное, ибо я вижу: это все есть в различных градациях жизни».

Так, салымские мужички у Райшева — эдакие игрушечные человечки, сросшиеся с природой, а точнее — выросшие из нее. Их пластика строится на ритме преобладающих вертикальных и подчиненных горизонтальных линий, нарезанных по линолеуму. Заданная диспропорция сидящих в лодочках-долбленках человечков и вёсел в их руках, подчиняясь единому и непрерывному ритму линий, рождает ощущение народной жизни, влитой в природу.

Тонкий знаток творчества Г. С. Райшева московский искусствовед Ю. Я. Герчук отмечал: «Это трудный мастер, потому что зрелища, которые он предлага-

ет, непривычны. Они не прочитываются сами собой и не расшифровываются по каким-либо уже знакомым формулам».

Максимально упрощая форму, часто доводя ее до знака, предлагая новое понимание пространства картины, Райшев был упрям в поисках именно своих формул; интуитивно прозрев изобразительную пластику, которая напрямую связана с народной жизнью и мифологией, художник шел к своей цели: создать искусство, запитанное от корневой системы народной культуры. Так впоследствии появятся циклы «Югорская легенда» (1980-е годы) и «Древняя Югра» (1990-е годы)...

Письмо третье.

О художественном пространстве

Художник Райшев сопровождает свое творчество щедрыми комментариями, помогающими расшифровать его: «Правда состоит в том, чтобы изображать так, как в природе естественной и в природе моей головы, в природе моего восприятия, моего я... Каждый раз, изображая новое пространство, я разделяю по времени прохождения: одно пространство, второе, третье, четвертое — все в одной картине. Художник движется и в пространстве, и во времени».

Слыша эти слова, я вспоминаю свои юношеские впечатления от романа «Подлеморье» бурятского писателя Михаила Жигжитова, который строит повествование по очень похожей схеме: одно, второе, третье пространство — так понимают реальный мир природные (автохтонные) народы. Самое интересное в подобном творчестве то, что при отсутствии бытовизма и натурализма в каждой работе есть черты и индивидуальности, и типичности: народные образы или образы, уходящие корнями в мифологию и философию этноса. Образы «глухарей», «острохвостов», «тетеревов», «ягод-морошек», «уточек», «травяных, болотных мужиков и баб» — это некий наднатурный пласт художественного воображения художника, через который реализуется видение одушевленного по этномифологическому представлению мира, унаследованного от народа.

Сам Райшев по этому поводу высказывается так: «Я не считаю себя художником в традиционном понимании этого слова... В первую очередь, я — человек... Родившийся в природе... На большом пространстве [воды] (курсив мой — В. Ч.)... И оно меня захватывает, делает интересным. Эти солнечные блики входят в мое зрение, в мое подсознание. Я этим доволен... Мне это интересно. Думаю, это и есть портрет — мой и природы...».

Письмо четвертое. Космическое

Постепенно, как мне кажется, начиная с символического языка в пластике «Югорской легенды», Геннадий Степанович «взлетел» до универсалий космоса. Это, конечно, условные определения, но за ними на самом-то деле стоит тяготение автора к максимам бытия человека, истоки которых находятся, по мнению М. Хайдеггера, в «здесь и сейчас».

Если вспомнить таких крупных мастеров сибирского пейзажа, как Борис Рязузов (Красноярск), Виталий Смагин (Иркутск), Анатолий Никольский (Новосибирск), Геннадий Борунов (Барнаул), то мы увидим, что они могли конкретный природный мотив пластически решить так, что он воспринимался как некий «космический» объект, содержащий в себе эстетическую универсалию. Имя Геннадия Райшева находится в этом блистательном ряду, но при этом его творчество очень своеобразно: Райшев — художник-экзистенциалист, превращающий внешний мир и объективное историческое время в свое внутреннее субъективное сознание.

Начиная с ранних линогравюр («Мужички салымские») и кончая современной живописью, художник не предстает ни рассказчиком-повествователем, ни портретистом-жанристом, ни пейзажистом, хотя при этом внешние жанровые признаки налицо. Но классифицировать его работы по этим внешним признакам не получается — ускользает что-то важное, что-то главное... Что же? Глубоко индивидуальное видение мира, который художник не мыслит вне себя и вне природы.

Г. С. Райшев, по его словам, «полиэтнического» происхождения: «Ощущение русско-сибирского духа во мне... присутствует... Я родился в русской деревне, мать у меня русская. Отец — ханты... Поэтому я фольклор русский так же впитал в себя, как и хантыйский».

Фольклор у этносов является составной частью мифологии, мифологического мироощущения и мышления, поэтому живописец-график Г. С. Райшев по мироощущению, мировосприятию — язычник, даже шире — пантеист. Все, что он изображает, — живет, дышит, растет, в нем есть внутренняя энергия, находящая эстетическое воплощение в живописи и ее фактурах, в композиции, в избранном и согласованном ритме изображений.

Внимательно вглядываясь в картины и графику разных лет, вчитываясь в литературные тексты художника, вновь и вновь убеждаешься не только в уникальности художественного явления Райшева, но и в редкости синтетического мировоззрения современного человека, сохранившего чистоту и непосредственность восприятия мира.

Творчество Г. С. Райшева подтверждает то, что было открыто еще В. В. Кандинским, правда, совсем на другом материале. Напомню, как художник, оказавшись в вологодской крестьянской избе, пережил эстетическое потрясение: «Ярко помню, как я остановился на пороге перед этим неожиданным зрелищем. Стол, лавки, важная и огромная печь, шкафы, поставцы — все было расписано пестрыми, размашистыми орнаментами... Когда я наконец вошел в горницу, живопись обступила меня, и я вошел в нее. С тех пор это чувство жило во мне бессознательно».

Открытие красоты мира привело к рождению абстракционизма и беспредметной живописи, они строились на иных пластических и мировоззренческих принципах, чем ренессансная картина.

Огромный интерес к работам Г. С. Райшева определяется еще и тем, что он в своем творчестве народную самобытность смог раскрыть на высочайшем профессиональном уровне, найдя для нее неповторимую пластическую и стилистическую форму.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2019 ГОД

ПРОЗА

- Андреев Анатолий. Чудо гороховое. Рассказ. — 9.
Барбанияга Екатерина. Проводы в вечность. Повесть. — 8.
Башкуев Геннадий. Убить время. Рассказ. — 9.
Бимаев Анатолий. Запретка. Рассказ. — 6.
Васильева Владислава. Пенсия для царицы. Рассказ. — 8.
Ветловская Оксана. В упор не промахнешься. Рассказ. — 10.
Виськин Юрий. Автиан. Рассказ. — 11.
Владимиров Сергей. Старик и собака. Рассказ. — 4.
Высоцкая Кристина. Кровная свора. Повесть. — 1, 2, 3.
Гербер Денис. Пробуждение. Рассказы. — 9. Петля Герострата. Рассказ. — 11.
Грантс Янис. В ожидании лучших дней. Рассказы. — 9.
Гусев Роман. Кардиограмма. Рассказ. — 6.
Жданов Александр. От лета к осени. Рассказ. — 12.
Зельдин Сергей. Профессионал. Рассказ. — 9.
Ивин Алексей. Аника-труженик. Рассказ. — 4.
Ильдирирова Татьяна. Живая вода. Рассказ. — 12.
Калашников Михаил. Вровень с рекой. Рассказ. — 10.
Кожухов Игорь. Охлупень. Рассказ. — 6.
Колосов Николай. Темные комнаты. Рассказы. — 2.
Копнинов Валерий. Гоголь-моголь, или Майская ночь на рождество. Рассказ. — 4.
Корниенко Игорь. Черное и красное. Рассказы. — 6.
Королев Андрей. Белый воробей. *Автогеография*. Роман. — 11, 12.
Короткова Наталья. Письмо в головной офис. Рассказ. — 4.
Косовская Мария. Открытый космос. Рассказ. — 3.
Кравченко Надежда. Ворон ворону... Из цикла «Сказания о руде ирбинской». — 6.
Кудлач Ярослав. Проблема контакта. Рассказы. — 8.
Лахман Галина. Брахман, возносящий молитву солнцу. Рассказ. — 10.
Лемберг Стефания. Мать миллионера. Рассказ. — 6.
Лобанова Елена. Свет в конце июня. Главы из романа. — 5.
Лузанов Олег. Непридуманная война. Рассказы. — 5.
Лямкин Вячеслав. Отпусти его на небо, душа... Повесть. — 3.
Марков Павел. Одиночество. Рассказ. — 7.
Маховицкая Татьяна. Здесь мой дом. Рассказ. — 10.
Михайлова Нина. Коренная порода. Рассказы. — 4.
Моловцева Наталья. На отшибе. Рассказ. — 6.
Молодцова Мария. Ромовая баба. Рассказ. — 2.
Перминова Надежда. Тонькина кукла. Рассказы. — 4.
Полюга Михаил. К строевой годен. Повесть. — 4, 5.
Поляков-Катин Дмитрий. Соло для камертона. Рассказ. — 10.
Проталин Борис. Сибирские бывальщины. Рассказы. — 12.
Разумова Анастасия. Кто стерег коней ночью... Повесть. — 12.
Рантович Михаил. Афей. Рассказ. — 6.
Раскольников Екатерина. Искусство непонимания. Рассказы. — 6.
Резников Владислав. Остановка. Рассказ. — 10.
Романов Александр. Север. Рассказ. — 1.
Савельева Елена. Когда созреет урожай. Рассказы. — 7.
Сагдиева Виктория. Кайзер. Рассказ. — 3.
Сапрыкина Татьяна. Лапочка. Рассказы. — 7.
Селюкова Дарья. Холодные дни. Рассказы. — 4.
Соболев Денис. Испытание тайгой. Рассказы. — 12.

- Соляная Ирина. Сами вы жертвы! Повесть. — 9.
 Софронов Вячеслав. Страна Печалия. Главы из романа. — 7.
 Стародубцева Мария. Гадалка. Рассказ. — 8.
 Федорищева Юлия. Черри. Рассказ. — 11.
 Федорова Марина. Домой. Рассказ. — 2.
 Хафизов Олег. Дуэлист. Главы из романа. — 1, 2, 3.
 Шляхова Галина. Вовка-писарь. Рассказ. — 6.

ПОЭЗИЯ

- Аврутин Анатолий. «Там, где пустошь...» Стихи. — 12.
 Андреева Анастасия. «В темном небе облако...» Стихи. — 6.
 Ахпашева Наталья. Застиранный неба деним. Стихи. — 9.
 Бабанская Алена. Яблочко песни. Стихи. — 2.
 Баранова Евгения Джен. Поле Верлена. Стихи. — 10.
 Безрукова Елена. Неразученные дни. Стихи. — 5.
 Белоедова Наталья. Так спокойней. Стихи. — 10.
 Берязев Владимир. Станция Ближний Свет. Стихи. — 11.
 Бецко Анжела. Дом на пропажу. Стихи. — 4.
 «В нашем марте вооруженном». Дмитрий Трибушный, Сергей Шаталов, Иван Волосюк, Анна Ревякина. Стихи поэтов Донецка. — 4.
 Васильцов Иван. Неучтенный мир. Стихи. — 3. О лишних птицах. Стихи. — 9.
 Габриэль Александр. Дальняя станция. Стихи. — 7.
 Григорьев Алексей. Что мы знаем о девочке? Стихи. — 2.
 Делаланд Надя. Трафареты для жизни. Стихи. — 1.
 Денисенко Александр. «...С отчетливой надеждой на печаль». Стихи. — 6.
 Колесник Любовь. «Там, где раньше были канцтовары...» Стихи. — 4.
 Комаров Константин. Проверенная смерть. Стихи. — 12.
 Комбу Сайлыкмаа. Тише тени. Стихи. — 8.
 Косогов Владимир. «Был декабрь ангинный...» Стихи. — 8.
 Костин Владимир. Грустная память о лучшем. Стихи. — 7.
 Крюков Владимир. Невозвратимая пора. Стихи. — 4.
 Кузницына Наталья. «На крайней даче — тишина...» Стихи. — 11.
 Куницын Игорь. В зале ожидания. Стихи. — 2.
 Левантовский Михаил. В игрушечном автобусе. Стихи. — 1.
 Ливинский Станислав. Без эстетики. Стихи. — 10.
 Мошников Олег. Обонежское чудо. Стихи. — 6.
 О жизни человека. Духовные стихи сибирских староверов в литературной обработке Владимира Берязева. — 2.
 Охотникова Вера. Сорокопут. Стихи. — 7.
 Пименов Александр. Подле врат околземных. Стихи. Предисловие Александра Ахавьева. — 3.
 Полянина Ольга. Летописное лето. Стихи. — 12.
 Пынзари Анжела. Уроки саамского. Стихи. — 8.
 Радашкевич Александр. «Я выучил уроки бытия...» Стихи. — 9.
 Рогхеман Виллем. Осень модернизма. Стихи. Перевод с нидерландского Анастасии Андреевой. — 1.
 Рубанов Роман. Поезд на Москву. Стихи. — 10.
 Руденко Александр. Жасминовый чай. Стихи. — 5.
 Рыпка Ирина. Время нас. Стихи. — 3.
 Сапрыкина Серафима. «Родом из усть-потёмок...» Стихи. — 8.
 Теплякова Мария. «У сердца твоего такое имя...» Стихи. — 6.
 Трушкина Анна. Предчувствие белого. Стихи. — 9.
 Федотова Елена. «А дня еще много...» Стихи. — 5.

- Францев Александр.** В пригороде темном. Стихи. — 1.
Фроловская Мария. Новогоднее серебро. Стихи. — 5.
Шалашова Александра. Самое долгое путешествие. Стихи. — 11.
Шевченко Ганна. «Ходит кругом звезда на цепи...» Стихи. — 11.
Шелленберг Вероника. «Отпусти меня, ма...» Стихи. — 12.
«Щекочет горло мотылек...» Александра Малыгина, Евгений Егофаров, Ольга Казаковцева. Стихи. — 7.

ДРАМАТУРГИЯ

- Красногоров Валентин.** Режиссер массовых зрелищ. *Трагикомедия в двух действиях без перерыва.* — 8.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

- Банин Сергей.** Почитаем Самохина. *О некоторых особенностях прозы писателя.* — 11.
Нагибин Иван. Алтын-Аргинак. Поэма. — 4.
Прашкевич Геннадий. Наше время. *Три автографа Николая Самохина.* — 11.
Савченкова Татьяна. Тобольский поэт-романтик Иван Нагибин и его поэма «Алтын-Аргинак». — 4.
Самохин Николай. У каждого облака есть золотой край. Рассказы. — 11.
Щукин Михаил. В районе равнодушного сердца. *Вспоминая Николая Самохина.* — 11.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Владимиров Сергей.** Служа России и закону. *Из истории новосибирского ОМОНа.* — 12.
Гордин Александр. Очищение души. — 3.
Ермоленко Станислав, Старышкина Анастасия, Шелестюк Ксения, Якупова Наталия. Первая в Сибири. *О научно-технической библиотеке Колывано-Воскресенских заводов.* — 10.
Жанен Морис. Отрывки из моего сибирского дневника. — 7.
«Задержаны и сданы чинам сыскного отделения...» Новониколаевск в 1919 году. *Документы.* — 8.
Занкевич Михаил. Последние дни Колчака. — 12.
Кирилин Анатолий. Давай умрем в Чарышском! Путевой очерк. — 4.
Красавина Екатерина. Всюду он брал меня с собой... Главы из воспоминаний. — 5, 6.
Красильникова Екатерина. Загадочный старец Федор Кузьмич в Томске. *Мозаика легенд и слухов.* — 3.
Красногоров Валентин. Крысы. Фрагмент воспоминаний. — 5.
Куравский Павел. Дом преткновения. — 11.
Маранин Игорь. Сибирский легендарium. Главы из книги. — 6.
Метелица Дмитрий. Четыре часа. — 1, 2.
Огарков Владислав. Тояма Токанава. — 9.
Подистова Лариса. Рождение сибирской легенды. *К 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора. Очерк первый.* — 4. *Рецепты волшебства. К 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора. Очерк второй.* — 8. *Счастливые люди. К 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора. Очерк третий.* — 10. *Сибиряк — это человек-вызов. К 75-летию Государственного академического Сибирского русского народного хора. Очерк четвертый.* — 12.

Русская поэзия в современном мире. На вопросы редакции журнала «Сибирские огни» отвечает поэт Юрий Кублановский. — 6.

Седых Владимир. Как я стал сибиряком. — 10.

Семенов Владимир. Из дневника присяжного заседателя. — 1, 2.

Смирнов Иван. От колчаковщины к советам. Переговоры с Политическим центром в январе 1920 года. — 7.

Стефанов Илья. Атланты. — 5.

Чагин Владимир. Николай Ауэрбах: бегство на Север. — 9, 10.

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Алпатов Максим. Воспитание героя. О романе Алексея Иванова «Пищеблок». — 8.

Баронец Влада. Как сделать куклу из тряпочки и получить «Нацбест». — 12.

Бойников Александр. Голгофа или воскресение? *Размышления над прозой Василия Киякова.* — 5.

Васильев Константин. Кресло особого устройства и тайный люк в полу — по народным слухам и по свидетельству просвещенной публики. — 7, 8.

Кудимова Марина. Не надо отказываться от богатства. — 3.

Куравский Павел. Китеж-град Ларисы Кравченко. — 9.

Хлебников Михаил. Блок, зеркало, нога, или В поисках потерянного отражения Дмитрия Быкова. — 3. Роман Алексея Иванова «Тобол», или О пользе прямолинейности. — 4. Венедикт Ерофеев, или Хризантема на тахте. — 10.

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Бушуева Мария. «Коробок» Владимира Костина. — 6.

Подистова Лариса. От «Евангелия Достоевского» до северных легенд. *Лучшие книги года по версии «Книжной Сибири».* — 1.

Расторгуев Андрей. За дверью всех дверей. — 2.

Романов Владимир. «Там, где солнце садится в телегу...» — 9.

Яранцев Владимир. И был, и сказка. — 5. Хор и голос. — 7.

КОРОТКО О КНИГАХ — 5, 12.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ «СИБИРСКИХ ОГНЕЙ»

Богомолова Людмила. Константин Чеботарев и Александра Платунова: омская страница в творческой судьбе художников казанского авангарда. — 3.

Бусаргина Тамара. Архетипы русского сознания в пейзажах Владимира Кузьмина. — 2.

«Любить окружающий мир и чувствовать его свет...» *Беседа с художником Ириной Анатольевной Карнушиной.* — 1.

Маликов Евгений. «Неизвестный солдат» Евгений Иванов. — 5.

Прокопов Евгений. Александр Копылов — художник, педагог, подвижник. — 11.

Чертогова Марина. Николай Шемаров. Верность традиции. — 8.

Чирков Владимир. «Железный скульптор» Александр Капралов. — 4. Портретная живопись Александра Новика. *Искусствоведческие письма.* — 6. Сергей Мосиенко. *Искусствоведческие письма.* — 9. Людмила Белозёрова: нежные краски жизни. *Искусствоведческие письма.* — 10. Геннадий Райшев: автохтонное происхождение художника как источник универсальности его искусства. *Искусствоведческие письма.* — 12.

АВТОРЫ НОМЕРА

Аврутин Анатолий Юрьевич родился в 1948 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Автор двадцати двух поэтических сборников, изданных в России, Беларуси, Германии и Канаде. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси, Большой литературной премии России и др. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная». Живет в Минске.

Баронец Влада родилась в 1981 г. в Ростовской области. Окончила филологический факультет Ростовского государственного университета. Публиковалась в журналах «Звезда», «Север», «Невский альманах». Живет в Санкт-Петербурге.

Владимиров Сергей Андреевич родился в 1977 г. в Новосибирске. Окончил Новосибирский государственный педагогический университет. Работал журналистом, специалистом по связям с общественностью, ведущим и редактором на телевидении. Живет в Новосибирске.

Жданов Александр Борисович родился в 1956 г. в Баку. Окончил филологический факультет МГУ. Поэт, прозаик, художник, искусствовед. Член Союза российских писателей и Творческого союза художников России. Работал учителем, журналистом, редактором газеты. Публиковался в журналах и альманахах «Нева», «Литературный Азербайджан», «Берега» и др. Автор нескольких книг стихов и прозы и трех учебных пособий по истории изобразительного искусства. Живет в Калининградской области.

Ильдиризова Татьяна (Гаврилова Татьяна Никоноровна) родилась в 1981 г. в Кемерове. Окончила юридический факультет Кемеровского государственного университета. Публиковалась в журналах «После 12», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Сибирские огни» и др. Лауреат ряда литературных премий. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.

Комаров Константин Маркович родился в 1988 г. в Свердловске. Выпускник филологического факультета Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина. Кандидат филологических наук. Публиковался в журналах «Новый мир», «Урал», «Вопросы литературы», «Знамя», «Октябрь» и др. Лауреат ряда литературных премий. Автор нескольких книг стихов и литературно-критического сборника «Быть при тексте». Член Союза российских писателей. Живет в Екатеринбурге.

Королев Андрей Александрович родился в 1964 г. в Кемерове. Окончил филологический факультет Кемеровского государственного университета. Газетчик с 30-летним стажем. В юности был профессиональным футболистом (играл за команду «Кузбасс»). В настоящее время ответственный секретарь газеты «Кузбасс». Публиковался в журналах «После 12», «Огни Кузбасса». Живет в Кемерове.

Подистова Лариса Николаевна родилась в 1967 г. в Алма-Ате. Окончила Новосибирский государственный университет, филолог. Много лет преподавала русский язык и литературу, а также иностранный язык в школе. Стихи и проза публиковались в журналах «Новосибирск», «Невский альманах», «Дальний Восток», «Север» и др. Член Союза писателей России.

Полянина Ольга Анатольевна родилась в 1982 г. в Уфе. Окончила исторический факультет Башкирского государственного университета. Кандидат исторических наук, преподаватель. Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Сибирские огни». Автор сборника стихов «Пешеход» (2009). Лауреат журнала «Бельские просторы» в номинации «Поэзия» (2016). Живет в Уфе.

Проталин Борис Евстафьевич родился в 1950 г. в с. Прохоркино Александровского района Томской области. Окончил Новосибирское театральное училище и Высшую профсоюзную школу культуры при ВЦСПС. Собирает фольклора. Художественный руководитель Областного центра русского фольклора и этнографии. Публиковался в журналах «Сибирская горница», «Новосибирск». Автор повести «Бабушка» (2012). Живет в Новосибирске.

Разумова Анастасия Александровна родилась в 1983 г. в Красновишерске Пермского края. Окончила Пермский государственный университет. Работает журналистом в СМИ. Лауреат литературной премии «Лицей» им. А. Пушкина (2019). Живет в Березниках.

Соболев Денис Валерьевич родился в 1980 г. в Киселевске Кемеровской области. Окончил Институт рекламы и связей с общественностью (НГПУ), ведет проектную деятельность в сфере маркетинговых коммуникаций. Создатель канала интересных рассказов «Соболев пишет» на «Яндекс.Дзен». Публиковался в журнале Leaders Today. Автор двух сборников прозы и романа «Говорящий с травами». Живет в Новосибирске.

Чирков Владимир Федорович родился в 1947 г. Кандидат философских наук. Заслуженный деятель культуры Омской области, член комиссии по искусствоведению и художественной критике ВТОО СХР, почетный член Российской академии художеств. Автор более 300 публикаций и научных трудов, куратор выставочных и научных проектов. Живет в Омске.

Шелленберг Вероника Владимировна родилась в 1972 г. в Омске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Арион», «День и ночь», «Урал», «Москва» и др. Автор девяти стихотворных сборников. Лауреат ряда литературных премий. С 2017 года председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей и редактор альманаха «Складчина». Живет в Омске.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 09.11.2019. Дата выхода № 12 за 2019 г. в свет 16.12.2019.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.